

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русини

№ 2 (44), 2016

Общественная ассоциация «Русь»

Национальный исследовательский
Томский государственный университет



По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первонерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русь

2016, 2 (44)

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдавия)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2016, 2 (44)

Association "Rus" (Kishinev, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Сергей Суляк

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Заместитель главного редактора

Дмитрий Катунин

Томский государственный университет (Россия)

Николай Бабилунга

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михаил Губогло

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук (Россия)

Юрий Данилец

Ужгородский национальный университет (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Александр Майоров

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Всеволод Меркулов

Академия ДНК-генеалогии (Россия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Сочинский государственный университет (Россия)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Петр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

Editorial Board:

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Deputy Editor-in-Chief

Dmitry Katunin

Tomsk State University (Russia)

Nikolai Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhail Guboglo

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Yuriy Danilets

Uzhhorod National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Alexander Maierov

St. Petersburg State University (Russia)

Vsevolod Merkulov

The Academy of DNA Genealogy (Russia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodoi'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

Sochi State University (Russia)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

Editor's Address: Association "Rus". M. Kogalniceanu Street, 24, ap. 1A,
Kishinev, MD 2001, Moldova. Tel.: (+373 22) 28-75-59. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association "Rus", 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	7
II МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЯ КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА ХХІ в.»	
<i>Зиновьев В.П., Зиновьева В.И.</i>	
А.А. БРУСИЛОВ – РУССКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ	9
<i>Назария С.М.</i>	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ МОЛДОВЫ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918)	19
<i>Фоминых С.Ф., Степнов А.О.</i>	
БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ В ЗЕРКАЛЕ СИБИРСКОЙ ПРЕССЫ	44
<i>Соколов А.Р.</i>	
ВОССОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ ЦЕРКОВНЫЕ ПРОЕКТЫ 1914–1915 гг. В ГАЛИЦИИ И ЗАКАРПАТЬЕ ПО МЕМУАРАМ ГЕОРГИЯ ШАВЕЛЬСКОГО	58
<i>Суляк С.Г.</i>	
РУСИНЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ	73
<i>Шорников П.М.</i>	
ПОЧЕМУ НЕ СОСТОЯЛАСЬ ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ НА БОСФОРЕ?	93
<i>Содоль В.А.</i>	
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУХОВЕНСТВА КИШИНЕВСКОЙ ЕПАРХИИ В 1915–1916 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ «КИШИНЕВСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»)	111
<i>Данилещ Ю.В.</i>	
ПРАВОСЛАВНЫЙ РУХ НА ЗАКАРПАТТІ В РОКИ ПЕРШОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ	136
<i>Оськин М.В.</i>	
БЕССАРАБИЯ В 1916 – НАЧАЛЕ 1917 г.: БЛИЖАЙШИЙ ТЫЛ ЮЖНОГО ФАСА ВОСТОЧНОГО ФРОНТА	158
<i>Coranič Ja.</i>	
THE STATUS OF GREEK CATHOLIC RUSYNS IN SLOVAKIA DURING WORLD WAR I (ECONOMIC, CULTURAL AND RELIGIOUS ASPECTS)	171
<i>Некрылов С.А., Фоминых С.Ф.</i>	
4-Й СИБИРСКИЙ ТОМСКИЙ ПЕРЕДОВОЙ ВРАЧЕБНО-ПИТАТЕЛЬНЫЙ ОТРЯД НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ (1915–1916 гг.)	187
<i>Кічера В.В.</i>	
ТЕМАТИКА «ВІЙНИ І МИРУ» В ЛИСТУВАННІ ТА ДІЛОВІЙ ДОКУМЕНТАЦІЇ ВАСИЛІАН УГОРСЬКОЇ РУСІ (1914–1918)	200
<i>Магась В.О.</i>	
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСКОГО СОЮЗА И СОЮЗА ГОРОДОВ НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ В 1914–1917 гг.	212
<i>Світлик Н.М.</i>	
КУЛЬТУРНЕ ЖИТТЯ НА ЗАКАРПАТТІ НАПЕРЕДОДНІ ТА В РОКИ ПЕРШОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ	229
РУСИНСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	
<i>Бахтурина А.Ю.</i>	
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ВЕЛИКА ВІЙНА 1914–1918 РР. І УКРАЇНА» (КН. 1. КІЇВ, 2014, КН. 2. КІЇВ, 2015)	245

CONTENTS

Editor's Page	7
2ND INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE THE HISTORY OF THE CARPATHIAN-DNIESTER LANDS FROM ANCIENT TIMES TO THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY	
<i>Zinoviev V.P., Zinovieva V.I.</i> A.A. BRUSILOV – RUSSIAN COMMANDER	9
<i>Nazaria S.M.</i> THE SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL EVOLUTION OF MOLDOVA IN THE PERIOD OF WWI (1914-1918)	19
<i>Fominykh S.F., Stepnov A.O.</i> THE BRUSILOV OFFENSIVE REFLECTED IN THE SIBERIAN PRESS	44
<i>Sokolov A.R.</i> REUNION CHURCH PROJECTS OF 1914–1915 IN GALICIA AND TRANS-CARPATHIA ACCORDING TO MEMOIRS OF GEORGY SHAVELSKY	58
<i>Sulyak S.G.</i> RUSINS IN THE MEMOIRS OF THE PARTICIPANTS OF THE GREAT WAR	73
<i>Shornikov P.M.</i> WHY DIDN'T THE LANDING OPERATION TAKE PLACE ON THE BOSPHORUS?	93
<i>Sodol V.A.</i> PHILANTHROPIC ACTIVITIES OF THE CLERGY OF THE KISHINEV DIOCESE IN 1915–1916 (ACCORDING TO MATERIAL IN THE "KISHINEV DIOCESAN GAZETTE")	111
<i>Danilets Ju.V.</i> THE ORTHODOX MOVEMENT IN TRANS-CARPATHIA DURING THE YEARS OF WWI	136
<i>Os'kin M.V.</i> BESSARABIA IN 1916 – EARLY 1917: THE NEAREST HOMEFRONT OF THE SOUTH FLANK OF THE EASTERN FRONT	158
<i>Coranič Ja.</i> THE STATUS OF GREEK CATHOLIC RUSYNS IN SLOVAKIA DURING WORLD WAR I (ECONOMIC, CULTURAL AND RELIGIOUS ASPECTS)	171
<i>Nekrylov S.A., Fominykh S.F.</i> THE 4TH SIBERIAN ADVANCED MEDICAL-NUTRITIONAL DETACHMENT OF TOMSK ON THE SOUTH-WESTERN FRONT (1915–1916)	187
<i>Kichera V.V.</i> THE THEME "WAR AND PEACE" IN THE CORRESPONDENCE AND BUSINESS DOCUMENTS OF THE BASILIANS IN HUNGARIAN RUS' (1914–1918)	200
<i>Magas V.O.</i> THE SOCIAL AND POLITICAL ACTIVITY OF THE ZEMSKY UNION AND THE UNION OF CITIES ON THE SOUTH-WESTERN FRONT IN 1914–1917	212
<i>Svitlyk N.M.</i> THE CULTURAL LIFE OF TRANS-CARPATHIA BEFORE AND DURING WORLD WAR II	229
RUSIN BIBLIOGRAPHY	
<i>Bakhturina A.Y.</i> REVIEW OF THE BOOK "THE GREAT WAR OF 1914-1918 AND THE UKRAINE" (VOL. 1. KIEV, 2014; VOL. 2. KIEV, 2015)	245

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ!

В данном номере опубликованы материалы II Международной научно-практической конференции «История Карпато-Днестровских земель с древнейших времен до начала XXI в.», проведенной 24–25 мая 2016 г. в Кишиневе.

В этом году научное мероприятие было посвящено 100-летию Брусиловского прорыва (22 мая (4 июня) – 31 июля (13 августа) 1916 г.), также называемого Луцким прорывом или 4-й Галицийской битвой. В его ходе русские войска вновь заняли Восточную Галицию и Буковину, значительную часть населения которых составляли русины.

А.А. Керсновский в своей «Истории Русской армии» дал объективную, на наш взгляд, оценку этой наступательной операции русской армии: «Тактические результаты ее были внушительны. Завоевана была Буковина, захвачено 420 000 пленных (из них германцев 80 000), 600 орудий, столько же минометов и бомбометов, 2 500 пулеметов и огромная добыча. Велико было и политическое значение Брусиловского наступления. Итальянская армия была спасена от разгрома (Капоретто отсрочено на полтора года). Французский фронт получил большое облегчение в критический момент июньского кризиса под Верденом: кронпринц приостановил свое наступление на Маасе, и его резервы отправились на Волынь. Наконец, буковинская победа Лечицкого побудила к выступлению Румынию.

Стратегического решения это политически выгодное и тактически удавшееся наступление не принесло. Сперва его не требовали, а затем его не сумели добиться. Для России и русской армии вся эта грандиозная наступательная операция в конечном счете оказалась вредной».

Годы Первой мировой войны – наиболее трагические страницы истории русинов. Населенные ими регионы оказались в зоне боевых действий. Это привело к массовым миграциям населения. С начала войны австро-венгерские власти начали политику геноцида против русинов, создав первые в Европе концлагеря. В них было уничтожено не менее 60 тыс. мирных жителей – русинов.

Организаторами конференции выступили Российский центр науки и культуры в Республике Молдова, международный исторический журнал «Русин», Национальный исследовательский Томский государственный университет и Общественная ассоциация «Русь».

В ней принял участие 21 исследователь из России, Украины, Молдавии, Словакии и Туркмении. К сожалению, из-за проблем с финансированием некоторые доклады были представлены заочно.

С.Г. Суляк, главный редактор

DEAR MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD, AUTHORS AND READERS!

This issue contains the materials of the 2nd international scientific and practical conference The history of the Carpathian-Dniester Lands from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century, held in Kishinev on May 24–25, 2016.

This year the conference was dedicated to the 100th anniversary of the Brusilov Offensive (22 May (4 June) – 31 July (13 August), 1916), also called the Lutsk Offensive or the 4th Galician Battle. During that offensive, Russian troops reoccupied Eastern Galicia and Bukovina, where a significant part of the population were Rusins.

In his History of the Russian Army, A.A. Kersnovskiy gave an objective, from our point of view, assessment of the offensive operation of the Russian army: “Tactical results of this operation were impressive. Bukovina was conquered, 420,000 prisoners (of which 80,000 were Germans), 600 guns, the same number of mortars and howitzers, 2,500 machine guns and a lot of trophies were captured. The Brusilov Offensive had a great political significance. The Italian army was saved from crushing (Caporetto was delayed for one and a half years). The French front had a great relief in the critical moment of the June crisis at Verdun: the Crown Prince halted his advance on the Meuse, and his reserves went to Volyn. Finally, the Bukovinian victory of Lechitskiy led Romania to action.

This politically and tactically advantageous offensive had not brought a strategic solution. First, it was not required, later it was impossible to achieve. For Russia and the Russian army all this grand offensive operation was harmful”.

The years of the First World War were the most tragic pages in the history of Rusins. The regions with the Rusin population were in the war zone. This led to mass migration. Since the beginning of the war Austro-Hungarian authorities began a policy of genocide against Rusins and established the first concentration camps in Europe. There Austro-Hungarian authorities killed at least 60 thousand Rusin civilians.

The organizers of the conference were the Russian Centre of Science and Culture in the Republic of Moldova, the International Historical Journal Rusin, Tomsk State University and the Association “Rus”.

21 scholars from Russia, Ukraine, Moldova, Slovakia and Turkmenistan were participants of the conference. Unfortunately, due to the problems with the funding some reports were presented in absentia.

Sergey Sulyak, Editor-in-Chief

УДК 94(47)"1914/1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/44/2

А.А. БРУСИЛОВ – РУССКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ*

В.П. Зиновьев¹, В.И. Зиновьева²

¹ Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: vpz@tsu.ru

² Томский государственный университет систем управления
и радиоэлектроники

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40

E-mail: vpz@tsu.ru

Авторское резюме

Яркая личность А.А. Брусилова находилась в центре идеологического противостояния белых и красных. Многим не давал покоя факт поддержки героем Великой войны, генералом и дворянином советской власти. Сейчас, как и сто лет назад, вновь предпринимаются попытки очернить его память. Эти попытки являются частью информационной войны против России. Цель этой войны - в том числе и моделирование новой исторической памяти, смена героев. Идет ползучая реабилитация изменников Родины, одновременно ведется дискредитация героев Первой мировой и Великой Отечественной войн. Цель статьи – дать общий очерк жизни и военной деятельности этого замечательного русского полководца, доказать, что единственный мотив его поведения – стремление служить своему народу.

Ключевые слова: А.А. Брусилов, Первая мировая война, Юго-Западный фронт, Красная армия.

* Выполнено в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

A.A. BRUSILOV – RUSSIAN COMMANDER*

V.P. Zinovyev¹, V.I. Zinoveva²

¹ Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: vpz@tsu.ru

² Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics
40 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: vpz@tsu.ru

Abstract

The eminent personality of A.A. Brusilov was at the center of the ideological confrontation between white and red. The fact that a military hero, general and nobleman of the Soviet Army supported the war haunted many. Now, as a hundred years ago, there are a lot of attempts to tarnish his memory. These efforts are part of the information war against Russia, which aims at the modeling of a new historical memory and the changing of heros. At the same time there is an attempt to rehabilitate traitors and discredit the heros of WWI and the Great Patriotic War. The article aims to give a general sketch of the life and military activities of this remarkable Russian commander and to prove that the only motive of his behaviour was the desire to serve his people.

Keywords: A.A. Brusilov, WWI, South-Western Front, Red Army.

Алексей Алексеевич Брусилов относится к категории тех военных деятелей, которые составляют ратную славу России наряду с П.А. Румянцевым, А.В. Суворовым, М.И. Кутузовым, Г.К. Жуковым и другими величайшими сынами России. Его заслуги перед Родиной тем более ценны, что он прославился своим военным гением на войне, не слишком успешной для России, – на полях Первой мировой.

Эта война была проиграна, несмотря на героизм солдат и офицеров, успешные действия многих военачальников, несмотря на итоговое поражение противника – Германии, Австро-Венгрии и Турции. Россия была не готова к длительной позиционной войне ни экономически, ни военно-технически, ни в кадровом плане. Из семи империй, сражавшихся в Первую мировую, распались побежденные Германия, Австро-Венгрия, Турция и из стана победителей Россия, сохранились

* Written in the framework of the project "Man in a Changing World. Problems of identity and social adaptation in history and at present" (the RF Government grant П 220 Nr. 14.B25.31.0009).

до поры Британская и Французская империи. Война оказала, как верно заметил историк М.В. Шиловский, громадное модернизирующее влияние на российское общество (Шиловский 2015: 328), показала непригодность для развития страны прежних социальных структур и модели управления, пробудила к активности и заставила участвовать в определении дальнейшей судьбы страны и ранее дремавшие народные массы, и представителей правящей элиты. А.А. Брусилов был свидетелем и участником этих драматичных событий и вышел из них, сохранив честь и достоинство офицера, русского патриота, профессия у которого была одна – Родину защищать.



Алексей Алексеевич Брусилов

А.А. Брусилову посвящено много книг и статей, по этой причине мы не собираемся в данной работе делать историографические открытия (Нелипович 2014а: 226). Цель ее – дать общий очерк жизни и военной деятельности этого замечательного русского полководца, защитить его память от попыток очернить облик героя.

Алексей Алексеевич Брусилов (фото 1), потомственный дворянин и кадровый офицер, родился 19 августа 1853 г. в Тифлисе. Его отец Алексей Николаевич был генерал-лейтенантом, начальником военно-судной части Кавказской армии, мать Мария-Луиза Антоновна (в девичестве Нестоемская) была дочерью коллежского асессора (майора). А. Брусилов в 6 лет лишился отца и матери и воспитывался до 14 лет вместе с двумя братьями в семье тети Генриетты Антоновны, которая была замужем за военным инженером Карлом Максимовичем Гагемейстером (Брюховецким). Своих детей они не имели и воспитывали племянников как родных. Алексей Алексеевич вспоминал их с благодарностью (Алексей Алексеевич Брусилов).

В 1867–1872 гг. А.А. Брусилов учился в самом престижном военном учебном заведении империи – Пажеском корпусе. Он вспоминал: «Учился я странно: те науки, которые мне нравились, я усваивал очень

быстро и хорошо, некоторые же, которые были мне чужды, я изучал неохотно и только-только подучивал, чтобы перейти в следующий класс – самолюбие не позволяло застрять на второй год» (Брусилов 1946). В Пажеском корпусе он получил разносторонние и глубокие знания по военным наукам, что вкупе с домашним воспитанием обеспечило будущего полководца блестящим образованием. 17 июля 1872 г. А.А. Брусилов был выпущен в чине гвардейского прапорщика в Тверской драгунский полк. Первые годы службы А. Брусилов, как и большинство молодых офицеров, провел довольно легкомысленно. В 1877–1878 гг. он участвовал в русско-турецкой войне на Кавказском направлении в чине поручика в должности полкового адъютанта. Офицеры рвались в бой. А.А. Брусилов вспоминал: «Никто не задавался вопросом, зачем нужна война, за что будем драться и т.д., считая, что дело царевое – решать, а наше – лишь исполнять. Насколько я знаю, такие настроения и мнения господствовали во всех полках Кавказской армии» (Брусилов 1946). Он получил в боях за Ардаган и Карс первый боевой опыт и награды, проявил храбрость и сметку.

По окончании боевых действий на Кавказе А.А. Брусилов был назначен в экспедицию в Текинский оазис Туркмении, но заболел. В 1881 г. ему предложили продолжить учебу в Офицерской кавалерийской школе в Санкт-Петербурге. После окончания школы его оставили преподавателем в чине ротмистра. В 1884 г. в Петербурге он женился на племяннице К.М. Гагемейстера Анне Николаевне, которая родила ему в 1887 г. сына Алексея и умерла в 1908 г. (Брусилов 1946).

В кавалерийской школе А.А. Брусилов дослужился до начальника «Лошадиной академии», как ее называли в шутку, в чине генерал-майора. Он стал одним из лучших знатоков кавалерийской науки, известным всей военной Европе. Проведя в стенах школы четверть века, А.А. Брусилов учил других кавалерийскому делу, учился сам военному искусству. Он вспоминал: «Я читал военные журналы, множество книг военных специалистов, русских и иностранных, и всю жизнь готовился к боевому делу, чувствуя, что могу и должен быть полезен русской армии не только в теории, но и на практике» (Брусилов 1946).

Дворцовая служба и интриги не привлекали А.А. Брусилова, и он, воспользовавшись протекцией великого князя Николая Николаевича, в апреле 1906 г. получил должность командира 2-й гвардейской кавалерийской дивизии в чине генерал-лейтенанта, а в январе 1909 г. – командира 14-го армейского корпуса, расположенного в Люблине. В декабре 1912 г. он получил чин генерала от кавалерии. Служба в Варшавском военном округе сначала ко-

мандиром корпуса, затем помощником командующего войсками округа и генерал-губернатора Г.А. Скалона показала, что, несмотря на польское происхождение по матери и немецкое воспитание, А.А. Брусилов был русским человеком. Он жестко реагировал на попытки местных властей и командиров-немцев унижить русских солдат и офицеров. Он писал в воспоминаниях: «Нужно помнить, что мы жили на окраине среди польского, в большинстве враждебного, населения. Солдаты были русские, я смотрел на них как на свою семью» (Брусилов 1946).

Засилье немцев в гражданском и военном руководстве Варшавского края привело А.А. Брусилова к конфликту с ними. В письме к военному министру В.А. Сухомлинову он выразил сомнение в благонадежности такого руководства в случае войны с Германией и просил перевода в другой округ. Об этом стало известно Г.А. Скалону и Николаю II. К удивлению А.А. Брусилова, император при встрече с ним даже не поинтересовался состоянием дел в Варшавском округе и лишь просил передать привет Г.А. Скалону. В энциклопедии «Россия в Первой мировой войне» частное письмо А.А. Брусилова неверно квалифицируется как донос (Нелипович 2014а: 224).

В августе 1913 г. А.А. Брусилов был переведен в Киевский военный округ командиром самого большого в России 12-го армейского корпуса (Брусилов 1946). Известие о начале австро-сербского конфликта застало А.А. Брусилова в Германии, где он находился на отдыхе со своей второй женой Надеждой Владимировной Желиховской. Анализ международной ситуации привел его к верному выводу о начале общеевропейской войны, и он спешно покинул Германию под шум уже начавшейся антирусской кампании. А.А. Брусилов писал о предвоенном времени так: «Я был твердо убежден, что всемирная война неизбежна, причем, по моим расчетам, она должна была начаться в 1915 году, поэтому мы и решили не откладывать нашей лечебной поездки и отдыха и вернуться к маневрам домой.

Мои расчеты основывались на том, что, хотя все великие державы спешно вооружались, но Германия опередила всех и должна была быть вполне готовой к 1915 году, тогда как Россия с грехом пополам предполагала изготавиться к этому великому экзамену народной мощи к 1917 году, да и Франция далеко не завершила еще своей подготовки.

Было ясно, что Германия не позволит нам развить свои силы до надлежащего предела и поспешит начать войну, которая, по ее убеждению, должна была продлиться от шести до восьми месяцев и дать ей гегемонию над всем миром» (Брусилов 1946).

С началом войны А.А. Брусилов командовал 8-й армией на левом фланге Юго-Западного фронта. В 1914–1915 гг. он успешно действовал против австро-венгерских войск на территории Галиции, при первой же возможности стараясь атаковать противника. 17 марта 1916 г. А.А. Брусилов был назначен главнокомандующим войсками Юго-Западного фронта вместо генерала Николая Иудовича Иванова, отличавшегося нерешительностью. Он поддержал план общего наступления на Восточном фронте начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Михаила Васильевича Алексеева. При этом предполагалось, что Юго-Западный фронт будет иметь вспомогательное значение, а решающее наступление должны совершить войска Западного и Северо-Западного фронтов. Однако атаковали противника только войска А.А. Брусилова. Это успешное наступление летом 1916 г. получило название Брусиловского прорыва. Юго-Западный фронт из вспомогательного превратился в основной. С 22 мая по 1 ноября 131-й русской дивизии противостояли 114 австро-венгерских, немецких и турецких. Это был главный фронт Первой мировой войны в 1916 г. Потери русской армии составили до 1,4 млн чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Противник потерял 784 тыс. чел., по мнению автора статьи о Брусиловском прорыве в энциклопедии со ссылкой на немецкие и австрийские источники (Нелипович 2014b: 233). Сам же А.А. Брусилов считал, что противник потерял до 1,5 млн чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести, 450 тыс. было взято в плен, а вместо 450 тыс. войск противника в мае перед ним к ноябрю стоял 1 млн. Таким образом, с других фронтов были переброшены 2,5 млн чел. А.А. Брусилов хорошо понимал ограниченность успехов своих войск, он писал: «Юго-Западный фронт был, несомненно, слабейший, и ожидать от него переворота всей войны не было никакого основания. Хорошо, что он выполнил неожиданно данную ему задачу с лихвой. Переброска запоздалых подкреплений в условиях позиционной войны помочь делу не могла. Конечно, один Юго-Западный фронт не мог заменить собой всю многомиллионную русскую рать, собранную на всем русском Западном фронте» (Брусилов 1946). Он знал причину больших потерь русской армии: «...мы должны были отсутствие техники восполнять излишне проливаемой кровью. Нельзя безнаказанно драться чуть ли не голыми руками против хорошо вооруженного современной техникой и воодушевленного патриотизмом врага» (Брусилов 1946).

Однако нет оснований принижать значение Брусиловского прорыва, как это делают некоторые современные историки, считая жертвы напрасными, а А.А. Брусилова – бездарным интриганом,

ничего не внесшим в теорию и практику военной науки (Нелипович 2006: 43; Нелипович 2014b: 233). Стратегическими последствиями Брусиловского прорыва стали разгром и потеря самостоятельности австро-венгерских армий, спасение итальянского и Салоникского фронтов, вступление Румынии в войну на стороне Антанты, ослабление давления на Францию. Именно генерал А.А. Брусилов разработал и применил на практике наступление широким фронтом с прорывами обороны противника в нескольких пунктах одновременно, чтобы исключить переброску подкреплений. Кавалерийский генерал в позиционной войне думал прежде всего о маневре. Именно гений А.А. Брусилова превратил вспомогательный фронт в основной. С.Г. Нелипович не считает стратегию А.А. Брусилова новацией, но не приводит других примеров (Нелипович 2006: 4). В сочинениях этого историка сквозит явное негативное отношение к А.А. Брусилову, вероятнее всего, продиктованное идеологическим неприятием.

Эта идеосинкразия ряда историков на фамилию «Брусилов» образовалась вследствие его общественно-политической позиции в период Русской революции и гражданской войны. Популярный генерал считал виновниками поражений на фронте главнокомандующего – Николая II и генералитет, не понимавший сути военных событий, правительство, которое не могло обеспечить войска необходимым снаряжением и оружием. А.А. Брусилов поддержал идею отречения императора и признал Временное правительство, несмотря на презрение к его деятелям. Он был назначен 22 мая 1917 г. верховным главнокомандующим, пытался жесткими мерами сохранить боеспособность русской армии, провел в июне–июле 1917 г. неудачное генеральное наступление, которое показало, что войска небоеспособны. Сам А.А. Брусилов писал об этом времени: «Я не гений и не пророк и будущего твердо знать не мог; действовал же я по совести, всеми силами стараясь тем или иным способом сохранить боеспособную армию». И еще: «Я понимал, что, в сущности, война кончена для нас, ибо не было, безусловно, никаких средств заставить войска воевать. Это была химера, которою могли убаюкиваться люди вроде Керенского, Соколова и тому подобные профаны, но не я» (Брусилов 1946). 19 июля 1917 г. А.А. Брусилов был уволен с должности главноверха. Отставка была вызвана отказом Брусилова поддерживать А.Ф. Керенского в установлении диктатуры: «...зная русский народ, я видел ясно, что мы обязательно дойдем до большевизма. Я слишком люблю свой народ и давно знаю все его достоинства и недостатки. Я видел, что ни одна партия не обещает народу того, что сулят большевики: немедленный мир и немедленно дележ земли.

Для меня было очевидно, что вся солдатская масса обязательно станет за большевиков и всякая попытка диктатуры только облегчит их торжество» (Брусилов 1946).

Во время гражданской войны А.А. Брусилов придерживался нейтралитета, несмотря на попытки эмисаров Белого движения привлечь его на свою сторону. Он слишком хорошо знал лидеров Белой армии и был о них невысокого мнения, к тому же белые расстреляли его единственного сына Алексея, бывшего командиром полка Красной армии. Брусилов писал в воспоминаниях: «В самом начале революции я твердо решил не отделяться от солдат и оставаться в армии, пока она будет существовать или же пока меня не сменят. Позднее я говорил всем, что считаю долгом каждого гражданина не бросать своего народа и жить с ним, чего бы это ни стоило» (Брусилов 1946). А.А. Брусилов не был наивным в политике воякой, как считали некоторые красные командиры (Жилин 1946: 3–12). Вряд ли ему импонировали лидеры большевиков, однако лучшего правительства для страны в тот момент он не видел.

Свой нейтралитет А.А. Брусилов прервал в апреле 1920 г., когда началась война с Польшей. Он подписал обращение советского правительства к русским офицерам в мае и к офицерам Русской армии П.Н. Врангеля в сентябре 1920 г., призывая их прекратить борьбу с собственным народом. В Красной армии А.А. Брусилов занимался тем, что хорошо знал, – подготовкой кавалеристов, будучи инспектором кавалерии РККА. С 1924 г. он состоял при Реввоенсовете СССР для исполнения особо важных поручений, вел научную работу. Был он уже пожилым человеком, часто болел и умер 17 марта 1926 г. в Москве. Похоронен А.А. Брусилов с воинскими почестями на кладбище Новодевичьего монастыря.

Личность А.А. Брусилова привлекала и продолжает привлекать внимание историков и публицистов. Его авторитет используют в современной идеологической и политической борьбе, пытаются дискредитировать и оболгать прежде всего сторонники Белого движения. Однако прямой и принципиальный генерал четко высказал свою позицию в интервью с иностранным корреспондентом: «Я подчиняюсь воле народа – он вправе иметь правительство, какое желает. Я могу быть не согласен с отдельными положениями, тактикой советской власти, но, признавая здоровую основу, охотно отдаю свои силы на благо горячо любимой мною Родины» (Жилин 1946: 3–12). Позицию А.А. Брусилова разделили больше половины офицеров царской армии.

ЛИТЕРАТУРА

Алексей Алексеевич Брусилов - Алексей Алексеевич Брусилов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.encyclopaedia-russia.ru/article.php?id=457> (дата обращения: 25.04.2016).

Брусилов 1946 - *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1946. 267 с. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/brusilov_aleksey/moi_vospominaniya/read (дата обращения: 25.04.2016).

Брюховецкий - *Брюховецкий Р.И.* Гегемейстер фон Карл Максимович. [Электронный ресурс]. URL: http://viupetra2.3dn.ru/publ/gagemejster_k_m/13-1-0-2552 (дата обращения: 25.04.2016).

Жилин 1946 - *Жилин П.А.* Предисловие // Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1946. С. 3–12. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/brusilov_aleksey/moi_vospominaniya/read (дата обращения: 23.04.2016).

Нелипович 2006 - *Нелипович С.Г.* «Брусиловский прорыв» Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М.: Цейхгауз, 2006. 48 с.

Нелипович 2014а - *Нелипович С.Г.* Брусилов Алексей Алексеевич // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия. В 3 т. Т. 1. А–Й. М.: РОССПЭН, 2014. С. 224–226.

Нелипович 2014б - *Нелипович С.Г.* Брусиловский прорыв 1916 г. // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия. В 3 т. Т. 1: А–Й. М.: РОССПЭН, 2014. С. 226–234.

Шиловский 2015 - *Шиловский М.В.* Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.

REFERENCES

Encyclopaedia-russia.ru. (n.d.) *Aleksey Alekseevich Brusilov* [Aleksei Brusilov]. [Online]. Available from: <http://www.encyclopaedia-russia.ru/article.php?id=457> (Accessed: 25th April 2016).

Brusilov, A.A. (1946) *Moi vospominaniya* [My memories]. Moscow: Voenizdat. [Online]. Available from: http://modernlib.ru/books/brusilov_aleksey/moi_vospominaniya/read (Accessed: 25th April 2016).

Bryukhovetskiy, R.I. (n.d.) *Gagemejster fon Karl Maksimovich* [Karl Maksimovich von Hagemeister]. [Online]. Available from: http://viupetra2.3dn.ru/publ/gagemejster_k_m/13-1-0-2552 (Accessed: 25th April 2016).

Zhilin, P.A. (1946) Predislovie [Preface]. In: Brusilov, A.A. *Moi vospominaniya* [My memories]. Moscow: Voenizdat. pp. 3-12. [Online]. Available from: http://modernlib.ru/books/brusilov_aleksey/moi_vospominaniya/read (Accessed: 23th April 2016).

Nelipovich, S.G. (2006) *“Brusilovskiy proryv” Nastuplenie Iugo-Zapadnogo fronta v Kampaniiyu 1916 goda* [The Brusilov's breakthrough. The offensive of the Southwestern Front in the 1916 campaign]. Moscow: Tseykhgauz.

Nelipovich, S.G. (2014a) Brusilov Aleksey Alekseevich [Aleksei Brusilov]. In: Sorokin, A.A. (ed.) *Rossia v Pervoy mirovoy voyne 1914–1918. Enziklopedia v treh tomah* [Russia in the First World War of 1914–1918: Encyclopedia in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN. pp. 224–226.

Nelipovich, S.G. (2014b) Brusilov Aleksey Alekseevich [Aleksei Brusilov]. In: Sorokin, A.A. (ed.) *Rossia v Pervoy mirovoy voyne 1914–1918. Enziklopedia v treh tomah* [Russia in the First World War of 1914–1918: Encyclopedia in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN. pp. 226–234.

Shilovskiy, M.V. (2015) *Pervaya mirovaya vojna 1914–1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avtograf.

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Zinoviyev Vasiliiy – Tomsk State University (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

Зиновьева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Россия).

Zinoveva Valentina – Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

УДК 94(478)"1914/1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/44/3

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ МОЛДОВЫ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918)

С.М. Назария

Государственный институт международных отношений Молдовы
Молдова, 2001, г. Кишинев, ул. Пушкина, 54
E-mail: sergnazar@mail.ru

Авторское резюме

Роль Бессарабии в ходе Первой мировой войны менялась: из глубокого тыла край превратился в прифронтовую полосу, а в самом конце изменилась и его государственная принадлежность. В результате Первой мировой войны молдавский народ оказался разделенным: меньшая его часть на левобережье Днестра сохранилась в составе Советского государства, а большая на 22 года оказалась против своей воли в составе Королевской Румынии.

Ключевые слова: Бессарабия, мировая война, революция, Румыния, румынские войска, оккупация.

THE SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL EVOLUTION OF MOLDOVA IN THE PERIOD OF WWI (1914-1918)

S.M. Nazaria

State Institute of International Relations of Moldova
54 Pushkin str., Chisinau, 2001, Moldova
E-mail: sergnazar@mail.ru

Abstract

The role of Bessarabia in the course of the war changed: from the farthest end the land turned into a front on the edge of the Front line and in the end changed its state

adherence. As a result of WWI the Moldovan people were divided. The smaller number on the left bank of the Dniester River became a part of the Soviet state while the majority (against its will) became part of the Kingdom of Rumania for 22 years.

Keywords: Bessarabia, World War, Revolution, Rumania, Rumanian Troops, Occupation.

В ходе Первой мировой войны роль Пруто-Днестровского региона менялась: из глубокого тыла край превратился в прифронтовую полосу, а в самом конце изменилась и его государственная принадлежность. В 1914 г. он становится базой снабжения Сербии (Европа 2014: 586). Однако в результате австро-германского наступления на Восточном фронте в 1915 г. по самому северному Хотинскому уезду прошла линия фронта. В 1916 г. русские войска заняли Луцк, Черновцы, Станислав, очистили от неприятеля север Бессарабии, форсировали Днестр, Прут. После вступления Румынии в войну вся Молдавия стала прифронтовым районом.

Бессарабия была сельскохозяйственным краем, и в 1916 г. для нужд армии государство закупило здесь зерна, фуража и скота на 181 млн руб., что превысило аналогичные операции пяти вместе взятых губерний: Курской, Орловской, Пензенской, Оренбургской, Рязанской. При этом средства производства были распределены крайне неравномерно между разными слоями населения. Так, в 1917 г. в крае было 1 742 помещика, которым принадлежало 1,2 млн десятин земли, или 32,1 % земельного фонда. Одновременно насчитывалось 98 тыс. безземельных крестьянских дворов (21,6 % хозяйств), 90 тыс. (20,4 %) – с наделом до 0,5 десятин и 130 тыс. (29 %) – с наделом до 2,5 десятин (История 1965: 604; История 1974: 9, 10).

В годы войны в связи с широким строительством железных и шоссейных дорог в Бессарабии резко увеличилось число железнодорожных и строительных рабочих, составив осенью 1917 г. более 17 тыс. чел. Однако в промышленности было занято немного рабочих – на 82 предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, в январе 1917 г. их было 2 тыс. До войны таких предприятий было 128 (История 1974: 10; Moraru 1995: 102).

За 1914–1917 гг. в русскую армию было призвано 300 тыс. бессарабцев. Кроме того, население выполняло «гужевую» повинность и участвовало в строительстве железных дорог. С апреля 1915 по февраль 1916 г. на окопные работы было мобилизовано 125 тыс. чел. и 15 тыс. повозок. Бесконечные реквизиции скота для нужд армии привели к сокращению тягловой силы. До минимума уменьшился привоз с/х машин и инвентаря, что также способствовало упадку сельского хозяйства. Прежде всего это выразилось в сокращении к 1917 г. посевных площадей на 19 % и валового сбора

зерна на 27 %. По сравнению с 1914-м в 1916 г. в Тираспольском уезде посевные площади сократились на 28 %, в Кишинёвском – на 50 %, а в Оргеевском – на 60 %. В октябре 1916 г. земство сообщало: «В Болдурештской волости до сих пор вовсе не приступили к осеменению полей, а в остальных волостях до сих пор засеяно не более 10–20 % общей площади» (История 1965: 604, 606; Dragnev 2000: 191; Moraru 1995: 102).

Параллельно росла инфляция. В марте 1917 г., по сравнению с 1913-м., цены на продовольствие выросли в 7–12 раз. Все это подогревало недовольство войной и вело к росту антиправительственных революционных настроений. Усиливается стачечное движение, а в селах участились случаи, когда новобранцы, чтобы не оставлять семью без хлеба, перед призывом в армию забирали урожай у помещиков. К этому движению подключались и женщины-солдатки. В связи с призывом в армию кормильцев крестьяне повсеместно отказывались платить налоги, уклонялись от реквизиций скота, бежали с оборонных работ. В период с 1914 по 1916 г. протестные акции крестьян имели место в 75 селах Бессарабии.

Настроения городских и сельских трудящихся передавались и войскам, расквартированным в крае. Так, к примеру, лишь в первой половине января 1916 г. из 42-го пехотного батальона, расположенного в Бендерах, дезертировали 92 бессарабца. А в конце декабря солдаты 12-го Кавказского стрелкового полка, стоявшего в Аккермане, отказались выехать на фронт. В ходе силового подавления этой акции были убиты 4 человека, 5 приговорили к смертной казни, а 136 – к каторжным работам на срок от 3 до 20 лет (История 1965: 606, 608, 610).

Однако начавшаяся русская революция в корне изменила судьбу Молдовы. Провозглашенное право народов на самоопределение дало и молдаванам возможность самим решать свою судьбу. Вскоре после Февральской революции частью интеллигенции овладела идея автономии Бессарабии. Наиболее энергично выступали за нее активисты Молдавской национальной партии (МНП).

Правда, при этом следует иметь в виду, что с самого момента своего создания МНП не пользовалась поддержкой среди крестьян (НАРМ 16: 140–141; Bogos 1938: 81). И если среди лидеров данной партии и существовали прорумынские настроения, они их тщательно скрывали, повсеместно заявляя о необходимости сохранения Бессарабии в рамках обновленной России. Тем более не видели Бессарабию вне России члены других партий (НАРМ 16: 5–6, 8–13; НАРМ 18: 4, 134 об., 135, 136–136 об., 141 об., 142; Бессарабская 1917: 28.05, 19.11; Левит 1997: 77–93, 110–130, 232, 236–237). Данную мысль рельефно

выразил румынский историк А. Болдур: «Идея отделения Бессарабии от России была полностью враждебна бессарабскому общественному мнению» (Boldur 1935: 69–70).

Точно оценил настроения различных слоев населения Молдовы после Февральской революции К. Хиткинс: «Крестьяне приступили к захвату и разделу принадлежавших крупным помещикам земель, в то время как молдавские офицеры русской армии, священники, интеллигенты либеральных взглядов и консервативно настроенные собственники земли требовали политической автономии» (Hitchins 1998a: 418).

Как и по всей России, в Бессарабии также возникли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые активно включились в политическую борьбу за власть. От Молдавии на II Всероссийский съезд Советов с наказом голосовать за передачу власти Советам были направлены 3 делегата (Антонюк 1986: 40–41).

20 октября в Кишиневе собралось около 600 делегатов, в основном сторонников МНП, якобы представлявших соотечественников, мобилизованных на фронт. Правда, их никто не избирал, они были персонально приглашены (Виноградов 1996: 174). Норма представительства на I Всероссийский Военно-Молдавский съезд была установлена следующая: по одному офицеру и два солдата от каждой сотни военнослужащих (Афтенюк 1964: 335). Исходя из нее, на съезд должно было прибыть около 9 000 посланцев, а явилось не более 1/15 от необходимого.

Делегаты поддержали предложение о создании Сфатул Цэрий – высшего органа территориально-политической автономии края (Unirea 1995: 47–55). Примечателен и тот факт, что из 32 депутатов «Совета Страны», избранных на съезде, только 7 были солдатами и матросами (Pântea 1932: 46–47). Остальные являлись офицерами и военными чиновниками. В резолюции съезда отмечался временный характер Сфатул Цэрий, полномочия которого истекали с момента созыва Учредительного собрания Бессарабии (Bobeică 1993: 63–64).

Было создано бюро, установившее численность этого органа в 160 чел., включая 10 мест для левобережных молдаван. Бессарабцам молдавской национальности выделили 105 мест (Bogos 1938: 115). Национальным меньшинствам, составлявшим более 50 % населения края, выделили всего 36 мандатов. Рабочим не выделили ни одного, а крестьяне (80 % населения) получили лишь 30 % мандатов. До 22 января 1918 г. эти места оставались вакантными, и Сфатул Цэрий был образован без участия крестьянства. Политическим формированиям достались в Сфатул Цэрий места в зависимости от их политико-идеологической ориентации. Больше всего мест получили

организации прорумынской ориентации. А наиболее влиятельной партии в Бессарабии – эсерам, за которых на выборах в Учредительное собрание проголосовали 31,2 % участвовавших в выборах, было предоставлено всего одно место, в то время как за МНП, набравшей на этих выборах 2,2 % голосов, было закреплено 4 места. По одному месту получили малоизвестные общества интеллигенции, Лига женщин, а Коллегия юристов и работники связи – даже по два места.

17 ноября в Молдове произошло событие, ускорившее начало работы Сфатул Цэрий: Кишиневский совет признал правительство Ленина (Левит 2000: 14–17, 21–22). Сложилась ситуация, при которой, опираясь на большевизированные части, коммунисты могли установить свою власть в городе и губернии.

В этих условиях, раньше установленного времени, 21 ноября 1917 г. открылись заседания Сфатул Цэрий. В приглашениях указывалось, что он «является временным Верховным краевым органом автономной Бессарабии впредь до созыва Бессарабского Учредительного собрания» и признает «основной принцип устройства России как Федеративной Демократической Республики (НАРМ 14: 27). Его «отцы-основатели» утверждали, что «если бы не было выступления большевиков, то с открытием Сфатул Цэрий не спешили бы» (Сфатул 1917: 24.11; Свободная 1917: 23.11, 8.12; Голос 2 1917: 29.11), что большевизм, охвативший всю Россию, крайне заразителен, что его лозунги основательно привились повсюду, поэтому Сфатул Цэрий появился на свет с целью противодействия победе большевизма в Бессарабии (Pântea 1932: 56–57).

2 декабря 1917 г. Сфатул Цэрий провозгласил Бессарабию Молдавской Демократической (Народной) Республикой, равной в правах частью единой Российской Демократической Федеративной Республики (НАРМ 22: 36–36 об., 40–40 об., 129–130; НАРМ 18: 61–68, 69–70, 74–75). А. Болдур следующим образом оценил эту структуру: «Недостаточная выясненность состава, полная неопределенность компетенции – вот характерные черты органа» (Свободная 1917: 10.12). Того же мнения относительно законности Сфатул Цэрий был и тогдашний румынский министр Г. Арджетояну, называвший данный орган «бандой безумцев» и «советом ничтожеств, собранных с подворотни» (Argetoianu 1995: 28, 54, 56).

Националисты отрицали свою приверженность румынизму. Так, И. Инкулец говорил: «Сепаратизма в Бессарабии нет, в особенности в сторону Румынии, и если кто-либо не сводит глаз с Прута, то это только кучка людей. Пути Бессарабии сходятся с путями России... Так смотрит на дело и бессарабское крестьянство» (Сфатул 1917: 24.12). И такого рода заявления звучали из уст лидеров Сфатул Цэрий

непрерывно (НАРМ 14: 27; НАРМ 18: 141, 178 об., 192; НАРМ 19: 141–142; Кувинт 1917: 14.05, 6.12; Свободная 1917: 23.11, 5.12; Бессарабская 1917: 25.11; Сфатул 1917: 24.12; 1918. 11.01), даже и после оккупации края румынскими войсками, так как настроения народных масс были категорически за сохранение дальнейшего единства Молдовы с Россией (Известия 1917: 28.11; 12.12; 17.12; 23.12).

Сфатул Цэрий требовал, чтобы ему подчинялись все учреждения и организации края. Но на власть претендовали и Советы. Признание ими СНК означало их готовность подчиняться большевистскому Петрограду (Известия 1917: 24.11, 26.11, 29.11, 1.12; Бессарабская 1917: 24.11, 29.11, 1.12). По мере большевизации войск, дислоцированных в Бессарабии, шансы Советов завладеть властью в крае возрастали.

В ситуации, когда ни один из претендентов на власть не обладал подавляющим влиянием, результат борьбы в первую очередь зависел от поддержки со стороны воинских частей, находящихся в распоряжении оппонентов. Большевики и их сторонники в политическом плане опирались на Советы, а в военном – на большевизированные части. Они также надеялись на поддержку правительства Ленина.

Сфатул Цэрий рассчитывал на поддержку Антанты и Румынии, а внутри страны – на помощь молдавских воинских частей. Волна погромов, охватившая Бессарабию, послужила поводом для формирования молдавских частей с целью их борьбы с «анархией» и грабежами, а также для подавления крестьянских волнений. Из солдат-уроженцев Бессарабии было создано 16 когорт милиции, по 100 человек каждая (НАРМ 17: 230).

Однако они зачастую отказывались подавлять крестьянские бунты, а иногда сами присоединялись к крестьянам (Ciobanu 1993 1: 146; Haniș 1932: 6). Так, на пленарном заседании комитета 1-го Молдавского полка было решено «отказаться от отправки 800 человек», востребованных для подавления «анархии» в Сорокском уезде (Известия 1917: 3.12; Бессарабская 1917: 3.12). В обращении этого полка к исполкому Кишиневского совета, посланном 28 ноября, отмечалось: «Молдавский полк не признает национальных выступлений, пока не закончится классовая борьба, и, рассчитывая на дружескую товарищескую поддержку для борьбы и защиты интересов бессарабских крестьян и рабочих, просит товарищей из Исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов Кишинева прислать инструкции для согласования общих работ» (Борьба 1957: 90).

Директор по военным делам Г. Пынтя с горечью признавал, что лозунги большевиков пустили глубокие корни среди молдавского населения и главным образом среди солдат. Он же отмечал, что сол-

даты-молдаване говорили, что Сфатул Цэрий «продался румынам» и народ попадет в новую кабалу к румынским боярам (Pântea 1932: 72, 73). Идентично было и мнение его коллеги В. Чижевского (Сфатул 1918: 25.02).

Таким образом, факты свидетельствуют, что солдаты-молдаване выдвигали на первый план решение социальных вопросов, а решение национального вопроса ставили в зависимость от первого. Тот же Чижевский свидетельствует: «Большевизм, нашедший себе приют и сердечный прием в молдавских полках, окончательно добил идею национализации частей» (Сфатул 1918: 25.02). Об объединении с Румынией не было и речи.

В декабре авторитет лидеров Сфатул Цэрий стал стремительно падать. Убедительным примером этого являются выборы в Учредительное собрание России – МНП получила 2,2 % голосов: из 600 тыс. бессарабских избирателей, принявших участие в голосовании, националистов поддержали всего 14 тыс. человек (Нотович 1959: 99; Левит 2000: 48–49, 50–51). Поэтому утверждения, будто Сфатул Цэрий являлся в 1917–1918 гг. выразителем воли молдавского народа, являются ложными.

Под влиянием большевистской пропаганды усилилось разложение российских войск на Румынском фронте. 18 (31) октября в телеграмме на имя А.Ф. Керенского главком генерал Н.Н. Духонин отмечал, что «на Румынском фронте продолжается саботажное отношение ко всем распоряжениям Ставки по выделению войск для подавления большевистского движения» (Истрати 1973: 95–96, 98). Более того, в течение ноября русские войска Румынского фронта под влиянием событий на других фронтах и вестей из Петрограда, а также сильно распропагандированные большевиками фактически перестали подчиняться старому командованию (Большевики 1967: 162, 196; Iorga 1939: 174; Averescu 1935: 248, 249): «Генерал Щербачёв заявил, что не может отвечать даже за собственных часовых» (Дуса 1994: Vol. 3: 273; Vol. 4: 39). Брожением были охвачены и войска, дислоцированные в Бессарабии: «Обезумевшее стадо, зараженное болезнетворной фразеологией времени... вот до чего докатились молдавские солдаты» (Bogos 1924: 108).

Однако основные события в крае происходили на селе. Наличие в Молдавии крупных помещичьих латифундий на фоне огромного количества малоземельных крестьянских хозяйств стимулировало распространение среди сельской бедноты революционных идей. Во множестве сел были расположены революционизировавшиеся части Румынского фронта. Через посредничество солдат требования раздела помещичьих земель быстро охватывали и крестьян (НАРМ 1:

12; НАРМ 2: 2–8; НАРМ 3; НАРМ 4; НАРМ 5; НАРМ 6: 7–9; НАРМ 7: 1; НАРМ 8: 1–4, 38, 159; НАРМ 9: 1–2; НАРМ 10: 15; НАРМ 11: 1; НАРМ 12: 1, 11; НАРМ 17: 24; НАРМ 22: 73 об.–75; НАРМ 27: 2–3, 10, 14–15, 28–29; НАРМ 28: 72, 73, 74, 108, 118, 182–185, 197, 199, 201, 202, 216, 220, 222, 251, 284, 297–297 об., 304, 380; Голос 1 1917: 25.10, 8.11; Свободная 1917, 21.09, 1.10; Известия 1917: 5.12; Бессарабская 1917: 27.10, 7.11, 8.12, 21.12). «В действительности в декабре провинция находилась во власти абсолютной аграрной революции: крестьяне поджигали помещичьи усадьбы, опустошали амбары, делили землю и грабили леса» (Duca 1994: Vol. 4: 60).

«К концу осени крестьянское движение, усиленное солдатскими агитацией, насилием и грабежами, достигает своего апогея... Отчаянное сопротивление властей и собственников, вперемежку с жестоким подавлением аграрных движений, вызывали колоссальный рост ненависти крестьян к тем, кого они считали... эксплуататорами» (Țurcanu 1991: 11). К концу 1917 г. немногие из помещиков осмеливались жить в имениях. Были случаи расправы с «боярами». Комментируя эти события, крупнейший румынский историк Н. Йорга писал: «Повсюду крестьяне – исконно молдавские – грабят поместья и поджигают усадьбы, чтобы боярам некуда было вернуться» (Iorga 1939: 203).

Солдаты не только не выполняли приказы начальства о подавлении крестьянских волнений, но и сами присоединялись к ним. Подобным образом повели себя и молдавские части, созданные для обеспечения «порядка» (НАРМ 2: 1–3, 8; Д. 799. Л. 8, 10; НАРМ 24: 8, 13, 92, 94; НАРМ 27: 2–3, 10, 14–15, 28–29; Бессарабская 1917: 3.12; Известия 1917: 3.12; Свободная 1917: 31.10, 29.12; Иткис 1970: 214–215, 218). О. Гибу свидетельствовал, что «восстановить порядок в республике было крайне сложно, так как отсутствовала необходимая военная сила. Более того, молдавские части большевизировались и выходили из-под контроля Сфатул Цэрий» (Ghibu 1992: 436).

В этих условиях военный комиссар попытался сформировать батальоны из немецких колонистов, «вооруженных пулеметами для борьбы с анархией и погромами, как в Кишиневе, так и в уездах» (Свободная 1917: 12.12). Председатель «правительства» П. Ерхан заявил 13 декабря: «Положение безвыходное» (НАРМ 18: 166 об.). И далее: «Единственный выход – ввод иностранных войск» (Антонюк 1969: 110).

С таким заданием 21 декабря в Яссы отправились В. Кристи и И. Пеливан (Hitchins 1998b: 274). Д. Мырза вспоминал: «В ходе секретного ночного совещания было решено немедленно отправить в Яссы двух представителей Сфатул Цэрий, уполномоченных срочно

потребовать от румынского правительства войска для оккупации Бессарабии» (Stratan 2003: 42).

Обращение за помощью в Яссы поставило Румынию в сложное положение. Историк В.П. ван Мёрс так оценивает сложившуюся ситуацию: «В декабре и в начале января молдавское руководство Сфатул Цэрий дважды обращалось в Яссы... за военной помощью... В обоих случаях Брэтиану отказал им, опасаясь возможных осложнений отношений Румынии с Центральными державами» (Meurs 1996: 83). К тому же необходимо было и согласие союзников по Антанте.

22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.) в Яссы на имя военного министра Румынии была послана секретная телеграмма с просьбой направить в распоряжение Сфатул Цэрий полк из бывших военнопленных трансильванцев, находившихся в то время в Киеве. Румынское правительство просьбу удовлетворило, отдав 24 декабря приказ о вводе войск в Бессарабию (НАРМ 26: 63; Ciobanu 1929: 183). Богос признает, что «все наши приготовления осуществлялись тайно» (Bogos 1924: 135). Этот факт подтверждает антинациональную сущность политики прорумынских деятелей, более всего опасавшихся собственного народа. Когда население Кишинева узнало об этом, на улицах появились прокламации: «Сфатул Цэрий продал Бессарабию Румынии» (Сфатул 1917: 24.12).

23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г.) на совместном заседании исполкома Кишинёвского Совета рабочих и солдатских депутатов, Центрального Молдавского исполнительного комитета, губернского исполкома Совета крестьянских депутатов была принята резолюция протеста «против ввода в пределы края чужеземных войск», а также с требованием «установления немедленной связи с СНК» (НАРМ 15: 2).

Националисты пытались отрицать факт секретных переговоров с яским кабинетом. И. Инкулец заявил, что «Сфатул Цэрий, конечно, за самое тесное объединение с Российской Республикой» и «все слухи о какой-либо румынской ориентации абсурдны и не имеют под собой оснований». Опровергал слухи о введении в Бессарабию вооруженных сил Румынии и П. Ерхан (Сфатул 1917: 24.12, 25.12).

Как видим, эти лидеры, понимая, что большинство молдавского народа их не поддерживает, пытались ввести общественность в заблуждение. В обстановке, царившей тогда в Бессарабии, признает П. Казаку, было мало таких, кто осмелился бы открыто и публично высказаться за приглашение румынских войск (Cazacu 1920: 268). А между тем 26 декабря (8 января) «правительство» предложило направить телеграмму румынским властям с просьбой прислать войска (Sojocanu 1998: 67). Поздно вечером 27 декабря 1917 г. (9 января 1918 г.) состоялось чрезвычайное заседание Сфатул

Цэрий, на котором обсуждался вопрос о приглашении иностранных войск для подавления «анархии» (НАРМ 18: 134 об. – 137).

В связи с массовыми протестами против введения румынских войск руководители Сфатул Цэрий были вынуждены публично подтвердить, что и в дальнейшем выступают за пребывание МДР в составе Федеративной России. Так, П. Халиппа сказал: «Ориентация на Россию единственная приемлемая для нас». А «слухи о прорумынской ориентации» он назвал «очернительскими». Ерхан также отверг обвинения в том, что Совет генеральных директоров призвал румынские войска (НАРМ 18: 136–136 об., 141 об., 142), заявив, что «русский и молдавский народы вместе строят свое благополучие» и что «для Молдавской Демократической Республики Прут должен стать... политической границей... Не за Прут, а за Днестр лежит наш путь» (Сфатул 1918: 3.01). О том же 29 декабря говорил и И. Инкулец (Антонюк 1969: 153).

Все эти факты подтверждают неискренность лидеров Сфатул Цэрий и то, что большинство населения республики не поддерживало их, что между ними и молдавским народом стояла пропасть и они обманым путем пытались добиться своих целей.

Тем временем 1/14 января Фронтотдел Румчерода объявил, что принимает «на себя всю полноту власти и командование над войсками Румынского фронта и прифронтовой полосы», т.е. и в Бессарабии. В тот же день Фронтотдел и Кишинёвский Совет рабочих и солдатских депутатов, опираясь на верные им части, включая молдавские, установили контроль над кишиневским вокзалом, почтой, телеграфом. Занимавшийся формированием войск Сфатул Цэрий полковник Худолей сообщил в штаб Одесского военного округа, что «станция Кишинев во власти большевиков с ночи вчерашнего дня», и подтвердил, что Совет генеральных директоров («правительство») бессилен (Борьба 1957: 264; Антонюк 1978: 247–248).

В своем докладе Д.Г. Щербачёву начальник штаба 4-й русской армии генерал Н. Монкевиц пришел к выводу, что реальная власть в Бессарабии принадлежит большевизированным Советам (Левит 2000: 217–218). Это признавал и И. Дука (Duca 1982: 49; Duca 1994: Vol. 4: 61). Российские белогвардейцы во главе с Д.Г. Щербачёвым и румынское правительство поняли, что «правительство Молдавской Республики будет не в состоянии устоять перед большевиками». «Совет министров Румынии, с согласия союзников, после многочисленных обсуждений решил 30 декабря 1917 г. (12 января 1918 г.) послать войска в Бессарабию» (Sojocaru 1998: 68).

Когда интервенция стала фактом, лидеры Сфатул Цэрий признали, что «вопрос о вводе румынских войск был решен совместно с союз-

никами» под предлогом «очищения железных дорог от большевиков» (НАРМ 18: 185, 187 об.). Касаясь событий того времени, вице-премьер Т. Ионеску говорил с трибуны парламента: «Сфатул Цэрий просил любой военной помощи, поскольку все остальные не хотели нашей армии... Вы думаете, что правительство направило войска в Бессарабию для охраны стога сена? Все знали, что части направлены в Бессарабию, чтобы осуществить заключительный акт ее объединения. Такова правда!» (Dezbaterile: 617).

Германское командование пообещало не препятствовать отправке румынских фронтовых воинских частей для «подавления анархии в Бессарабии». В первых числах января румынские части оккупировали западные города Унгены, Кагул, Леово, Болград и ряд сел. В Унгенах 7 января были расстреляны 12 депутатов Совета (За 1970: 29).

В час ночи 6 января Кишинёвский Совет получил информацию, что с востока к городу приближается эшелон трансильванцев. Для встречи «гостей» на станцию были направлены 5-й Заамурский кавалерийский полк и 1-й Молдавский пехотный полк. В результате трансильванцы были разоружены и взяты в плен (Левензон 1928: 26–27; Ghibu 1992: 506). В связи с этим 8 января 1918 г. «депутат» Паскалуца сожалел: «Что делают наши молдаване. Они встречают своих братьев трансильванцев... ружьями и издевательством» (НАРМ 18: 167).

Касаясь этих событий, И. Дука признавал: «Добровольцы трансильванцы из Киева были атакованы большевиками на ст. Кишинев, разоружены и избиты, а отряду из Ясс, как только он перешел Прут, пришлось вести еще более тяжелые бои с большевиками». Он был «полностью побежден, а румынские члены Межсоюзнической комиссии по снабжению были арестованы» (Duca 1982: 49; Duca 1994: Vol. 4: 61).

В связи с провалом военной акции румынских войск против Советов Бессарабии многие националистические деятели попрятались или бежали в Яссы (Сфатул 1918, 13.01; Cazacu 1920: 270). Но самое большое разочарование у лидеров Сфатул Цэрий вызвало поведение молдавских воинских частей (НАРМ 18: 166 об., 168; Bogos 1924: 144). Эти люди чувствовали себя комфортно только под охраной румынских штыков и не могли быть выразителями воли молдавского народа.

Анализируя данную ситуацию, А. Есауленко пришел к выводу, что фактически «Сфатул Цэрий перестал существовать» (Есауленко 1977: 175). Практически к тому же сводится и заключение англичанина Р. Сетон-Ватсона: «Большевики уже установили в Кишиневе свой Совет... Заседания Сфатул Цэрий прекращены, правительство разогнано» (Seton 1934: 511). А. Болдур, комментируя развитие этих

событий, писал: «Ситуация была очень тяжелой... Активность большевиков становилась все более угрожающей... В день 13 января 1918 г. румынские войска под командованием генерала Броштяну подошли к Кишиневу и заняли его» (Boldur 1992: 504).

Повсюду румынская армия встречала сопротивление, и везде ее путь был усеян трупами бессарабцев (Борьба 1967: 29–140; Дембо 1932: 14–16; Vicol 1933: 41). Однако одобрительно относятся к действиям румынских властей на территории МДР некоторые историки: «Румынские части двинулись вперед... большевистские остатки были отброшены за Днестр, оставив за собой 10 тысяч убитых» (Negrei 2004: 240, 248). В своем «официальном коммюнике» генерал Е. Броштяну отметил, что лишь за три дня боев за Бендеры «было убито около 10 тысяч большевиков» (Ciobanu 1993 2: 231).

Реальная картина отражена и в документах тайной полиции (Stratan 2003: 58). Вслед за Кишиневом на осадном положении были объявлены Бельцы, Бендеры и весь Бендерский уезд. В Бельцах оборону города и уезда возглавили А. Палади, Г. Галаган, В. Рудьев и А. Попа – руководители Совета крестьянских депутатов. Готовились к обороне и в Кишиневе. Был образован Революционный штаб по защите республики, которому подчинились войска, расположенные в районе Кишинева: 1-й пехотный Молдавский полк, 1-й гусарский Бессарабский полк, 1-й гусарский Молдавский полк, 3-й и 5-й конные Заамурские полки, 2-я Молдавская батарея и другие части (Борьба 1967: 33–34, 36).

Однако соотношение сил было слишком неравным, поэтому защитники края отошли за Днестр и образовали в Тирасполе Революционный комитет спасения Молдавской республики, который связался с Высшей автономной коллегией по русско-румынским делам и планировал освобождение Бессарабии от интервентов (Борьба 1957: 290, 321).

18 (31) января открылся III съезд Советов крестьянских депутатов Бессарабии (Кувинт 1918: 24.01, 31.01; Голос 1917 2: 26.01). Но из-за боев, которые продолжались на территории края, на него явились делегаты только центральных уездов республики [из 1 000 делегатов смогли приехать только 150 (Красная 1926: 58)], населенных в большинстве молдаванами. Мы подчеркиваем это обстоятельство, так как некоторые историки желают представить дело наоборот – будто бы по национальному составу большинство на нем составляли не молдаване (Sojocaru 1997: 32). Председателем съезда был избран В. Рудьев, выразивший протест против румынской интервенции (АОПОРМ: 5).

Сразу после этого в зал вошел отряд жандармов с четырьмя пулеметами. Молдаван В. Рудьева, В. Прахницкого, И. Панцыря, Т. Котороса

и украинца П. Чумаченко (ни один из них не был большевиком) арестовали и, «объявив врагами румынизма», на следующий день расстреляли. Были также расстреляны меньшевичка Н. Гринфельд и эсер Н. Ковсан. Все они являлись членами Сфатул Цэрий. Кроме них были расстреляны еще 40 делегатов съезда (Голос 1917 2: 26.01; Бантке 1928: 30–36).

«Тем временем румынские войска, враждебно встречаемые крестьянами многих сел, продолжали продвижение в глубь Бессарабии» (Левит 2000: 268). Данный вывод в полном объеме подтверждает генерал М. Скина, писавший в своих воспоминаниях, что жители с. Обрежа Бельцкого уезда, где он случайно оказался, «выражали ненависть к нам. Они кричали, что мы пришли восстановить помещиков в их правах и подчинить крестьян нашим земельным порядкам, при которых крестьянин обязан бесплатно работать на бояр» (Schina 1939: 15–16).

И. Цуркану пишет: «Сразу после своего установления в крае румынские власти принимают меры по реквизиции продовольствия и фуража» (Țurcanu 1991: 56). В заметках румынского премьера А. Маргиломана читаем: «Я потрясен постоянным и все увеличивающимся грабежом! Из провинции изымается все; хотя за счет Бессарабии было поставлено 12 500 вагонов, при этом крестьянам было... оставлено по мешку на год» (Marghiloman 1995: 493). Это подтверждает и Н. Йорга: «Крестьяне ненавидят порядок. Даже и 10 % населения не питает к нам должных чувств» (История 1964: 155).

Именно в атмосфере иностранной военной оккупации 24 января 1918 г. Сфатул Цэрий провозгласил «независимость МДР» (Sojocaru 1998: 75, 168–169). Правда, Н. Йорга пишет без тени смущения, что «генерал Броштяну переправился через Прут, и провинция... превратилась, в соответствии с ожиданиями, в оккупированную военным путем территорию» (Iorga 1997: 221).

По разным причинам румынские правящие круги не решались на немедленную аннексию Бессарабии. В этой связи Дука отмечал: «По определенным политическим соображениям... прошло еще два месяца, пока объединение было официально провозглашено; в действительности же с момента (вступления румынских войск. – С.Н.) оно стало свершившимся фактом» (Duca 1982: 50; Duca 1994: Vol. 4: 62).

По свидетельству А. Маргиломана, 12/25 марта 1918 г. на встрече с министром иностранных дел Германии Р. Кюльманом обсуждался и вопрос о Бессарабии. Германский министр «обещал свободу рук» Румынии при условии, что она в свою очередь «не будет создавать трудностей» Германии на Украине (Marghiloman 1995:

426–427), что подразумевало пропуск через территорию Бессарабии австро-германских войск. Таким образом, немцы давали «зеленый свет» аннексии Бессарабии.

27 марта (9 апреля) 1918 г., нарушив все демократические нормы, 86 голосами «за», 3 «против» и 36 «воздержавшимися» Сфатул Цэрий провозгласил «условное» объединение Бессарабии с Румынией (Documente 1995: 7–8). Французский «Journal de Russie» писал 3 мая 1918 г., что «Румыния аннексировала Бессарабию... Румынские солдаты присутствовали при голосовании и угрожали штыками тем, кто протестовал» (Березняков 1957: 151). А протестов было много (Виноградов 1996: 221, 224, 225).

Резко отрицательной была и реакция российской стороны. 18 апреля 1918 г. советское правительство обратилось с нотой к румынскому, в которой заявило, что включение Пруту-Днестровской Молдовы в состав Румынии «является не только вызовом РСФСР, но и вопиющим нарушением заключенного... соглашения (от 5–9 марта) с Россией об очищении в течение 2 месяцев Бессарабии. Присоединение последней к Румынии является также насилием над бессарабским населением». В ноте также подчеркивалось, что эти действия румынских оккупантов и их пособников «лишены какой бы то ни было международной правовой силы» (Relațiile 1999: 35–36).

«Добровольное объединение» 1918 г. было фарсом. Появление в зале румынского премьера также оказало давление на «депутатов» (King 2002: 33). На банкете, организованном после голосования, А. Маргиломан прямо заявил, что «объединение Бессарабии произошло в Бухаресте» (Schina 1939: 33). Данную мысль подтвердили и его политические противники И. Дука и К. Арджетояну (Duca 1994: Vol. 4: 106; Argetoianu 1995: 53). Румынские политики показали, что «объединение» было зачато внешними в отношении Бессарабии факторами, а «голосование» было фикцией.

23 ноября «депутаты» были приглашены к генеральному комиссару Бессарабии генералу А. Войтояну, который в издевательской форме потребовал от них проголосовать за ликвидацию даже пародийной «автономии», оставленной румынами бессарабцам (Виноградов 1996: 233). 27 ноября (10 декабря) 1918 г. Сфатул Цэрий 39 голосами (из которых 17 были кооптированы накануне) «за» принял декларацию, по которой отказался от условий, записанных в «Акте об объединении» от 27 марта (Ciobanu 1993 2: 299–300).

Оценивая «объединение» с точки зрения международного права, следует отметить полное беззаконие данного акта. Архивные документы свидетельствуют, что крестьяне открыто проявляли несогласие

с решением Сфатул Цэрий (НАРМ 13; НАРМ 20; НАРМ 21; НАРМ 23: 29–29 об., 33–33 об., 34, 37–37 об.; НАРМ 25: 51; Борьба 1967: 172; Stratan 2003: 141; подробнее см.: Назария 2015: 203–208). Большинство населения края не приняло чужеземного господства и жило надеждой на его свержение.

Анализ законности «объединения» Бессарабии с Румынией можно завершить выводами юриста-международника А. Буриана: «Исходя из данности, что Сфатул Цэрий не был избран всеобщим голосованием населением Бессарабии, стоит ли вообще обсуждать вопрос, насколько законны решения незаконного органа, который, кроме того, явно превысил свои полномочия, ведь вопросы, связанные с передачей территорий, решаются либо на основе соглашения между общепризнанными субъектами международного права, либо посредством плебисцита» (Burian 2003: 341).

Таким образом, итоги войны для молдавского народа оказались трагичными, ведь в ее конце он оказался разделенным: меньшая его часть на левобережье Днестра сохранилась в составе Советского государства, а большая на 22 года оказалась против своей воли в составе Королевской Румынии.

ЛИТЕРАТУРА

Антонюк 1969 - *Антонюк Д.И., Афтенюк С.Я., Есауленко А.С., Иткис М.Б.* Предательская роль «Сфатул Цэрий». Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1969. 192 с.

Антонюк 1986 - *Антонюк Д.И., Афтенюк С.Я., Есауленко А.С.* «Сфатул Цэрий» – антинародный орган. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1986. 118 с.

АОПОРМ - Архив общественно-политических организаций Республики Молдова (АОПОРМ). Ф. 153. Оп. 1. Д. 376.

Антонюк 1978 - *Антонюк Д.И., Афтенюк С.Я., Есауленко А.С., Завтур А.А., Ройтман Н.Д., Шемяков Д.Е.* Победа Советской власти в Молдавии. М.: Наука, 1978. 296 с.

Афтенюк 1964 - *Афтенюк С.Я., Есауленко А.С., Иткис М.Б., Ройтман Н.Д., Шемяков Д.Е.* Революционное движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1964. 632 с.

Бантке 1928 - *Бантке С.* 10 лет борьбы против румынских бояр. М.; Л.: Моск. рабочий, 1928. 96 с.

Березняков 1957 - *Березняков Н.В.* Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917–1920 гг. Кишинев: Госиздат Молдавии, 1957. 316 с.

Бессарабская 1917 - Бессарабская жизнь. 1917. 28.05, 27.10, 7.11, 19.11, 24.11, 25.11, 29.11, 1.12, 3.12, 8.12, 21.12.

Большевики 1967 - Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов. Документы и материалы. Кишинев: Картя молдовеняскэ,

1967. 450 с.

Борьба 1957 - Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 – март 1918): Сборник документов и материалов. Кишинев: Госиздат Молдавии, 1957. 366 с.

Борьба 1967 - Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920). Сборник документов и материалов. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1967. 684 с.

Виноградов 1996 - *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покувайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М.: ИНДРИК, 1996. 380 с.

Голос 1 - Голос Кишинева.

Голос 2 - Голос революции.

Дембо 1932 - *Дембо В.* Захват Бессарабии и сопротивление населения // Красная Бессарабия. 1932. № 1. С. 14–16.

Европа 2014 - Европа и Россия в огне Первой мировой войны. 100-летию начала войны. М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. 880 с.

Есауленко 1977 - *Есауленко А.С.* Социалистическая революция в Молдавии и политический крах буржуазного национализма (1917–1918). Кишинёв: Штиинца, 1977. 212 с.

За 1970 - За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920): Сборник документов и материалов. Кишинев, 1970. 404 с.

Известия - Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов.

История 1965 - История Молдавской ССР. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1965. Т. 1–2. 660 с.

История 1974 - История народного хозяйства Молдавской ССР. 1917–1958. Кишинев: Штиинца, 1974. 376 с.

История 1964 - История Румынии нового и новейшего времени. М.: Наука, 1964. 406 с.

Истрати 1973 - *Истрати Е.Н.* Демократическое движение за мир на Румынском фронте в 1917 году. Кишинев: Штиинца, 1973. 148 с.

Иткис 1970 - *Иткис М.Б.* Крестьянское движение в Молдавии в 1917 году и претворение в жизнь ленинского декрета о земле. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1970. 300 с.

Красная 1926 - Красная Бессарабия.

Кувинт - Кувинт Молдовенеск.

Левензон 1928 - *Левензон Ф.* Из истории захвата Бессарабии // Красная Бессарабия. 1928. № 1. С. 26–30.

Левит 1997 - *Левит И.Э.* Движение за автономию Бессарабии в 1917 г. Кишинёв: Лига, 1997. 312 с.

Левит 2000 - *Левит И.Э.* Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). Кишинёв: Центральная типография, 2000. 498 с.

Назария 2015 - *Назария С.М.* Генезис, ход и итоги Второй мировой войны:

Факты и мифология. Кишинёв: Центральная типография, 2015. 696 с.

НАРМ 1 - НАРМ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 211.

НАРМ 2 - НАРМ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 629.

НАРМ 3 - НАРМ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 798.

НАРМ 4 - НАРМ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 799.

НАРМ 5 - НАРМ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 805.

НАРМ 6 - НАРМ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 807.

НАРМ 7 - НАРМ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 860.

НАРМ 8 - НАРМ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 861.

НАРМ 9 - НАРМ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 868.

НАРМ 10 - НАРМ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 869.

НАРМ 11 - НАРМ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 15.

НАРМ 12 - НАРМ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 29.

НАРМ 13 - НАРМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 4803.

НАРМ 14 - НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 3.

НАРМ 15 - НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 6.

НАРМ 16 - НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 8.

НАРМ 17 - НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 12.

НАРМ 18 - НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 21.

НАРМ 19 - НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 22.

НАРМ 20 - НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 45.

НАРМ 21 - НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 55.

НАРМ 22 - НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 57 (I).

НАРМ 23 - НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 73.

НАРМ 24 - НАРМ. Ф. 736. Оп. 1. Д. 6.

НАРМ 25 - НАРМ. Ф. 742. Оп. 1. Д. 45.

НАРМ 26 - НАРМ. Ф. 792. Оп. 1. Д. 18.

НАРМ 27 - НАРМ. Ф. 812. Оп. 1. Д. 13.

НАРМ 28 - НАРМ. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2.

Нотович 1959 - *Нотович Ф.И.* Бухарестский мир, 1918. М.: Соцэкгиз, 1959. 260 с.

Свободная - Свободная Бессарабия.

Сфатул - Сфатул Цэрий.

Argetoianu 1995 - *Argetoianu C.* Memorii. Bucureşti: Editura Machiavelli, 1995. Vol. 5. 336 p.

Averescu 1935 - *Averescu A.* Notiţe zilnice din război(u) (1916–1918). Bucureşti: Cultura naţională, 1935. 402 p.

Bobeică 1993 - *Bobeică A.* Sfatul Ţării – stindard al renaşterii naţionale. Chişinău: Universitas, 1993. 174 p.

Bogos 1938 - *Bogos D.* Basarabia de la 1812 până la 1938. Chişinău, 1938. P. 81.

Bogos 1924 - *Bogos D.* La răspântie. Moldova de la Nistru în anii 1917–1918.

Chișinău, 1924. 222 p.

Boldur 1935 - *Boldur A.* Arabescuri revoluționare // Viața Basarabiei. 1935. № 3. P. 55–70.

Boldur 1992 - *Boldur A.* Istoria Basarabiei. București: V. Frunză, 1992. 544 p.

Burian 2003 - *Burian A.* Geopolitica lumii contemporane. Chișinău: Tipografia Centrală, 2003. 456 p.

Cazacu 1920 - *Cazacu P.* Moldova dintre Prut și Nistru. 1812–1918. Iași, 1920.

Ciobanu 1993 1 - *Ciobanu Șt.* Basarabia. Chișinău: Universitas, 1993. 450 p.

Ciobanu 1929 - *Ciobanu Șt.* Unirea Basarabiei. Studii și documente cu privire la mișcarea națională din Basarabia în anii 1917–1918. București: Cartea românească, 1929. 314 p.

Ciobanu 1993 2 - *Ciobanu Șt.* Unirea Basarabiei. Studii și documente cu privire la mișcarea națională din Basarabia în anii 1917–1918. Chișinău: Editura Universitas, 1993. 332 p.

Cojocar 1997 - *Cojocar Gh.* Integrarea Basarabiei în cadrul României (1918–1923). București: Semne, 1997. 270 p.

Cojocar 1998 - *Cojocar Gh.* Sfatul Țării: Itinerar. Chișinău, Civitas, 1998. 176 p.

Dezbaterile - Dezbaterile Adunării deputaților. Sesiunea ordinară. 1920–1921. № 27.

Documente 1995 - Documente privind istoria României între anii 1918–1944. București: Editura Didactică și Pedagogică, 1995. 732 p.

Dragnev 2000 - *Dragnev D., Varta I.* Istoria românilor. Epoca modernă. Chișinău: Civitas, 2000. 268 p.

Duca 1982 - *Duca I.G.* Amintiri politice. München: Jon Dumitru-Verlag, 1982. Vol. 3. 322 p.

Duca 1994 - *Duca I.G.* Memorii. Vol. 3–4: Războiul (1916–1919). București: Editura Machiavelli, 1994. P. 304–328.

Hitchins 1998a - *Hitchins K. u dp.* Istoria României. Buc., 1998. P. 418.

Ghibu 1992 - *Ghibu O.* Pe baricadele vieții. În Basarabia revoluționară (1917–1918). Amintiri. Chișinău: Editura Universitas, 1992. 635 p.

Haniș 1932 - *Haniș V.V.* Amintiri din anul Unirii în Basarabia // Viața Basarabiei. 1932. № 6. P. 3–9.

Hitchins 1998b - *Hitchins K.* România. 1866–1947. București: Humanitas, 1998. 660 p.

Iorga 1939 - *Iorga N.* Memorii. București: Editura "Națională-Ciornei", 1939. Vol. 1. 370 p.

Iorga 1997 - *Iorga N.* Neamul românesc în Basarabia. București: Editura Albatros, 1997. Vol. 2. XXXIII+362 p.

King 2002 - *King Ch.* Moldovenii, România, Rusia și politica culturală. Chișinău: Editura Arc, 2002. 274 p.

Marghiloman 1995 - *Marghiloman A.* Note politice. București, Editura Machiavelli, 1995. Vol. 3. 492 p.

- Meurs 1996 - *Meurs W.P. von*. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. Chișinău: Editura Arc, 1996. 526 p.
- Moraru 1995 - *Moraru A.* Istoria Românilor. Basarabia și Transnistria (1812 – 1993). Chișinău: AIVA, 1995. 560 p.
- Negrei 2004 - *Negrei I., Poștarencu D.* O pagină din istoria Basarabiei. Sfatul Țării (1917 – 1918). Chișinău: Prut Internațional, 2004. 288 p.
- Pântea 1932 - *Pântea Gh.* Rolul organizațiilor militare moldovenești în actul unirii Basarabiei. Chișinău: Tip. "Dreptatea", 1932. 112 p.
- Relațiile 1999 - *Relațiile româno-sovietice. Documente.* București: Editura Enciclopedică, 1999. Vol. 1. 446 p.
- Schina 1939 - *Schina M.C.* Basarabia. Ianuarie 1918 – iunie 1919. Buc., 1939.
- Seton 1934 - *Seton-Watson R.W.* The History of the Rumanians. London: Cambridge University, 1934. 596 p.
- Stratan 2003 - *Stratan V., Gorun A.* Moș Ion Roată, Siguranța și "Unirea". Chișinău-Iași, 2003. 164 p.
- Țurcanu 1991 - *Țurcanu I.* Relații agrare din Basarabia în anii 1918–1940. Chișinău: Universitas, 1991. 356 p.
- Unirea 1995 - *Unirea Basarabiei și a Bucovinei de Nord cu România. 1917 – 1918. Documente.* Chișinău: Editura Hyperion, 1995. 348 p.
- Vicol 1933 - *Vicol T.* Orheiul în ianuarie 1918 // *Viața Basarabiei*. 1933. № 8. P. 35–42.

REFERENCES

- Antonyuk, D.I., Aftenyuk, S.Ya., Esaulenko, A.S. & Itkis, M.B. (1969) *Predatel'skaya rol' "Sfatul Tseriy"* [The treacherous role of "Sfatul Țării"]. Chișinău: Kartya Moldovenyaske.
- Antonyuk, D.I., Aftenyuk, S.Ya. & Esaulenko, A.S. (1986) *"Sfatul Tseriy" – antinarodnyy organ* ["Sfatul Țării" – an anti-national authority]. Chișinău: Kartya Moldovenyaske.
- The Archives of Public and Political Organizations of the Republic of Moldova (AOPORM). Fund 153. List 1. File 376.
- Antonyuk, D.I., Aftenyuk, S.Ya., Esaulenko, A.S., Zavtur, A.A., Roytman, N.D. & Shemyakov, D.E. (1978) *Pobeda Sovetskoy vlasti v Moldavii* [The victory of Soviet rule in Moldova]. Moscow: Nauka.
- Aftenyuk, S.Ya., Esaulenko, A.S., Itkis, M.B., Roytman, N.D. & Shemyakov, D.E. (1964) *Revolutsionnoe dvizhenie v 1917 godu i ustanovlenie Sovetskoy vlasti v Moldavii* [The revolutionary movement in 1917 and the establishment of Soviet rule in Moldova]. Chișinău: Kartya Moldovenyaske.
- Bantke, S. (1928) *10 let bor'by protiv rumynskikh boyar* [The ten-year struggle against the Romanian boyars]. Moscow; Leningrad: Moskovskiy rabochiy.

Bereznyakov, N.V. (1957) *Bor'ba trudyashchikhsya Bessarabii protiv interventov v 1917–1920 gg.* [The struggle of the working people against the invaders in Bessarabia in 1917–1920]. Chişinău: Gosizdat Moldavii.

Bessarabskaya zhizn'. (1917) 28th May, 27th October, 7th November, 19th November, 24th November, 25th November, 29th November, 1st December, 3rd December, 8th December, 21st December.

Aftenyuk, S.Ya., Voronin, E.P., Danu, E.N., Esaulenko, A.S., Itkis, M.B., Kalinenok, M.A. & Roytman, N.D. (1967) *Bol'sheviki Moldavii i Rumynskogo fronta v bor'be za vlast' Sovetov* [The Bolsheviks of Moldova and the Romanian front in the struggle for Soviet rule]. Chişinău: Kartya moldovenyaske.

Slutsкая, K. (ed.) (1957) *Bor'ba za vlast' Sovetov v Moldavii (mart 1917 – mart 1918)* [The struggle for Soviet rule in Moldova (March 1917 – March 1918)]. Chişinău: Gosizdat Moldavii.

Bereznyakov, N.V. (ed.) (1967) *Bor'ba trudyashchikhsya Moldavii protiv interventov i vnutrenney kontrrevolyutsii (1917–1920)* [The struggle of the working people of Moldova against the interventionists and internal counter-revolution (1917–1920)]. Chişinău: Kartya moldovenyaske.

Vinogradov, V.N., Ereshchenko, M.D., Semenova, L.E. & Pokivaylova, T.A. (1996) *Bessarabiya na perekrestke evropeyskoy diplomatii* [Bessarabia at the crossroads of European diplomacy]. Moscow: INDRIK.

Golos Kishineva [The Voice of Chişinău].

Golos revolyutsii [Voice of Revolution].

Dembo, V. (1932) *Zakhvat Bessarabii i soprotivlenie naseleniya* [The capture of Bessarabia and the resistance of the population]. *Krasnaya Bessarabiya*. 1. pp. 14–16.

Bereznyakov, N.V. (ed.) (2014) *Evropa i Rossiya v ogne Pervoy mirovoy voyny. 100-letiyu nachala voyny* [Europe and Russia in the fire of the First World War. The 100th anniversary of the war outbreak]. Moscow: INES, RUBIN.

Esaulenko, A.S. (1977) *Sotsialisticheskaya revolyutsiya v Moldavii i politicheskiy krakh burzhuaznogo natsionalizma (1917–1918)* [The socialist revolution in Moldova and political bankruptcy of bourgeois nationalism (1917–1918)]. Chişinău: Shtiintsa.

Bereznyakov, N.V. et al. (eds) (1970) *Za vlast' Sovetskuyu. Bor'ba trudyashchikhsya Moldavii protiv interventov i vnutrenney kontrrevolyutsii (1917–1920)* [For Soviet power. The struggle of the working people of Moldova against the interventionists and internal counter-revolution (1917–1920)]. Chişinău: Moldavian SSR Academy of Sciences.

Izvestiya Kishinevskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov [News of the Chişinău Council of Workers' and Soldiers' Deputies].

Cherepnin, L.V. (ed.) (1965) *Istoriya Moldavskoy SSR* [The History of the Moldavian SSR]. Vol. 1–2. Chişinău: Kartya moldovenyaske.

Sovetov, P.V. (1974) *Istoriya narodnogo khozyaystva Moldavskoy SSR. 1917–1958* [The History of the Economy of the Moldavian SSR. 1917–1958]. Chişinău: Shtiintsa.

Vinogradov, V.N. (1964) *Istoriya Rumynii novogo i noveyshego vremeni* [The History of the Modern and Contemporary Romania]. Moscow: Nauka.

Istrati, E.N. (1973) *Demokraticheskoe dvizhenie za mir na Rumynskom fronte v 1917 godu* [Democratic Movement for Peace in the Romanian front in 1917]. Chişinău: Shtiintsa.

Itkis, M.B. (1970) *Krest'yanskoe dvizhenie v Moldavii v 1917 godu i pretvorenie v zhizn' leninskogo dekreta o zemle* [The peasant movement in Moldova in 1917 and the implementation of Lenin's Decree on Land]. Chişinău: Kartya moldovenyaske.

Krasnaya Bessarabiya. (1926)

Kuvynt Moldovenesk.

Levenzon, F. (1928) Iz istorii zakhvata Bessarabii [From the history of Bessarabia's capture]. *Krasnaya Bessarabiya*. 1. pp. 26–30.

Levit, I.E. (1997) *Dvizhenie za avtonomiyu Bessarabii v 1917 g.* [The Movement for the Autonomy of Bessarabia in 1917]. Chişinău: Liga.

Levit, I.E. (2000) *Moldavskaya respublika (noyabr' 1917 – noyabr' 1918)* [The Moldavian Republic (November 1917 – November 1918)]. Chişinău: Central Printing House.

Nazariya, S.M. (2015) *Genezis, khod i itogi Vtoroy mirovoy voyny: Fakty i mifologiya* [The Genesis, Progress and Results of the Second World War: Facts and Mythology]. Chişinău: Central Printing House.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 211.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 629.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 798.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 799.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 805.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 807.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 860.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 861.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 868.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 39. List 1. File 869.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 677. List 1. File 15.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 677. List 1. File 29.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 679. List 1. File 4803.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 727. List 2. File 3.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 727. List 2. File 6.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 727. List 2. File 8.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 727. List 2. File 12.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 727. List 2. File 21.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 727. List 2. File 22.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 727. List 2. File 45.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 727. List 2. File 55.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 727. List 2. File 57 (I).

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 727. List 2. File 73.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 736. List 1. File 6.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 742. List 1. File 45.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 792. List 1. File 18.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 812. List 1. File 13.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 919. List 2. File 2.

Notovich, F.I. (1959) *Bukharestskiy mir, 1918* [The Bucharest Peace, 1918]. Moscow: Sotsekgiz.

Svobodnaya Bessarabiya.

Sfatul Tseriy.

- Argetoianu, C. (1995) *Memorii* [Memoirs]. Vol. 5. Bucharest: Editura Machiavelli.
- Averescu, A. (1935) *Notițe zilnice din război(u) (1916–1918)* [The Daily Notes of War (1916–1918)]. Bucharest: Cultura națională, 1935. 402 r.
- Bobeică, A. (1993) *Sfatul Țării – stindard al renașterii naționale* [Sfatul Țării – the Banner of National Revival]. Chișinău: Universitas.
- Bogos, D. (1938) *Basarabia de la 1812 până la 1938* [Bessarabia in 1812 until 1938]. Chișinău: [s.n.].
- Bogos, D. (1924) *La răspântie. Moldova de la Nistru în anii 1917–1918* [At the crossroads. The Dniester in Moldova from 1917–1918]. Chișinău: [s.n.].
- Boldur, A. (1935) *Arabescuri revoluționare* [The revolutionary arabesque]. *Viața Basarabiei*. 3. pp. 55–70.
- Boldur, A. (1992) *Istoria Basarabiei* [History of Bessarabia]. Bucharest: V. Frunză.
- Burian, A. (2003) *Geopolitica lumii contemporane* [Geopolitics of the contemporary world]. Chișinău: Tipografia Centrală.
- Cazacu, P. (1920) *Moldova dintre Prut și Nistru. 1812–1918* [Moldova between the Prut and the Nistru. 1812–1918]. Iași.
- Ciobanu, Șt. (1993) *Basarabia* [Bessarabia]. Chișinău: Universitas.
- Ciobanu, Șt. (1929) *Unirea Basarabiei. Studii și documente cu privire la mișcarea națională din Basarabia în anii 1917–1918* [The Union of Bessarabia. The Studies and Documents on the National Movement in Bessarabia in 1917–1918]. Bucharest: Cartea românească.
- Ciobanu, Șt. (1993) *Unirea Basarabiei. Studii și documente cu privire la mișcarea națională din Basarabia în anii 1917–1918* [The Union of Bessarabia. The Studies and Documents on the National Movement in Bessarabia in 1917–1918]. Chișinău: Editura Universitas.
- Cojocaru, Gh. (1997) *Integrarea Basarabiei în cadrul României (1918–1923)* [Integrating Bessarabia in Romania (1918–1923)]. Bucharest: Semne.
- Cojocaru, Gh. (1998) *Sfatul Țării: Itinerar* [Sfatul Țării: Itinerary]. Chișinău: Civitas.
- The Assembly of Deputies. (1920–1921) *Dezbaterile Adunării deputaților. Sesiunea ordinară* [Assembly of Deputies. Regular session. 1920–1921]. 27.
- Scurtu, I. (ed.) (1995) *Documente privind istoria României între anii 1918–1944* [Documents on the History of Romania between 1918–1944]. Bucharest: Editura Didactică și Pedagogică.
- Dragnev, D. & Varta, I. (2000) *Istoria românilor. Epoca modern* [The History of Romanians. Modern Age]. Chișinău: Civitas.
- Duca, I.G. (1982) *Amintiri politice* [Political memories]. Vol. 3. München: Jon Dumitru-Verlag.
- Duca, I.G. (1994) *Memorii* [Memoirs]. Vol. 3–4. Bucharest: Editura Machiavelli. pp. 304–328.

- Hitchins, K. et al. (1998) *Istoria României* [The History of Romania]. Bucharest: [s.n.].
- Ghibu, O. (1992) *Pe baricadele vieții. În Basarabia revoluționară (1917–1918) Amintiri* [The life on the barricades. The Bessarabian revolution (1917–1918). Memories]. Chișinău: Editura Universitas.
- Haniș, V.V. (1932) *Amintiri din anul Unirii în Basarabia* [Memories of Unirii in Bessarabia]. *Viața Basarabiei*. 6. pp. 3–9.
- Hitchins, K. (1998) *România. 1866–1947* [Romania. 1866–1947]. Bucharest: Humanitas.
- Iorga, N. (1939) *Memorii* [Memoirs]. Vol. 1. Bucharest: Națională-Ciornei.
- Iorga, N. (1997) *Neamul românesc în Basarabia* [The Romanians in Bessarabia]. Vol. 2. Bucharest: Editura Albatros.
- King, Ch. (2002) *Moldovenii, România, Rusia și politica cultural* [Moldovans, Romania, Russia, and Cultural Policy]. Chișinău: Editura Arc.
- Marghiloman, A. (1995) *Note politice* [Political Notes]. Vol. 3. Bucharest: Editura Machiavelli.
- Meurs, W.P. von. (1996) *Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă* [The Bessarabian problem in communist historiography]. Chișinău: Editura Arc.
- Moraru, A. (1995) *Istoria Românilor. Basarabia și Transnistria (1812–1993)* [The History of Romanians. Bessarabia and Transdnistria (1812–1993)]. Chișinău: AIVA.
- Negrei, I. & Poștarencu, D. (2004) *O pagină din istoria Basarabiei. Sfatul Țării (1917–1918)* [A page in the history of Bessarabia. Sfatul Țării (1917–1918)]. Chișinău: Prut Internațional.
- Pântea, Gh. (1932) *Rolul organizațiilor militare moldovenești în actul unirii Basarabiei* [The role of Moldovan military force in the union of Bessarabia]. Chișinău: Dreptatea.
- Romania's Foreign Ministry and the Russian Federation. (1999) *Relațiile româno-sovietice. Documente* [The Romanian-Soviet relations. Documents]. Vol. 1. Bucharest: Editura Enciclopedică.
- Schina, M.C. (1939) *Basarabia. Ianuarie 1918 – iunie 1919* [Bessarabia. January 1918 – June 1919]. Bucharest: [s.n.].
- Seton-Watson, R.W. (1934) *The History of the Rumanians*. London: Cambridge University.
- Stratan, V. & Gorun, A. (2003) *Moș Ion Roată, Siguranța și "Unirea"* [Ion Roată. Siguranța and "Unirea"]. Chișinău-Iași: [s.n.].
- Țurcanu, I. (1991) *Relații agrare din Basarabia în anii 1918–1940* [Bessarabian Agrarian Relations in 1918–1940]. Chișinău: Universitas.
- Anon. (1995) *Unirea Basarabiei și a Bucovinei de Nord cu România. 1917–1918. Documente* [The Union of Bessarabia and Northern Bukovina with Romania. 1917–1918. Documents]. Chișinău: Editura Hyperion.

Vicol, T. (1933) Orheiul în ianuarie 1918 [Orheiul in January 1918]. *Viața Basarabiei*. 8. pp. 35-42.

Назария Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доктор политических наук, доцент Государственного института международных отношений Молдовы (Республика Молдова).

Nazaria Sergiu – International Relations at the State Institute of International Relations of Moldova (Republic of Moldova).

E-mail: sergnazar@mail.ru

УДК 94:070(571.1/.5)“1916”
UDC
DOI: 10.17223/18572685/44/4

БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ В ЗЕРКАЛЕ СИБИРСКОЙ ПРЕССЫ*

С.Ф. Фоминых¹, А.О. Степнов²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

² E-mail: ASAOM@yandex.ru

Авторское резюме

В статье анализируются материалы сибирских газет «Томские губернские ведомости», «Утро Сибири», «Сибирская жизнь» за 1916 г. на предмет освещения в них событий на Юго-Западном фронте в период Брусиловского прорыва в мае–сентябре 1916 г. Рассматриваются основные типы газетных публикаций, отразивших ход наступательной операции русской армии и войны в целом. Это сводки из зоны боевых действий, полученные от Петроградского телеграфного агентства и штаба Верховного главнокомандующего, репортажи и статьи корреспондентов центральных газет, содержащие яркие зарисовки фронтовых будней, письма с фронта и др. На основании этих публикаций население могло составить себе картину происходящего на фронте, проявить инициативу в оказании необходимой помощи. Она выразилась в деятельности Сибирского общества помощи раненым и его отделов на местах, сборе пожертвований, открытии в Томске Дома раненых, реабилитации воинов после лечения в госпиталях, снабжении уходящих с фронта теплой одеждой и т. п. Делается вывод о том, что население Сибири было достаточно информировано о происходившем на фронте. Материалы сибирских газет позволяют реконструировать картину военного мира русского человека времен второй Отечественной войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Брусиловский прорыв, Сибирь, Томск, пресса, настроение общества.

* Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и со-временности» (№ 14.B25.31.0009) и в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

THE BRUSILOV OFFENSIVE REFLECTED IN THE SIBERIAN PRESS*

S.F. Fominykh¹, A.O. Stepnov²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru

² E-mail: ASAOM@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the 1916 material of the Siberian newspapers "Tomsk Provincial News", "Morning Star" and "Siberian Life" which reported the events on the South-Western Front during the Brusilov Break-Through in May-September 1916. The basic type of newspaper articles which reflect the course of the offensive of the Russian Army and the war in general are reviewed. This is a summary of the combat zone received from the Petrograd Telegraph Agency and the Staff of the Supreme Commander, reports and articles by correspondents of major newspapers that contain vivid sketches of daily front-line events, letters from the front and others. On the basis of these publications the population could create a picture as to what was happening at the front and show initiative to provide necessary assistance. It was expressed in the work of the Siberian Benevolent Society by helping the wounded, by helping in collecting donations, in opening the House of Wounded Soldiers in Tomsk, the rehabilitation and treatment in hospitals, in supplying those coming from the front with warm clothing, etc. The conclusion is that the population of Siberia had been informed enough about what was happening at the front. The material in the Siberian newspapers make it possible to reconstruct a picture of the military world of a Russian in the period of the Second Patriotic War.

Keywords: WI, Brusilov Offensive, Siberia, Tomsk, The press, Mood of Society.

Юбилей триумфальной военной операции времен Первой мировой войны, получившей название «Брусиловский прорыв» и осуществленной русской армией в мае – сентябре 1916 г., которой в этом году исполняется 100 лет, дает повод современным исследователям не просто по-иному взглянуть на события боевых действий, но и обратить внимание на мало представленные в историографии темы, связанные с изучением повседневной жизни в тылу.

* This research was supported by the project "Man in a Changing World. Problems of identity and Social Adaptation in History and at Present" (the RF Government grant Nr. 14.B25.31.0009) and Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

Исследование особенностей освещения военных событий в сибирской прессе за 1916 г. позволит определить характер публиковавшейся информации, а изучение содержания и риторики сибирских газет поможет сделать вывод о месте и значении Брусиловского прорыва, который в свое время был известен прежде всего как Луцкий прорыв, а также войны в целом в сознании и восприятии современников, живших вдали от фронта, в провинциальных сибирских городах.

Жители обширного региона на востоке Российской империи узнавали о событиях Луцкого прорыва главным образом из центральных и местных газет. В основу данной статьи положены материалы из газет «Томские губернские ведомости», «Утро Сибири» и «Сибирская жизнь», издававшихся в Томске. Они дают возможность проследить, в каком виде жители сибирских городов, в частности Томска, выстраивали картину боевых действий и формировали о них общее представление.

Конечно же, рассматриваемое время характеризуется большими трудностями в коммуникациях, особенно когда речь идет об отдаленных районах империи. Отсутствие в то время радио, сама по себе отдаленность от фронта не могли не создавать своего рода эффекта отрешенности народа от происходящего. Но вместе с тем необходимо констатировать оперативность информационного оповещения населения Сибири, особенно городского, ключевую роль в котором сыграла телеграфная связь. Большое значение имели и письма, получаемые семьями фронтовиков от их родных и близких, а также рассказы людей, комиссованных по болезни или ранению и возвратившихся на родину из зоны боевых действий.

Газета «Сибирская жизнь», орган либеральной интеллигенции, которая выходила практически ежедневно на четырех, иногда на шести полосах, публиковала не только оперативные сводки, получаемые от Петроградского телеграфного агентства и штаба Верховного главнокомандующего, но и письма с фронта, перепечатывала живые и динамичные репортажи фронтовых корреспондентов таких петербургских и московских газет, как «Речь», «Русское слово», «Русские ведомости», «Биржевые ведомости», «День», «Раннее утро» и др. На страницах этой же газеты можно было увидеть и перепечатки из «Киевской мысли», выходившей недалеко от театра военных действий.

Ежедневная газета «Утро Сибири», «левый» орган печати (прежние названия - «Сибирские отголоски», «Сибирское слово»), позиционировавшая себя как общественно-экономическое, политическое и литературное издание и пытавшаяся конкурировать за подписчиков с «Сибирской жизнью», также наряду с официальными материалами Петроградского информационного агентства большое внимание

уделяла публикации писем с фронта, причем не только наших солдат и офицеров, но и пленных, прежде всего австрийских.

В этих газетах освещались события, отражавшие непосредственное участие сибиряков, в том числе и томичей, в оказании помощи фронту. Это сбор пожертвований, деятельность Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны (далее – Сибирское общество помощи раненым) и Сибирских передовых врачебно-питательных отрядов в зоне боевых действий, работа Дома раненых в Томске и реабилитация инвалидов войны, устройство Военного музея и памятника, посвященных памяти второй Отечественной войны (современное название Первой мировой), и др.

Подавляющий контент официальных «Томских губернских ведомостей», выходивших один раз в неделю, составляли обобщенные (как правило, за неделю) сводки о ходе боевых действий. Основным источником информации было то же Петроградское телеграфное агентство, транслировавшее в основном сведения штаба Верховного главнокомандующего.

Вместе с этим в газетах помещались карты районов боевых действий, а также материалы, отражавшие характер освещения русской армии в иностранной прессе, в том числе и немецкой. Как правило, материалы об успехах русской армии размещались под общим заголовком «На русском фронте» или «На русском Западном фронте». Название же «Западный фронт» предназначалось, как правило, для освещения боевых действий, предпринимавшихся союзниками России по Антанте.

Можно говорить о высоком репрезентативном потенциале сибирской прессы с точки зрения исследуемой проблемы. Газеты того времени не только содержали информацию о происходившем на фронте, но и отражали реакцию сибирского общества на войну. Качество подававшихся материалов, в первую очередь писем и репортажей, компенсировало эффект отчуждения, о котором говорилось выше, потому как позволяло читателю создавать в воображении живую и разностороннюю картину происходившего на фронте.

Прежде чем приступить к анализу материалов прессы, хотелось бы затронуть вопрос о значении общественного мнения во время войны. Мобилизации военной в любой стране с развитым патриотическим чувством в период войны всегда сопутствует мобилизация моральная. И если на начальных этапах войны боевой дух народа и армии возрастает стихийно под влиянием естественных причин, то с затягиванием боевых действий и наступлением позиционной войны требуются дополнительные источники поддержания высокого настроения на фронте и в тылу. И в этом процессе нельзя недооценивать роль периодической печати.

Пресса не только отражает события, но и делает оценочные выводы и тем самым определяет вектор восприятия военных действий (в этом смысле даже поражение можно представить с позитивной стороны), формирует в массовом сознании образы военных героев, прежде всего из числа легендарных военачальников. Известно, что в период Первой мировой войны во Франции общенациональным героем стал маршал (с 1918 г.) А. Петен, триумфатор в битве под Верденом, а в Германии – генерал-фельдмаршал П. Гинденбург, остановивший наступление русской армии на Восточном фронте (в Восточной Пруссии) в 1914 г. и тем самым спасший Германию от военной катастрофы. Их портреты перепечатывались на первых полосах всех крупнейших газет, активно освещалось их стратегическое мастерство. Этого заряда хватало порой на то, чтобы после окончания войны стать даже лидером государства.

Бесспорно, в России подобным общенациональным героем стал генерал А.А. Брусилов: пресса непосредственно в период войны наряду с общепринятым наименованием операции предложила позднее закрепившееся название «Брусиловский прорыв». Сам генерал отмечал в своих воспоминаниях о периоде, последовавшем за успешным наступлением на Юго-Западном фронте и взятием Луцка в 20-х числах мая 1916 г.: «В общественном мнении стали считать Юзфронт как будто бы главным... Все всколыхнулось... Это были лучшие дни моей жизни, ибо я жил одной общей радостью со всей Россией» (Брусилов 1963: 227, 235).

Для большего привлечения внимания читателей перечень главных новостей выносился в качестве анонса в верхнюю часть первой или третьей полосы. Так, например, о начале наступательных боев в конце мая 1916 г. газета проинформировала читателей броским сообщением: «22 мая с утра начался бой на фронте от реки Припяти до румынской границы. Наши войска на многих участках имели крупный успех. До настоящего времени взято около 13 000 пленных, орудия и пулеметы. Сражение развивается» (Сибирская жизнь 1).

На следующий день газета, сообщая о ходе наступления на Галицийском (Юго-Западном) фронте, напечатала: «На фронте от Припяти до румынской границы наши войска развивают достигнутые успехи. Число взятых пленных возросло до 25 000 при 400 офицерах. Захвачено 27 орудий и более 50 пулеметов» (Сибирская жизнь 2).

Следует иметь в виду и то, что, по соображениям военной цензуры, в сводках о боевых действиях газеты не публиковали «названия доблестных полков, ведущих бой иногда с потерей всего офицерского состава, а равно имена мужественных генералов и офицеров, уже павших или

раненых, а также названия местных предметов и пунктов, в районах которых идут бои» (Сибирская жизнь 3).

В газете «Томские губернские ведомости» в конце мая отмечалось: «Результаты боев 22–25 мая на Волыни и в Галиции позволяют уже теперь считать достигнутый успех крупной победой нашего оружия с полным прорывом неприятельского фронта» (Том. губ. ведом. 1). Приводились данные о количестве взятых в плен офицеров, нижних чинов, орудий, пулеметов, выдержки из поздравительной телеграммы императора, посланной из царской ставки полкам генерал-адъютанта А.А. Брусилова.

29 мая в «Сибирской жизни» сообщалось: «Несмотря на сильное местами сопротивление неприятеля, наступление наших войск продолжается на всем фронте от Припяти до румынской границы» (Сибирская жизнь 4).

В дальнейшем газеты постоянно, вплоть до завершения наступательной операции на Юго-Западном фронте, не ограничиваясь краткими сводками, публиковали подробные материалы о боевых действиях с указанием количества взятых русскими войсками в плен солдат и офицеров, а также о трофеях.

Так, в приложениях к «Томским губернским ведомостям» в обзоре военных действий за 19–25 июня 1916 г. сообщалось о наступлении войск генерала П.А. Лечицкого «в чрезвычайно трудных условиях» по разбитой ливнями дороге к северо-западу от слияния рек Липы и Стири, о продолжении «яростных атак» неприятеля на волынском театре военных действий, которые «успеха не имели». Далее говорилось о продвижении наших войск «с большим ожесточением» на фронте между Стырью и Стоходом и т. д. (Том. губ. ведом. 2).

Подводя итоги боев с 22 мая по 27 июня, «Сибирская жизнь» сообщила читателям о том, что войска под командованием генерала Брусилова взяли «266 000 пленных при 5 620 офицерах, 312 орудий и 867 пулеметов» (Сибирская жизнь 5).

Те же «Томские губернские ведомости» сообщили о том, что число пленных за 18–21 августа, взятых войсками генерала Брусилова, составило «385 офицеров и 19 029 нижних чинов... 12 орудий, 75 пулеметов» (Том. губ. ведом. 3).

Даже после окончания активной фазы боевых действий газеты продолжали публиковать победные репортажи о боях на Юго-Западном фронте.

Однако если официальные сводки из районов боевых действий давали лишь общие представления о происходившем на фронте, то перепечатки репортажей военных корреспондентов из центральных газет, письма с фронта, интервью с участниками боев давали

читателям возможность составить более полное и разнообразное представление о происходившем.

А.А. Брусилов позднее вспоминал о начале прорыва в 20-х числах марта 1916 г.: «22 мая на назначенных участках начался сильный артиллерийский огонь по всему Юго-Западному фронту... Должен признать, что везде наша артиллерийская атака увенчалась полным успехом. В большинстве случаев проходы были сделаны в достаточном количестве и основательно, а первая укрепленная полоса совершенно сметалась и вместе со своими защитниками обращалась в груды обломков растерзанных тел» (Брусилов 1963: 230).

Любопытен в связи с этим рассказ пленного австрийца, солдата «альпийского» отряда, состоявшего из хорватов, словенцев и тирольцев, об этом артобстреле. Он был перепечатан из «Русских ведомостей» «Утром Сибири» за 21 июня. Пленный рассказывал: «Нас сразу окружила огневая завеса, сквозь которую никто не мог пробиться... все мы находились в каком-то аду, в котором все бурлило, клочотало от страшных разрывов. Люди падали, рушились окопы, вскрывались наши мины и фугасы... Из шести полков альпийского отряда почти ничего не осталось: две трети погибло, а одна треть взята в плен» (Утро Сибири 1).

Разрушительная картина глазами противника тем не менее в газетных публикациях занимала второстепенное место, уступая первенство письмам воинов-сибиряков.

Как известно, в боевых действиях на Юго-Западном фронте в период Брусиловского прорыва принимали участие сибирские военные формирования. Среди них 4-й Сибирский армейский корпус (с сентября 1916 г.), 5-й Сибирский армейский корпус (с июня 1916 г.), 7-й Сибирский армейский корпус (с сентября 1916 г.) (Симонов), 52-й Сибирский стрелковый полк (Сибирская жизнь 6) и т. д.

В письмах из армии содержались приветствия родным, близким, землякам, благодарности и обращения с просьбами. Так, например, солдаты 52-го Сибирского полка просили томичей (в письме перечислены фамилии) прислать в подарок «граммофон с пластинками и гармонию», так как «скука одолевает». В письме отмечалось: «Стоим мы на позиции, купить нам негде, да и денег не хватает, а уж больно бы хотелось услышать опять музыку» (Сибирская жизнь 5). В конце письма был указан адрес для пересылки. В другом письме трое товарищей, называвших себя «сынами нашей дорогой Сибири» и «большими любителями фотографии», пожелали запечатлеть красивые виды Прикарпатья и для этого просили «тыловых братьев, горожан города Томска прислать фотографический аппарат с небольшим количеством принадлежностей к нему» (Сибирская жизнь 7). Сибиряк И. Лоскутов от лица своих боевых товарищей просил томских купцов «выслать

гармонию итальянского строя» тоже для того, «чтобы разгонять скуку» (Сибирская жизнь 8). Сибиряки просили земляков о высылке гармошки двухрядной русского строя, гармошки-итальянки и т. д.

Таким образом, сибирские обыватели дополняли свою картину войны на Юго-Западном фронте образами скучающих земляков в окопах и на боевых постах, что создавало резкий контраст с кровавыми сражениями и изнурительными передислокациями.

2-я Сибирская отдельная горная артиллерийская батарея воспользовалась газетой «Утро Сибири» для того, чтобы выразить свою благодарность Томской окружной психиатрической лечебнице за присланные подарки и «за постоянную заботу о нижних чинах-томичах».

Большой интерес представляют перепечатанные из «Биржевых ведомостей» в газете «Утро Сибири» «Письма с фронта» (20 августа 1916 г.). Подробные рассказы корреспондента открывают перед внутренним взором читателя, далекого от войны, живую и непосредственную картину происходившего в месте, где смерть всегда рядом. В письмах описываются роты полка, представлявшие собой «массу больших лопат, которые несут на плечах люди, рогатки и "ежи", опутанные проволокой для проволочных заграждений», и каждую ночь идущие на передовую «на границе обстрела ружейным неприятельским огнем». Рассказывается о непрерывном постукивании винтовок неприятельских стрелков в ночи, «специально поставленных для того, чтобы пускать в темноту пулю за пулей», о странном чувстве, которое испытывает солдат при попадании в полосу обстрела, чувстве, напоминающем «ощущение при прыжке во время летней жары в холодную-холодную ключевую воду».

Однако передовая линия жила «полной жизнью» с группами солдат, «идущими с котелками на ужин», санитарями, «прошедшими куда-то с носилками на плечах», одинокими фигурами, «неожиданно появляющимися из мрака» и преувеличенно громким гулом спрашивающими дорогу. Письмо завершается словами: «И как только засереет на востоке, как вся жизнь отливает в тыл или прячется в землю в окопы... До следующей ночи» (Утро Сибири 2).

Живая зарисовка штаба генерал-адъютанта А.А. Брусилова, принадлежащая перу корреспондента «Биржевых новостей» и перепечатанная в «Сибирской жизни» за 7 сентября 1916 г., не могла не привлечь читателя своим ярким описанием. Штаб главнокомандующего Юго-Западным фронтом, из которого велось управление боевым фронтом от Луцка до Румынии, растянувшимся на 1 000 верст, располагался вдали от боевых действий.

«Здесь все нерв и мозг громадного фронта!» – отмечает автор репортажа. Благодаря широкой сети телеграфных проводов обес-

печивалась мобильная связь со всеми участками фронта, со штабом Верховного главнокомандующего. Сам А.А. Брусилов занимал обширный, «невероятно просто обставленный» кабинет в невысоком кирпичном домике с двумя часовыми. О тяжелой непрерывной работе генерала напоминал письменный стол, заваленный «картами всех фронтов и театров военных действий». Дом командующего располагался на горе, а недалеко от дома находилось оперативное отделение штаба главнокомандующего фронтом, помещения которого заполнены безупречными «наиболее усовершенствованными в техническом отношении» телеграфными проводами. В целом «вся сложная, громоздкая канцелярия фронта – это сотни учреждений: по снабжению, питанию, продовольствию, лечению, передвижению войск» (Сибирская жизнь 9).

Несмотря на то, что, по словам корреспондента, за последнее время Брусилов «исхудал и поседел», «на лице усталости не видно, как и не видно раздражительности и нервности» (Сибирская жизнь 9).

Автор очерка пишет о А.А. Брусилове: «Когда он говорит, невольно на лице у него появляется легкая улыбка. Видна обаятельность, мягкость и доброта характера. Весь он ушел в дела. С утра до глубокой ночи он проводит время у себя в кабинете за картами и чтением дел» (Сибирская жизнь 9).

Внимание читателей не могла не привлечь и беседа с генералом Брусиловым, перепечатанная из газет «Таймс», в ходе которой русский военачальник не только высказался о факторах успеха операции, но и изложил свои взгляды на дальнейший ход военных действий на Юго-Западном фронте.

Дополнением к многомерной картине боевых действий служили и публиковавшиеся в сибирских газетах заметки из иностранной прессы. Так, уже 3 июня, т. е. чуть более чем через неделю после начала прорыва, в газете «Утро Сибири» под заголовком «Иностранная печать о нашем наступлении» был напечатан ряд выдержек, среди которых, например, со ссылкой на английскую газету «Time», отмечалось «возрастающее сотрудничество союзных держав в континентальной войне, так как русская южная армия является единственной силой, способной оказать быструю и действенную помощь в деле облегчения давления на итальянцев» (Утро Сибири 3). Там же приводились выдержки из других британских газет («Pall Mall Gazette», «Daily Chronicle», «Westminster Gazette»).

Союзники по Антанте внимательно следили за ходом боевых действий и потому оперативно откликались на новые успехи русского оружия. Уже 8 июня «Сибирская жизнь» разместила на своих страницах новые отзывы английской прессы. В одном из них подчеркивалось,

что «русские нанесли один из самых сильных ударов за нынешнюю войну» («Daily Chronicle»). К вышеперечисленным изданиям в этот раз добавились выдержки из «Daily Telegraph» и «Manchester Guardian» (Сибирская жизнь 10).

В одном из номеров наряду с выдержками из английской прессы был напечатан отрывок из речи премьер-министра Великобритании Г. Асквита, в которой отмечалось, что «русское наступление – сильнейшее из подвигов Великой войны» (Сибирская жизнь 11).

Любопытно, что на страницах сибирской печати публиковались и материалы из немецкой прессы («Berliner Tageblatt», «Politiken»), в которых временами признавалось «превосходство русской тактики» (Сибирская жизнь 12).

Война приобретает подлинно героические черты, когда за оружие берутся дети и женщины. Это случилось и с Россией времен Первой мировой. Пресса не могла не откликнуться на наиболее яркие, получившие резонанс случаи «побега на фронт».

Один из подобных эпизодов был описан корреспондентом газеты «Речь» в виде воспоминаний, затем опубликованных в «Сибирской жизни». Речь шла о Е.К. Щуцкой, жене командира одного из стрелковых сибирских полков генерала Б.И. Щуцкого. С началом войны, не желая расставаться с полковой жизнью, она получила разрешение на мобилизацию, «сняла волосы, сбросила женское платье, надела солдатскую рубашку, превратилась официально в вольноопределяющегося Леонида Щуцкого». Она покидала свой полк с боевых позиций лишь на самые короткие сроки «по делам военной службы». Щуцкая носила шинель, пробитую немецкой пулей, в ней же принимала участие в боевых действиях «на многих участках колоссального фронта». Автор заметки, ранее знакомый с Е.К. Щуцкой и случайно узнавший о ее гибели из траурного газетного объявления, отмечал: «Елена Константиновна во всех своих рассказах отнюдь не драпировалась в неустрашимость. Напротив, откровенно признавалась, что не раз знала, что значит великий страх. Но сознание долга, сознание, что на войне нужно всему смотреть прямо в глаза и уверенно делать то, чего требует момент, всегда и неизменно брало полный верх... И потом, – добавила моя собеседница, разбираясь в своих переживаниях на войне, – есть во всем этом, даже в самом страшном, совсем особая, властная увлекательность, за все вознаграждающая» (Сибирская жизнь 13).

Еще раньше, в том же 1916 г., в Томск вернулся с фронта Н. Трикутин, награжденный Георгиевским крестом 3-й степени. В мае 1915 г. он убежал на фронт, где присоединился к одному из полков и в итоге пробыл там 1 год и 2 месяца. Свою высокую награду получил

за разведывательную операцию: «выследив немецкую артиллерию, он подполз и вывернул у одной из пушек затвор». Позднее был контужен, после чего эвакуирован в Москву и затем вернулся в родной город. На время получения креста ему было 13 лет. Его история также была отражена в сибирской периодической печати. В очерке о нем отмечалось: «Мальчик своим усталым и печальным видом производит грустное впечатление. Как в манере говорить, так и в лице видна усталость и несвоевременная серьезность. Ужасы войны оставили на нем свой отпечаток» (Сибирская жизнь 14).

Все эти невыдуманные истории не могли не поразить своей трагичностью, которая в некоторой степени придавала дополнительные мрачные краски идущей войне, где героями становились не только сильные генералы, но и совсем юные люди.

О том, сколь важное место заняли война и одна из триумфальных ее операций – Брусиловский прорыв – в сознании современников – жителей Сибири, можно судить по общественным инициативам жителей Томска и других сибирских городов.

Так, в августе 1916 г. по примеру других городов Российской империи жители Томска выдвинули инициативу «увековечения памяти доблестных сибирских воинов каким-либо памятником, а также устройством военного музея». Учитывая сложности военного времени, важной оказалась поддержка генерал-майора, командира 42-го Сибирского стрелкового полка Б.И. Щуцкого, который выразил свое желание «содействовать к осуществлению подобной мысли присылкой разных военных трофеев и реликвий, как для устройства музея, так и памятника» (Утро Сибири 4).

В Томске в годы войны был открыт Дом раненых. От Военно-промышленного комитета данная организация принимала заказы на изготовление патронных сумок, солдатских сапог. От населения города принимались заказы на починку обуви. В сентябре 1916 г. в мастерской работали 11 человек – раненых, находившихся на лечении, жен призванных на фронт, кроме того, «Дом раненых получил надлежащее разрешение взять на работу военнопленных, которые будут работать в устроенных сапожной и столярной мастерских». С 1 января 1916 г. зарплата работников Дома раненых составляла 1 500 руб. Некоторые работники отсылались в Петроград «за получением протезов». При организации оказывали лечебные и юридические услуги (Утро Сибири 5).

В Томске во время войны функционировал Томский отдел Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. Инициаторами его создания выступили сибиряки, члены законодательных палат, такие, как Н.В. Некрасов,

Е.Л. Зубашев, С.В. Востротин, а также В.П. Сукачёв (руководитель Комитета помощи раненым), И.А. Кириллов и др.

Главная задача общества определялась как «организация передовых врачебно-питательных отрядов, по взаимному соглашению с союзом городов». Персонал отрядов набирался из сибиряков. К 1916 г. имелось девять таких отрядов, и три из них работали на Галицийском (Юго-Западном фронте) фронте. В зоне боевых действий отряды разворачивали лазареты, открывали питательные пункты для солдат и местного населения, в том числе и русинов, лечили и эвакуировали больных и раненых. Деятельность общества включала в себя снабжение возвращавшихся с фронта теплой одеждой, а также теплым бельем, портянками, подметками, перчатками, продуктами и пр. (хозяйственный отдел). Справочный отдел, состоявший в основном из студентов и курсисток, занимался поиском и регистрацией сибиряков в лазаретах, а также выяснением их материального положения и оказанием им помощи в случае необходимости, а также информированием сибирского населения о судьбах своих близких. При обществе существовала юридическая комиссия, функционировали местные отделы общества (Сибирская жизнь 15).

Через структуры общества сибирские власти стремились внести свой вклад в дело помощи раненым. В деле сбора пожертвований участвовали крестьянские начальники (в сельской местности), служащие государственных учреждений, различные сословные организации (Горелов 2014: 168, 170).

Таков неполный перечень действий и инициатив сибиряков, направленных на помощь всем, кто был на фронте. Все это отражает тот глубокий след, который оставался в душе жителей Сибири после прочтения сводок из зоны боевых действий, статей о русском триумфе в Галиции и Буковине, о мальчике, убежавшем на фронт, о восхищении как союзников, так и врагов, мужеством и отвагой русского солдата.

Анализ материалов сибирской прессы, таким образом, позволяет реконструировать картину военного мира русского человека времен второй Отечественной войны, также называемой современниками Великой. Содержание газетных передовиц, подробные натуралистичные описания зон боевых действий, невыдуманные истории подвигов и героических поступков, наконец, живые портреты главного триумфатора лета – осени 1916 г. русского генерала А.А. Брусилова позволяют не просто составить в сознании и восприятии многогранную картину победы русского оружия, но и ощутить беспокойный XX в., чье начало ознаменовалось войной, равной которой по масштабу, трагичности и героизму человечество до этого не знало.

ЛИТЕРАТУРА

Брусилов 1963 - Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1963. 287 с.

Горелов 2014 - Горелов Ю.П., Гусева О.В., Еремин О.В., Ростов Н.Д. Западная Сибирь в мировых войнах XX века. В 2 кн. Кн. 1: Западная Сибирь в Первой мировой войне. Барнаул: Алтайский Дом печати, 2014. 238 с.

Сибирская жизнь 1 - Сибирская жизнь. Политическая, литературная и экономическая газета. XXIII год издания (Томск). 1916. 25 мая.

Сибирская жизнь 2 - Сибирская жизнь. 1916. 26 мая.

Сибирская жизнь 3 - Сибирская жизнь. 1916. 27 мая.

Сибирская жизнь 4 - Сибирская жизнь. 1916. 29 мая.

Сибирская жизнь 5 - Сибирская жизнь. 1916. 1 июля.

Сибирская жизнь 6 - Сибирская жизнь. 1916. 29 июня.

Сибирская жизнь 7 - Сибирская жизнь. 1916. 5 июня.

Сибирская жизнь 8 - Сибирская жизнь. 1916. 15 июля.

Сибирская жизнь 9 - Сибирская жизнь. 1916. 7 сент.

Сибирская жизнь 10 - Сибирская жизнь. 1916. 8 июня.

Сибирская жизнь 11 - Сибирская жизнь. 1916. 11 июня.

Сибирская жизнь 12 - Сибирская жизнь. 1916. 7 июня.

Сибирская жизнь 13 - Сибирская жизнь. 1916. 19 авг.

Сибирская жизнь 14 - Сибирская жизнь. 1916. 29 июня.

Сибирская жизнь 15 - Сибирская жизнь. 1916. 10 апр.

Симонов - Симонов Д.Г. Сибирские формирования в период Первой мировой войны: краткий исторический очерк // Новосибирский краеведческий портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://kraeved.ngonb.ru/node/4841> (дата обращения: 2.05.2016).

Том. губ. ведом. 1 - Томские губернские ведомости. № 38.

Том. губ. ведом. 2 - Телеграммы Томских губернских ведомостей (приложение к № 42 за 1916 г. Томских губернских ведомостей).

Том. губ. ведом. 3 - Телеграммы Томских губернских ведомостей (приложение к № 51 за 1916 г. Томских губернских ведомостей).

Утро Сибири 1 - Утро Сибири. Газета общественно-экономическая, политическая и литературная. 6-й год издания (Томск). 1916. 21 июня.

Утро Сибири 2 - Утро Сибири. 1916. 20 авг.

Утро Сибири 3 - Утро Сибири. 1916. 3 июня.

Утро Сибири 4 - Утро Сибири. 1916. 2 авг.

Утро Сибири 5 - Утро Сибири. 1916. 11 сент.

REFERENCES

Brusilov, A.A. (1963) *Moi vospominaniya* [My memories]. Moscow: Military Publishing House of the USSR Ministry of Defense.

Gorelov, Yu.P., Guseva, O.V., Eremin, O.V. & Rostov, N.D. (2014) *Zapadnaya Sibir' v mirovykh voynakh XX veka. V 2 kn.* [Western Siberia in the world wars of the 20th century: In 2 vols]. Vol. 1. Barnaul: Altayskiy Dom pechati.

Sibirskaya zhizn' (1916a). 25th May.

Sibirskaya zhizn' (1916b). 26th May.

Sibirskaya zhizn' (1916c). 27th May.

Sibirskaya zhizn' (1916d). 29th May.

Sibirskaya zhizn' (1916e). 1st July.

Sibirskaya zhizn' (1916f). 29th June.

Sibirskaya zhizn' (1916g). 5th June.

Sibirskaya zhizn' (1916h). 15th July.

Sibirskaya zhizn' (1916i). 7th September.

Sibirskaya zhizn' (1916j). 8th June.

Sibirskaya zhizn' (1916k). 11th June.

Sibirskaya zhizn' (1916l). 7th June.

Sibirskaya zhizn' (1916m). 19th August.

Sibirskaya zhizn' (1916n). 29th June.

Sibirskaya zhizn' (1916o). 10th April.

Simonov, D.G. (n.d.) *Sibirskie formirovaniya v period Pervoy mirovoy voyny: kratkiy istoricheskiy ocherk* [Siberian formations during the First World War: A brief historical sketch]. [Online]. Available from: <http://kraeved.ngonb.ru/node/4841> (Accessed: 2nd May 2016).

Tomskie gubernskie vedomosti. (1916a) 38.

Tomskie gubernskie vedomosti. (1916b) Telegrammy Tomskikh gubernskikh vedomostey [Telegrams Tomsk Provincial Gazette]. 42. Supplement.

Tomskie gubernskie vedomosti. (1916c) Telegrammy Tomskikh gubernskikh vedomostey [Telegrams Tomsk Provincial Gazette]. 51. Supplement.

Utro Sibiri. (1916a) 21st June.

Utro Sibiri. (1916b) 20th August.

Utro Sibiri. (1916c) 3rd June.

Utro Sibiri. (1916d) 2nd August.

Utro Sibiri. (1916e) 11th September.

Фоминых Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Fominykh Sergey – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Степнов Алексей Олегович – бакалавр истории, магистрант исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Stepnov Alexey – Tomsk State University (Russia).

E-mail: ASAOM@yandex.ru

УДК 348.71

UDC

DOI: 10.17223/18572685/44/5

ВОССОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ ЦЕРКОВНЫЕ ПРОЕКТЫ 1914–1915 гг. В ГАЛИЦИИ И ЗАКАРПАТЬЕ ПО МЕМУАРАМ ГЕОРГИЯ ШАВЕЛЬСКОГО

А.Р. Соколов

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: alar60@yandex.ru

Авторское резюме

Статья посвящена тем фрагментам мемуаров последнего протопресвитера Русской армии Георгия Ивановича Шавельского, в которых автор рассказывает о ходе так называемых воссоединительных проектов 1914–1917 гг., направленных на слияние православия и униатства. Возникновение подобных замыслов было связано с оккупацией русской армией в ходе боевых действий Первой мировой войны значительных территорий Карпатской Руси, что преподносилось российской пропагандой как освобождение братского славянского народа от ига Габсбургов. Как видно из мемуаров, политическая элита Российской империи воспринимала коренное население этих земель как русинов, которые в результате политических интриг оказались принудительно «исторгнуты из лоно православия». Шавельский анализирует методы «воссоединения» и рассказывает о противоборстве между сторонниками умеренной и жесткой линий внутри самой православной церкви; показывает, как отражались внутрицерковные споры по данной проблеме на отношениях между различными придворными группировками; дает яркие портреты основных участников происходивших событий.

Ключевые слова: русины, униаты, протопресвитер, Г.И. Шавельский, В.С. Георгиевский, В.К. Саблер, Г.А. Бобринский, украинизация.

REUNION CHURCH PROJECTS OF 1914-1915 IN GALICIA AND TRANSCARPATHIA ACCORDING TO THE MEMOIRS OF GEORGY SHAVELSKY

A.R. Sokolov

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: alar60@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to those fragments of the memoirs of the last army Protopresbyter Georgy Shavel'sky in which the author talks about the so-called reunion projects of 1914-1917, aimed at the merger of the Orthodox and Uniate Churches. The emergence of such ideas has been connected to the occupation of large areas of Carpathian Rus' by the Russian Army during the military campaigns of WWI, which was presented by Russian propaganda as the liberation of a brotherly Slavic people from the yoke of the Habsburgs. As seen from the memoirs, the political elite of the Russian Empire took the indigenous population of these lands as Rusins, who were coercively «pulled from the bosom of Orthodoxy» as a result of political intrigues. Shavel'sky analyzes the ways of «reunion» and talks about the confrontation between supporters of the moderate and hard line within the Orthodox Church; he shows how the internal church debates concerning this issue affected the relations between the various groups of courtiers; he gives vivid profiles of the main participants of the events.

Keywords: Rusins, Uniates, Protopresbyter, G.I. Shavel'sky, V.S. Georgievsky, V.K. Sabler, G.A. Bobrinsky, Ukrainization.

Личность Георгия Ивановича Шавельского не удостоилась пристального внимания историков, что вызывает некоторое удивление, учитывая положение, которое он занимал в Российской империи в один из самых драматичных моментов ее истории.

Об этом положении говорит уже само название написанных им мемуаров – «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота».

Двухтомные воспоминания Шавельского вышли в 1954 г. в Нью-Йорке в издательстве имени Чехова и вызвали большой интерес в среде эмиграции. В 1996 г. эти мемуары были выпущены в России

издательством Крутицкого подворья сравнительно небольшим тиражом и, в общем, прошли практически не замеченными широкой аудиторией, увлеченной процессом рассекречивания более сенсационных фактов. Сегодня эти воспоминания вполне свободно можно прочитать в Интернете (Шавельский 1996: 1–21).

Историки, занимающиеся предреволюционной Россией, почти всегда включали работу Шавельского в список использованной литературы, но практически не анализировали ее в плане историко-ведческом. В сущности, внимание и читателей, и исследователей концентрировалось вокруг тех фрагментов, которые были связаны с борьбой придворных группировок и влиянием на царя пресловутой «распутинской клики».

Однако степень осведомленности Шавельского относительно именно этих моментов была невысокой, поскольку в период Первой мировой войны местом службы Георгия Ивановича являлась Ставка Верховного главнокомандующего (сначала в Барановичах, а с лета 1915 г. – в Могилеве). О том, что происходило в Петрограде, он мог судить лишь по информации, полученной у своих хорошо осведомленных знакомых, но все же не напрямую, а через вторые руки.

Зато в чем Шавельский был осведомлен намного лучше, так это во взаимоотношениях среди представителей высшего армейского командования, военного духовенства и вообще представителей высшей церковной иерархии. Бесспорно, фрагменты мемуаров, посвященные именно этим вопросам, отличаются наибольшей достоверностью и представляют особую ценность.

К числу таких фрагментов относится и глава 9-я I тома «На Юго-Западном фронте. Воссоединение галицийских униатов», содержащая интересные сведения о политике, проводимой российской военной администрацией на территориях, населенных русинами. Но больше всего Шавельский уделяет внимание противоборству в среде высшей православной иерархии в вопросе обращения униатского населения в православие.

Проблема обращения униатов приобретает особую актуальность, прежде всего в связи с кризисом в нынешних российско-украинских отношениях, вызванным не в последнюю очередь теми идеями искусственной украинизации, которые были сформулированы в начале XX в. адептами так называемого украинского национального возрождения, с подачи и при организационной поддержке властей Австро-Венгрии. Идеи эти, основанные на тенденциозном толковании исторических фактов, после краха первой попытки создания независимого украинского государства были реанимированы в период Великой Отечественной войны и вторично уже в наше время.

В различные исторические периоды жертвами попыток искусственной украинизации становились представители различных наций и этнических групп, в том числе русины. Кроме того, мемуары Шавельского позволяют понять специфику взаимоотношений российских государственных и церковных структур в условиях военных действий, когда многие мероприятия властей оказывались недостаточно проработанными и не в полной мере учитывали национальную и религиозную специфику славянских территорий Австро-Венгрии.

Шавельский был третьим по счету и последним протопресвитером русской армии и флота, приравниваясь по своему званию к генерал-лейтенанту (С нами Бог 2014: 5). Первым, кто занимал эту должность, был Александр Алексеевич Желобовский (1834–1910 гг.). Его преемник Евгений Петрович Аквилонов (1861–1910 гг.), помимо богословской деятельности, занимался изучением иудаизма, пламенно отстаивал ценности самодержавия, обличал революционеров и был близок к ультраправым организациям. Его смерть от саркомы горла многим казалась не только преждевременной, но и подозрительной (Сементовский 1911: 273–282).

Назначение Шавельского на должность протопресвитера многие восприняли как весьма неожиданное. Сам Георгий Иванович склонен был объяснять его тем, что в нужный момент оказался в нужном месте и к тому же являлся единственным кандидатом, имевшим степень магистра богословия.

Родился он в селе Дубокрай Витебской губернии в семье дьячка. Окончил Витебскую духовную семинарию и в 1895 г. был посвящен в сан священника. Служил настоятелем Суворовской церкви в Санкт-Петербурге. В 1902 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. Во время Русско-японской войны был полковым священником, дивизионным благочинным и, наконец, главным священником Маньчжурской армии.

Заметную роль в карьере Шавельского сыграл генерал от инфантерии Владимир Гаврилович Глазов (1848–1920 (?) гг.), в 1904–1905 гг. занимавший должность министра народного просвещения Российской империи. При его покровительстве Георгий Иванович занял должность законоучителя в Смольном институте, войдя в сравнительно узкий круг придворного духовенства (РГИА 922: 1–752).

Став протопресвитером, Георгий Иванович развил бурную деятельность. В 1913 г. им была написана 40-страничная брошюра «Служение священника на войне», а в июле 1914 г. организован первый в истории собор военного духовенства, решивший давно назревшие организационные вопросы.

В период Первой мировой войны Шавельский был близок к Верховному главнокомандующему русской армии великому князю Николаю Николаевичу, однако не пользовался таким же влиянием на сменившего его в этой должности летом 1915 г. Николая II, что многие объясняли последствиями действий «распутинской клики».

После Февральской революции Шавельский предпринял соответствовавшие духу времени шаги по демократизации возглавляемой им структуры, наладил диалог с Временным правительством и даже являлся одним из кандидатов на восстановленный патриарший престол.

Однако наладить аналогичный диалог с большевиками у него, разумеется, не получилось. Шавельский вернулся на свою малую родину, где в сентябре 1918 г. решением Витебского совета рабочих депутатов был приговорен к смертной казни. Ему удалось бежать и, воспользовавшись паспортом умершего крестьянина, добраться до Киева. Некоторое время Георгий Иванович жил в Ялте у великого князя Николая Николаевича. Оттуда перебрался в Екатеринбург и стал главой военного духовенства Добровольческой армии. В марте 1920 г. он был заменен епископом Вениамином (Федченковым), после чего эмигрировал в Болгарию, где занял должность профессора богословского факультета Софийского университета.

Шавельский благополучно пережил Вторую мировую войну и сумел избежать репрессий после прихода к власти в Болгарии коммунистов. Скончался он в Софии.

Фрагмент мемуаров Шавельского, посвященный проблеме обращения униатов в православие, требует небольшого исторического экскурса.

Обрисовывая ситуацию на территории Галиции применительно к процессу вызревания национального самосознания, исследователь М.Э. Клопова констатирует: «Основное соперничество развернулось между украинским и пророссийским, получившим наименование русофильского, направлениями. В основе идеологии русофильского движения лежала концепция, согласно которой "Восточная Галиция", а также другие "русские" земли Габсбургской империи считались неотъемлемой частью единого русского мира, сегментом общего русского культурно-исторического пространства. Участниками украинского движения Галиция воспринималась как элемент единой "соборной" Украины, своего рода лаборатория, где нарабатывался опыт культурной, общественно-политической, экономической деятельности, который затем предстояло перенести на российскую часть Украины» (Клопова 2011: 95).

Здесь следует только уточнить, что применительно к восточнославянскому населению Галиции российская дореволюционная пресса

практически никогда не использовала определения «украинцы», «украинские», а исключительно «русины» или «русские».

В 1913–1914 гг. прошли два организованных габсбургскими властями «шпионских» процесса. Русофильские деятели хотя и были оправданы судом присяжных, однако в глазах общественности движение оказалось представлено в виде своеобразной «пятой колонны», действующей в интересах царского правительства. Начавшаяся же вскоре Первая мировая война дала австро-венгерской администрации повод для широкомасштабных репрессий.

Российская пресса запестрела сообщениями о том, что происходило на галицийских землях, и хотя авторы слишком часто основывались на непроверенной информации, действительность порой оказывалась страшнее любых измышлений пропаганды.

Приведем сообщение из газеты «Прикарпатская Русь», опубликованное, к слову, только через два года после описанных в заметке событий: «Отступая к Перемышлю, австрийские войска арестовали по пути сорок восемь местных русских жителей. В Перемышле несчастных встретили ехавшие верхом мадьяры... началось уже настоящее зверское избиение арестованных... били мадьяры-пехотинцы и мазепинцы... Улица огласилась стонами и криками. "Не бить, а расстреливать", – раздался резкий и пронзительный голос майора. Тогда девушка – дочь священника – пала на колени перед распятием, находившемся в нише дома, и, подняв к нему руки, воскликнула: "Мать Божья, спаси нас!" Тут к несчастной девушке подскочил солдат-мадьяр и сильно ударил ее по голове ручкой револьвера, а затем выстрелил ей в лоб... Началась стрельба. Стоны, крики, ружейные выстрелы – все смешалось вместе в какой-то дикий, кошмарный хаос...» (С нами Бог 2014: 25).

А вот как описывал участник русофильского движения В.Р. Ваврик итог расправы, учиненной 15 сентября 1914 г. венгерскими солдатами над конвоируемой в тюрьму группой из 46 арестованных в симпатиях к противнику русинов: «Из тел изрубленных людей образовалась сплошная гряда размозженного мяса. Только двоим удалось выжить» (Ваврик 2001: 73).

Неудивительно, что значительная часть русинского населения встречала русскую армию очень доброжелательно. Однако достаточно быстро выявились и конфликтные точки, в появлении которых заметную роль сыграл конфессиональный фактор. Многие униатские священники покинули свои приходы вместе с отступавшей австро-венгерской армией. Вскоре в русскую администрацию стали поступать сведения о распространявшихся во Львове и сельских приходах воззваниях униатской церкви, в которых верующих призывали

оставаться верными австрийскому государству и не сотрудничать с «врагами и изменниками». В 1914–1915 гг. как потенциальные сторонники австро-венгров в российские губернии в административном порядке было выслано до 2 000 человек. Среди них было и много униатских священников, причем этой участи не избежал и сам митрополит Галицкий Андрей Шептицкий (1865–1944 гг.).

Явно недоброжелательное отношение униатского духовенства к представителям русской оккупационной власти, по-видимому, сыграло не последнюю роль в стремлении активизировать процесс обращения униатов в православие.

Наиболее известным сторонником этого курса стал архиепископ, впоследствии митрополит Евлогий (1868–1946 гг.; в миру Василий Семенович Георгиевский). Родился он в Тульской губернии в семье многодетного священника. В 27-летнем возрасте принял монашеский постриг и вскоре стал ректором в Холмской семинарии.

К началу Первой мировой войны он был архиепископом Волынским и Житомирским, а после занятия Галиции отвечал за церковное управление территориями на которых образовались сразу четыре новые губернии – Львовская, Тернопольская, Черновицкая и Перемышльская. В дальнейшем Евлогий принял участие в событиях гражданской войны (разумеется, на стороне белых) и в 1919 г. нашел убежище от преследований петлюровцев и поляков у вернувшегося во Львов на свою кафедру митрополита Шептицкого. Последующая жизнь Евлогия в эмиграции была наполнена конфликтами с другими деятелями Русской зарубежной православной церкви, экуменическими проектами, постоянными метаниями между модернизационными и консервативными крайностями.

В сущности, Евлогий и Шавельский являлись наиболее яркими фигурами высшей церковной иерархии предреволюционного периода, что и объясняет их соперничество.

Униатский вопрос напрямую входил в сферу их служебной компетенции. Шавельский руководил военным духовенством, а значит, должен был интересоваться конфессиональной жизнью прифронтовой Галиции. Евлогий формально отвечал только за руководство православными структурами на галицийских территориях, однако, учитывая сходство в обрядах между униатской и православной церковью, не мог оставаться безразличным к тому, что значительная часть крестьян осталась без пастырей. И, говоря откровенно, наиболее естественной реакцией для человека с такими взглядами, как у Евлогия, являлось ускоренное обращение униатов в православие.

Шавельский следующим образом описывает обстоятельства, при которых он узнал о проводимой Евлогием политике. Дело проис-

ходило в начале сентября 1914 г.: «Уезжая из Вильны, я купил себе разных газет, среди которых оказался номер (кажется, за 10 сентября) "скворцовой" (издававшейся В.М. Скворцовым, чиновником особых поручений при обер-прокуроре Св. синода) газеты "Колокол", проглядывая который, я наткнулся на статью какого-то архимандрита, озаглавленную: "Апостольская поездка еп. Дионисия по Галиции" (Кажется, не ошибаюсь, приводя по памяти название статьи. Еп. Дионисий, впоследствии – митрополит Варшавский). В статье сообщалось, что с продвижением наших войск в Галицию волынские духовные власти во главе с архиепископом Евлогием начали "апостольское" дело обращения галицийских униатов в православие. Еп. Дионисий (Кременецкий, викарий Волынской епархии) уже подъял великий подвиг, путешествуя по градам и весям Галиции. Преосвященный не только совершает богослужения в униатских приходах, но и "действует". Указывались факты: в селе Н. преосвященный призывает священника-униата. "Ты – папист?" – спрашивает его преосвященный. "Папист", – отвечает священник. "Тогда вот тебе два дня на размышление: если не откажешься от папы, отрешу тебя от места". Священник не согласился отказаться, после чего епископ в воскресенье объявляет прихожанам: "Ваш священник – папист; он негоден для вас; я ставлю вам другого"... И... поставил иеромонаха Почаевской лавры» (Шавельский 1996: 165).

Далее Шавельский описывает причины, по которым он воспринял это сообщение слишком близко к сердцу: «Задолго до войны я изучал униатский вопрос в широкой научной и бытовой постановке. Защищенная мною 9 мая 1910 г. магистерская диссертация озаглавливалась "Последнее воссоединение униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг)". Статья "Колокола" воскресила в моей памяти знакомую картину воссоединения 30-х годов прошлого столетия со всеми ошибками и промахами воссоединителей, приводившими к кровавым столкновениям, к вмешательству вооруженной силы. Только "тогда" было в мирное время и у себя дома, а "теперь" – на театре военных действий, на чужой территории. Последнее обстоятельство обязывало наших "деятелей" к особой осмотрительности и осторожности. Азбука военного дела требовала принятия всех мер к успокоению, а не к возбуждению и раздражению населения занятой нашими войсками неприятельской местности. Наши "воссоединители" обязаны были, кроме того, учитывать, что успех на войне легко чередуется с неудачей, что сегодня занятая нашими войсками территория завтра может перейти снова в неприятельские руки. И не могли они не предвидеть, что может ожидать воссоединенных, если они снова окажутся в руках австрийской власти, столь ревностно, по политическим соображени-

ям, преследовавшей в Галиции православие и насаждавшей унию» (Шавельский 1996: 166).

Учитывая, что Шавельский достаточно глубоко изучал опыт воссоединения белорусских униатов, естественно, у него должно было существовать собственное видение относительно того, как именно следует решать вопрос с униатами-русинами.

И Георгий Иванович в своих мемуарах действительно подробно останавливается на этом вопросе, делая упор не только на организационные моменты, но и на то, как именно подобные мероприятия сочетаются с ценностями, провозглашаемыми в Евангелии. «Православной миссии среди галицийских униатов в то время могло быть только одно дело: не обличая униатской веры, не пытаясь пока воссоединить униатов, всеми способами показывать им, – особенно оставшимся без своих священников, бежавших в глубь Австрии, – красоту и теплоту православия: совершая для них службы, исполняя все требы, бескорыстно всем и для всех служа, а для этого пославши туда самых лучших – испытанных и образованных своих священников. При таком характере нашей работы униаты, может быть, поверили бы нам, привыкли бы к нам, а может быть, и полюбили бы нас и незаметно слились бы с нами. При ином – одни нас возненавидят, другие, поверив нам, будут под угрозой мести со стороны австрийцев, которые, если территория с воссоединенными снова перейдет в их руки, не пожалеют для "изменников" пуль и виселиц. Но такая миссия для наших церковных деятелей казалась прежде всего скучной и не обещающей лавров, а затем она представлялась и канонически недопустимой. Совершать богослужение, требы для еще не присоединенных к православию униатов, венчать их, крестить их детей, хоронить их и т.д. – от этой мысли содрогнутся и теперь... "столпы" православия» (Шавельский 1996: 167–168).

Помимо рассуждений о правильности используемой Евлогием тактики, Шавельский предпринял конкретные шаги с целью направить «воссоединителей» на путь истинный. Для этого он обратился к своему непосредственному начальнику по военной линии – великому князю Николаю Николаевичу.

Верховный главнокомандующий был заинтересован в спокойствии тыла, и с этой точки зрения позиция Шавельского представлялась ему более убедительной, поскольку не провоцировала возможные религиозные волнения. В результате за подписью великого князя императору была отправлена телеграмма с просьбой о приостановке воссоединительных действий.

Ответная телеграмма от Николая II гласила, что соответствующее повеление было передано архиепископу Евлогию. Однако ничего

не изменилось. Шавельский со ссылкой на профессора Киевской духовной академии Ф.И. Титова утверждает, что тот видел вышеупомянутую царскую телеграмму в архиве Святейшего синода, причем на ней стояла лаконичная резолюция обер-прокурора Владимира Карловича Саблера (1845–1929 гг.): «Приобщить к делу», т. е. фактически оставить без последствий (Шавельский 1996: 169).

Ссылаясь на информацию, полученную от петроградских друзей, Шавельский утверждал, что воссоединительная ретивость архиепископа Евлогия вдохновлялась именно поддержкой Саблера (Десятовского, который, к слову, именно в период описываемых событий сменил свою немецкую фамилию на фамилию жены). Саблер считался креатурой так называемой распутинской клики, что, бесспорно, повлияло на те критические и даже сатирические оценки, которые дает ему Шавельский в своих мемуарах. Так, он не без ехидства рассказывает о командированном Саблером чиновнике П.Д. Овсянкине, который выполнял при архиепископе роль соглядата (Шавельский 1996: 173).

Во многих случаях Георгий Иванович ссылается на незнание подробностей, как, например, в рассказе о визитах Саблера и Евлогия в ставку осенью 1914 г. протопресвитер лишь высказывает предположение, что, общаясь с великим князем, и тот и другой касались униатского вопроса, не встретив у Николая Николаевича понимания.

Собственные воззрения на проблему воссоединения Шавельский подкрепляет ссылкой на опыт общения с верующими русинами, который он получил в начале февраля 1915 г. во время визита во Львов: «1-го вечером и 2-го февраля утром я совершал богослужение в большой униатской Львовской церкви (кажется, Св. Николая). За богослужениями храм был переполнен молящимися, главным образом – униатами. Мужчины и женщины подходили ко мне под благословение, принимали на всюнощной помазание елеем, причем все целовали мне руку.

У меня тогда явилась мысль: значит, они не делают различия между мною и своими священниками; значит, они считают, что мы одно с ними по вере, что мы им – свои. Зачем же мы хотим подчеркивать торжественно и всенародно, что они для нас чужие, что мы совсем другое, чем они? Зачем мы толкаем их на непосильный, может быть, для многих из них вопрос: если мы не одно с ними, то что же такое мы? Зачем, требуя обрядовой формальности – отречения от папы и *filioque*, т. е. от догматов, которые для них и непонятны и безразличны, зачем мы подвергаем их возможности невероятных опасностей? Ужель для того только, чтобы выполнить букву в данном случае мертвого закона? Тяжело, больно было на душе» (Шавельский 1996: 174–175).

В рассказе о посещении Львова особый интерес вызывает изложение беседы с генерал-губернатором Галиции графом Георгием Александровичем Бобринским (1863–1928 гг.), который в своей программной речи при вступлении в должность заявил: «Я буду учреждать здесь русский язык, закон и строй». Как администратор он действительно целенаправленно проводил политику скорейшей интеграции Галиции в состав Российской империи. Однако даже у него активность «воссоединителей» вызывала раздражение, именно по причине угрозы, которую она представляла для конфессионального мира.

Рассказывая о беседах с руководившим осадой Перемышля командующим 11-й армией генералом Андреем Николаевичем Селивановым (1847–1917 гг.) и военными священниками, протопресвитер упоминает о вопросе «как им поступать, когда оставшиеся без священников, убежавших или погибших, униаты просят их совершать богослужение, исполнять требы и пр.» (Шавельский 1996: 176).

Далее Георгий Иванович приводит свой рапорт Святейшему синоду, который, по сути, представляет собой его собственную программу более плавного, естественного «воссоединения» униатов: «Если отказывать униатам в их просьбах, то они пойдут к римско-католическим ксендзам, после чего навсегда будут потеряны для православия; если же требовать от них торжественного присоединения и торжественно присоединять их к православной церкви, то, в случае обратного занятия австрийцами галицийской территории, воссоединенные будут обвинены в государственной измене и подвергнутся казни. Так как основные пункты, отличающие унию от православия, – догматы о *filioque* и о главенстве папы – для простого униатского народа – пустой звук, и так как простецы-униаты считают себя заодно с православными, то не следует ли самый факт обращения их к православному священнику считать за воссоединение и без шума и всяких предварительных торжественных формальностей не отказывать им, при отсутствии у них своего священника, ни в совершении богослужения, ни в исполнении треб? Прошу дать мне соответствующие указания» (Шавельский 1996: 176).

Ответа на свой рапорт Шавельский не получил, но позже также обнаружил его в канцелярии Святейшего синода с резолюцией: «Г. обер-прокурор приказал настоящего рапорта Св. синоду не докладывать» (Шавельский 1996: 177).

Хотя в синоде рапорт Шавельского был положен под сукно, протопресвитер получил возможность изложить свои взгляды на самом высшем уровне – во время посещения императором Николаем II Львова и Перемышля.

Шавельский прибыл во Львов накануне, где пообщался с Евлогием, но, что характерно, никак не пытался урезонить его в вопросе воссоединения. Снова предоставим слово мемуаристу: «Государь прибыл во Львов в 5 ч. вечера. Духовенство и масса народа долго ждали его в храме. При встрече государя архиепископ Евлогий произнес длинную, политическую речь. Государь слушал спокойно... В 8-м часу вечера в великолепном дворце наместника Галиции был очень многолюдный обед: из духовенства были приглашены архиепископ Евлогий и я...

Утром 12-го апреля оба поезда, царский и великокняжеский, остановились на ст. Броды...

Когда мы подходили к поездам, там, на площадке, около них стояли: государь, беседовавший с великим князем Петром Николаевичем, а невдалеке от него великий князь Николай Николаевич с свитским генералом Б.М. Петрово-Соловово, только что вернувшимся из поездки по Галиции. Минуты через две великий князь позвал меня. Я подошел.

– Вот, ваше величество, о. Георгий пусть доложит вам, – сказал великий князь.

– Пойдемте, – обратился ко мне государь. Мы вдвоем пошли по перрону вокзала.

– Скажите мне откровенно ваше мнение о воссоединении униатов в Галиции, – сказал мне государь.

Я начал с того, что я раньше научно изучил униатский вопрос и поэтому мне, может быть, лучше, чем другим, видны ошибки и промахи в этом деле. Дальше я подробно разъяснил государю, что и на родной территории, и в мирное время такие ошибки приводили к бунтам и вооруженным столкновениям и что тем более они опасны теперь – в военное время и совсем нежелательны в виду международных отношений, так как союзники наши французы и итальянцы – католики. Затем я постарался раскрыть, в чем именно ошибочно производящееся воссоединение: тактически оно ведется неправильно; по настоящей военной поре оно совсем не своевременно; для воссоединяемых крайне опасно, ввиду возможности перехода территории опять в руки австрийцев; для церкви оно может оказаться бесславным... Я говорил с жаром, с увлечением. Государь напряженно слушал меня. Мы несколько раз взад и вперед прошли по перрону.

– Что же по-вашему надо сделать? – спросил меня государь, когда я кончил свою речь.

– Архиепископ Евлогий достойнейший человек, но в данном случае он взял неверный курс, которого он не хочет изменить, так как, кажется, он крепко верит в правоту принятого им направления. Его поэтому надо вернуть в Волынскую епархию, которая, кстати, очень

нуждается в личном присутствии своего архипастыря, а униатское дело поручить другому, – ответил я.

– Кому же? – спросил государь.

– Я не смею указывать определенное лицо. Но, может быть, с этим делом справился бы трудящийся теперь в армии, тут в Галиции, еп. Трифон. Он ориентирован в местной обстановке и, по моему мнению, держится совершенно правильного взгляда на здешнее унианство, – ответил я.

– Отлично! Заряженный вашим докладом, я поеду в Петроград и там сделаю, как сказали вы, – были последние слова государя. На этом мы расстались.

От государя я подошел к Верховному, который в это время разговаривал с генералом Г.А. Бобринским, генерал-губернатором Галиции. Я подробно рассказал о беседе с царем. «Отлично!» – сказал великий князь, а граф Бобринский чуть не со слезами обнял меня. «Вы разрешили самый тяжелый и запутанный вопрос в Галицийском управлении», – сказал он мне...

Однако переворот во взглядах императора на униатский вопрос если и произошел, то никаких долговременных последствий это не имело...

6-го мая архиепископу Евлогию, в награду за воссоединительные труды, высочайше был пожалован бриллиантовый крест на клобук – высшая награда для архиепископа, тем более для молодого: ему тогда не было и 50 лет. Униатское галицийское дело, конечно, было оставлено в прежнем положении. А 9 мая началось наступление немцев, закончившееся очищением от наших войск почти всей Галиции. Все воссоединители бежали. Один из них – священник Каркадиновский, законоучитель Витебского учительского института, во время войны служивший в Галиции с архиепископом Евлогием, – рассказывал мне, что воссоединенные часто провожали их проклятиями.

Бежало и много воссоединенных. Говорили, что будто бы до 80 000 галичан после этого разбрелись по Волыни, Дону и другим местам. Рассказывали также, что до 40 000 из оставшихся на месте погибли на виселицах и от расстрелов.

Огромный процент среди них составляли воссоединенные...» (Шавельский 1996: 179–182).

Подводя итоги, можно сказать, что основные доводы, которые Шавельский выдвигал против ускоренного «воссоединения» униатов-русинов, сводились к следующему:

– несоответствие подобной политики догматам христианской церкви, требующим, чтобы обращение было актом ненасильственным;

- опасения, что подобная политика вызовет раздражение среди униатов и заставит их еще больше отдалиться от православия в сторону католической церкви;
- опасение волнений среди местных жителей;
- перспектива новых репрессий австро-германцев против «воссоединенных» в случае оставления Закарпатья и Галиции русской армией.

В то же время Шавельский считал абсолютно логичным и полезным шагом назначение в оставшиеся без униатских священников приходы православных батюшек, полагая, что таким образом, благодаря сходству обрядов, будет происходить плавное обращение униатов в православие.

Таким образом, выступая активным участником дискуссий о «воссоединении», Шавельский спорил со своими оппонентами не о целях и задачах, а лишь о методах «воссоединения». Тем не менее позицию последнего протопресвитера русской армии, занятую им в униатском вопросе, следует оценивать как вполне веротерпимую, толерантную и гуманную, по сравнению с позицией архиепископа Евлогия и обер-прокурора Святейшего синода Саблера.

Уже в силу своей должности Шавельский воплощал для современников в одном лице власть военную, государственную и церковную, однако имел недостаточно реальных полномочий и, как следствие, мало влиял на события, к которым он оказывался причастен. Это своеобразие его должностного положения хорошо прослеживается и по его роли в дискуссиях вокруг униатского вопроса.

В любом случае трудно не согласиться если не с глубоким, то, по крайней мере, точным выводом Шавельского: «Галицийское воссоединение показало, что ревность не по разуму весьма опасна, ибо она побуждает и умных людей творить большие глупости» (Шавельский 1996: 182).

ЛИТЕРАТУРА

Ваврик 2001 - *Ваврик В.Р.* Терезин и Талергоф. К 50-летию трагедии галицкого народа. М.: Московское общество друзей Карпатской Руси, 2001. 143 с.

Клопова 2011 - *Клопова М.Э.* Восточнославянское население Галиции в годы Первой мировой войны // *Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века* / отв. ред. Е.П. Серапионова. СПб.: Алетейя, 2011. 588 с.

РГИА - Российский государственный исторический архив. Ф. 922. Оп. 1. Д. 752. Письма и телеграммы Глазову В.Г. Шавельского Георгия Ивановича.

С нами Бог - С нами Бог // *Досье. Коллекция* / отв. ред. Д.В. Митюрин. 2014. № 8. С. 2–32.

Сементовский 1911 - *Сементовский Н.* Последние часы жизни о. протопресвитера Евгения Петровича Аквилонова и проводы его тела из Козлова на вокзал для следования в Петербург // Вестник военного и морского духовенства. 1911. № 9. С. 273–282.

Шавельский 1996 - *Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии. М.: Издательство Крутицкого подворья, 1996. Т. 1. 414 с.

REFERENCES

Vavrik, V.R. (2001) Terezin i Talergof. K 50-letiyu tragedii galitskogo naroda [Terezin and Talerhof. On the 50th anniversary of the tragedy of the Galician people]. Moscow: Moscow Society of Friends of Carpathian Rus'.

Kloпова, M.E. Vostochnoslavjanskoe naselenie Galitsii v gody Pervoy mirovoy vojny [Eastern Slavic population of Galicia in World War I]. In: Serapionova, E.P. (ed.) *Slavyanskiy mir v epokhu voyn i konfliktov XX veka* [Slavic World in the Era of Wars and Conflicts of the Twentieth Century]. St. Petersburg: Aleteyya.

Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 922. List 1. File 752. *Pis'ma i telegrammy Glazovu V.G. Shavel'skogo Georgiya Ivanovicha* [Letters and telegrams of Shavelsky Georgy Ivanovich to Glazov V.G.].

Mityurin, D.V. (2014) S nami Bog [God is with us]. *Dos'e. Kolleksiya*. 8. pp. 2-32.

Sementovskiy, N. (1911) Poslednie chasy zhizni o. Protopresvitera Evgeniya Petrovicha Akvilonova i provody ego tela iz Kozlova na vokzal dlya sledovaniya v Peterburg [The last hours of the life of Protopresbyter, Fr. Evgeny Petrovich Akvilonov and seeing his body off from Kozlov to the station to be delivered to St. Petersburg]. *Vestnik voennogo i morskogo dukhovenstva*. 9. pp. 273-282.

Shavelskiy, G.I. (1996) *Vospominaniya poslednego protopresvitera russhukoy armii* [Memories of the last Protopresbyter of the Russian army]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya.

Соколов Александр Ростиславович – доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sokolov Alexander – Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: alar60@yandex.ru

УДК 94(436+47)"1914/1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/44/6

РУСИНЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ*

С.Г. Суляк

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Авторское резюме

Согласно переписи населения 1910 г., русинов (Ruthenen) в многонациональной Австро-Венгерской империи насчитывалось 3 997 831 чел. (7,78 % населения). В то время большинство русинов считали себя частью единого русского народа, как и большинство великороссов, малороссов и белорусов. Русины проживали как в Транслейтании – землях Венгерской короны, так и на территории Цислейтании – австрийских имперских землях. В Транслейтании, по данным переписи 1910 г., было 472 тыс. русинов (2,3 % ее населения), в Цислейтании – 3,5 млн (12,6 % ее населения), в восточной части Галиции (Галичине) русины составляли 62 % населения. С началом Первой мировой войны регионы компактного расселения русинов Австро-Венгрии (Галичина, Буковина, Угорская Русь), а также российская Холмщина стали ареной боевых действий. Север Бессарабии, где проживала значительная часть русинов губернии, стал прифронтовым районом. Война принесла немало бедствий местному населению. С ее началом австро-венгерские власти создали концентрационные лагеря для русских галичан и буковинцев. Всего во время Первой мировой войны австро-венгерские власти уничтожили не менее 60 тыс. русинов. Из-за военных действий на территории Прикарпатья и репрессий австро-венгерских властей 422 тыс. чел. вынуждены были покинуть регион. В России оказалось, по некоторым оценкам, около 200 тыс. галичан. Интерес представляет отношение к русинам Галичины и Буковины современников и участников боевых действий. Ценным источником информации для изучения этого вопроса являются воспоминания императора Николая II, генералов, офицеров и солдат русской армии.

* Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (№ 14.B25.31.0009) и в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Большинство авторов воспоминаний, сталкиваясь с русинским населением Галиции и Буковины, подчеркивали его лояльность и доброжелательное отношение к русской армии и администрации, видели в нем таких же, как и они, представителей русского народа, схожего по обычаям и языку с малороссами.

Ключевые слова: русины, Первая мировая война, Восточная Галиция, Буковина, Австро-Венгрия, мемуары.

RUSINS IN THE MEMOIRS OF THE PARTICIPANTS OF THE GREAT WAR

S.G. Sulyak

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

In the multi-national Austro-Hungarian Empire there were more than 25 different nationalities. One of these were the Rusins (Greek Catholic and Orthodox). In accordance with the Census of 1910 the Rusins (Ruthenen) numbered 3 997 831 persons (7,78 % of the population of the empire). At that time the majority of Rusins considered themselves as part of the one Russian nation as did the majority of Great Russians, Little Russians and White Russians. Rusins lived in lands under the Hungarian Crown (Transleithania) and in lands under the Austrian Imperial Council (Cisleithania).

In Transleithania, according to the data of the 1910 Census, there were 472 000 Rusin (2,3 % of the population) while in Cisleithania there were 3,5 million (12,6 % of the population). In the Eastern section of Galicia Rusins comprised 62 % of the population. With the beginning of WWI regions of Austro-Hungary with compact Rusin settlement (Galicia, Bukovina, Hungarian Rus') and also the Russian Kholm Province became an arena of military operations. Northern Bessarabia, in which a significant part of the province was Rusin, became a front. The war brought no little calamity to the local populace. From the onset of the war the Austro-Hungarian authorities created concentration camps for the Russian Galicians and Bukovinians. In total

* This research was supported by the project "Man in a Changing World. Problems of identity and Social Adaptation in History and at Present" (the RF Government grant Nr. 14.B25.31.0009) and Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

during WW1 the Austro-Hungarian authorities annihilated no less than 60 000 Rusins. 422 000 were required to leave the Carpathian Region because of military operations and repression. According to several accounts about 200 000 Galicians turned up in Russia. It is of interest to learn of the attitude toward the Rusins of Galicia and Bukovina by their contemporaries and participants of the military operations. A valuable source of information for study regarding this question are the memoirs of Emperor Nicholas II, Generals, Officers and Soldiers. The majority of the authors of the memoirs, who had contact with the Rusin population of Galicia and Bukovina, stress the loyalty and benevolent relationship toward the Russian army and administration shown by the Rusins. The Rusins saw them as themselves, representatives of the Russian nation similar in tradition and language to the Little Russian.

Keywords: Rusins, WWI, Eastern Galicia, Bukovina, Austro-Hungary, Memoirs.

В многонациональной Австро-Венгерской империи насчитывалось более 25 наций и народностей. Одной из них были русины (греко-католики и православные). В то время большинство русинов считали себя частью единого русского народа, как, впрочем, и большинство великороссов, малороссов и белорусов. Интерес представляет отношение к русинам Галичины и Буковины современников и участников боевых действий, которым пришлось контактировать с этим населением. Ценным источником информации для изучения этого вопроса являются воспоминания императора Николая II, русских генералов, офицеров и солдат. В военных мемуарах по большей части описывается ход боевых действий, хотя иногда в них встречаются упоминания о местных жителях.

Население Габсбургской империи перед Первой мировой войной (по данным переписи 1910 г.) распределялось следующим образом (Nationalismus):

По численности:

Gebiet	Absolutzahl	Prozent
<i>Территория</i>	<i>Абсолютное число</i>	<i>Проценты</i>
Österreich <i>Австрия</i>	28 571 934	55,6
Ungarn <i>Венгрия</i>	20 886 487	40,6
Bosnien-Herzegowina <i>Босния и Герцеговина</i>	1 931 802	3,8
Insgesamt <i>Всего</i>	51 390 223	100,0

По национальному составу (национальность в Австро-Венгрии определялась в то время по обиходному языку (разговорному языку - *Umgangssprache*)):

Nationalität <i>Национальность</i>	Absolutzahl <i>Абсолютное число</i>	Prozent <i>Проценты</i>
Deutsche <i>Немцы</i>	12 006 521	23,36
Tschechen <i>Чехи</i>	6 442 133	12,54
Slawaken <i>Словаки</i>	1 967 970	3,83
Polen <i>Поляки</i>	4 976 804	9,68
Ruthenen ¹ <i>Русины</i>	3 997 831	7,78
Slowenen <i>Словенцы</i>	1 255 620	2,44
Serben und Kroaten <i>Сербы и хорваты</i>	4 380 891	8,52
Italiener <i>Итальянцы</i>	768 422	1,50
Rumänen <i>Румыны</i>	3 224 147	6,27
Ungarn <i>Венгры</i>	10 056 315	19,57
Andere <i>Другие</i>	2 313 569	4,51
Insgesamt <i>Всего</i>	51 390 223	100,00

Русины (Ruthenen), составлявшие около 7,78 % населения Австро-Венгрии, примерно в таком же соотношении были представлены и в армии. Однако униаты² (греко- и армяно-католики) составляли в 1911 г. всего 1,2 % офицеров запаса, и среди них почти не было профессиональных военных (1 %). 86 % профессиональных военных и 68,2 % офицеров запаса были представлены католиками, составлявшими 65,9 % населения империи (Nationalismus). Как считают исследователи, причинами этого были отсутствие у галицких русинов австрийского патриотизма и, как следствие, нежелание добровольно служить в австро-венгерской армии (Стахів 1959: 78–80).

Русины проживали как в **Транслейтании** (нем. *Transleithanien*) – землях венгерской короны, на территории так называемой Под-

карпатской (Угорской) Руси (ряд северо-восточных комитатов), и в **Цислейтании** (нем. *Cisleithanien*) – австрийских имперских землях (Ostreich): Буковине (герцогстве Буковина, нем. *Herzogtum Bukowina*) и Галиции (королевстве Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским и княжествами Освенцим и Затор, нем. *Königreich Galizien und Lodomerien mit dem Großherzogtum Krakau und den Herzogtümern Auschwitz und Zator* *Königreich Galizien und Lodomerien*).

В Транслейтании, по данным переписи 1910 г., было 472 тыс. русинов (2,3 % ее населения), в Цислейтании – 3,5 млн (12,6 % ее населения). В восточной части Галиции (Галичине) русины³ составляли 62 % населения (Vocelka).

В 1910 г. в империи проживало 2,2 млн евреев (3,9 % от общей численности населения) (Vocelka). Евреи, как правило, в языковом отношении ассимилировались. Большинство галицких евреев причисляли себя к польской национальности. Немецкоязычных галичан было 1,1 %, из них не были евреями 0,5 % (Peter 2004: 173).

Доля еврейского населения в Галиции составляла 10,8 %, на Буковине – 12,8 %, в Чехии – 1,5 %, в Нижней Австрии – 5,2 %. Евреи составляли значительное число горожан: 10 % населения Праги, 37,8 % – Кракова, 40,5 % – Львова (Lemberg), 21,6 % – Черновцов (Vocelka).

Из 28 571 934 чел., проживавших в 1910 г. в Австрии, 22 530 169 были католиками, 3 417 223 – греко-католиками (в большинстве своем – русины Галичины), 2 235 – армяно-католиками, 666 458 – православными (в основном русины и румыны (молдаване) Буковины), 1 313 687 – иудеями, 3 270 – липованами (старообрядцами), 588 686 чел. – евангелистами и т. д. (Die Ergebnisse: 54).

Немцев в Австрии (имеется в виду по разговорному языку. - С.С.) было 9 950 266 чел., чехов-моравов-словаков – 6 435 983, поляков – 4 967 984, русинов – 3 518 854, словенцев – 1 252 940, сербов-хорватов – 783 334, итальянцев-ладинов (ретороманцев) – 768 422, румын – 275 115, венгров (мадьяр) – 10 974 чел. (Die Ergebnisse: 59).

С началом Первой мировой войны регионы компактного расселения русинов Австро-Венгрии (Галичина, Буковина, Угорская Русь), а также российская Холмщина стали ареной боевых действий. Север Бессарабии, где проживала значительная часть русинов губернии, стал прифронтовым районом. После неудачного вступления в войну Румынии все Пруто-Днестровское междуречье стало прифронтовым районом. Румыния после долгих колебаний и переговоров с воюющими сторонами выступила в августе 1916 г., к концу Брусиловского наступления, на стороне России и Антанты, что в конечном итоге ослабило антигерманскую коалицию и создало дополнительные проблемы России.

Война принесла немало бедствий местному населению. С ее началом австро-венгерские власти создали концентрационные лагеря для русских галичан и буковинцев (Ваврик 2001: 97). Всего во время Первой мировой войны австро-венгерские власти уничтожили не менее 60 тыс. русинов (Гардый 2005: 210). Из-за военных действий на территории Прикарпатья и репрессий австро-венгерских властей 422 тыс. чел. вынуждены были покинуть регион (Кабузан 2006: 210–211). В России оказалось, по некоторым оценкам, около 200 тыс. галичан (Пашаева 2007: 117). Подробнее о демографических потерях среди русинского населения изложено в статье «Русинская идентичность (на примере участия галичан в гражданской войне)» (Суляк 2015b: 109). Во время войны Галицию покинуло от 200 до 300 тыс. евреев. Из 137 тыс. беженцев, прибывших в Вену, 60 % были евреями (Vocelka).

К осени 1914 г. в ходе Галицийской битвы (5 (18) августа – 8 (21) сентября 1914 г.) российские войска заняли практически всю Восточную Галицию, часть Западной и большую часть Буковины (Оськин 2014: 107–112). Было создано Галицийское (Галицко-Буковинское) генерал-губернаторство. Осенью 1914 г. на территории Галиции и Буковины были образованы Львовская, Тернопольская, после занятия Буковины в сентябре – Черновицкая, в апреле 1915 г. – Перемышльская губернии, которые делились на уезды (Бахтурина 2000: 77–78).

Процесс интеграции края в Российскую империю осложняли идеологический раскол русинов, часть из которых, приняв украинскую идентичность, стала антирусским меньшинством, а также непродуманная политика российской администрации и представителей русского православного духовенства (в частности, архиепископа Волынского и Житомирского Евлогия (В.С. Георгиевского), назначенного управлять церковными делами в оккупированных областях). Последнее своими прямолинейными действиями спровоцировало конфликт с униатским духовенством Галичины (Михутина 2003: 182, 186).

Галиция была оставлена российскими войсками в июне 1915 г. в результате австро-германского наступления и неудачной зимней кампании. Во время Великого отступления – самого тяжелого периода для русской армии – 23 августа (5 сентября) 1915 г. Николай II стал Верховным главнокомандующим, сменив на этом посту великого князя Николая Николаевича (Оськин 2014: 112–154). В 1916 г. восточная часть Галиции и Буковина были вновь заняты российскими войсками в результате Луцкого (Брусиловского) прорыва (22 мая (4 июня) – 31 июля (13 августа)) (Керсновский 1994: 34–64; Оськин 2014: 176–180).

Как было изложено выше, в результате Галицийской битвы русские войска заняли почти всю Восточную Галицию и Буковину, осадив Перемышль,

который капитулировал 9 (22) марта 1915 г. Император Николай II 27–30 марта (9–12 апреля) 1915 г. посетил Восточную Галицию, побывав в Бродах, Львове, Самборе, Хырове и Перемышле. 9 апреля император записал в своем дневнике: «Знаменательный для меня день приезда в Галицию! <...> Чем дальше, тем местность становилась красивее. Вид селений и жителей сильно напоминал Малороссию. Только пыль была несносная. Останавливался несколько раз на месте сражений в августе месяце; видел поблизости дороги братские могилы наших скромных героев. Солнце пекло как летом.

В 4½ на спуске с горы был встречен гр. Бобринским и затем въехал в гор. Львов. По улицам стояло много войск шпалерами и народа... Город производит очень хорошее впечатление, напоминает в небольшом виде Варшаву, но с русским населением на улицах. Вышел на балкон к крестьянам, пришедшим из окрестностей...» (Дневники 1991: 523). 11 апреля, после посещения Самбора, Хырова и Перемышля, император «уехал на станцию, тепло провожаемый населением» Львова (Дневники 1991: 523–524).

В поездке Николая II сопровождал генерал-майор Отдельного корпуса жандармов А.И. Спиридович, в то время начальник императорской дворцовой охраны, который вспоминал: «Занятие нашими войсками Галиции и разгром австрийских армий очень всколыхнули наше национальное чувство, напомнили нам о нашей родной колы-



бели всего славянства Карпатах, напомнили о Червонной Руси, о наших братьях по вере и крови, томившихся под австрийским игом. Туда полетели более экспансивные националисты, члены Государственной Думы. Туда обратил взоры Святейший синод. Все только и говорили о возвращении России древних родных

бели всего славянства Карпатах, напомнили о Червонной Руси, о наших братьях по вере и крови, томившихся под австрийским игом. Туда полетели более экспансивные националисты, члены Государственной Думы. Туда обратил взоры Святейший синод.

Все только и говорили о возвращении России древних родных

областей с русским населением, которое старались ополячить, но которое, как думали, остается в душе русским.

Двести лет тому назад католические ксендзы с продажными элементами из местного дворянства выдумали униатское вероисповедание, а в последние десятилетия продажные профессора из малороссов по указке австрийского Генерального штаба стали выдумывать новые названия для населяющего Галицию русского простого народа. Всякие Грушевские и иные выходцы из Киевского университета разрабатывали, по австрийской указке, теорию украинской самостийности, выдумывали разные «мовы», а забитый простой русский галичанин продолжал хранить в сердце мысль о национальном освобождении, что связывалось с мыслью о Белом Царе.

И когда русские войска победоносно продвигались по Галиции, бежал поляк, уходил немец, но простой народ встречал русского солдата как своего родного, как освободителя. А соседние с Почаевской лаврой приходы толпами приходили к настоятелю монастыря, прося присоединить их снова к родной православной церкви. Начался массовый переход простолюдинов униатов в православие, и к весне 1915 года перешло до ста приходов, и лишь недавно, с месяц назад, в старом русском Львове, переделанном в Лемберг, в устроенной из манежа церкви, архиепископ Евлогий, назначенный в Галицию, впервые после двухсот лет служил перед десятитысячной толпой народа Христову заутреню. Для львовских галичан то было воистину Христово Воскресение!» (Спиридович 1960: 116–117).

Описывая поездку императора во Львов, он упоминал о восторженной встрече Николая II войсками и массой народа. После посещения гарнизонной церкви и госпиталя царь отправился во дворец: «Кругом масса народа. Гремит ура... Вечером, пока во дворце происходил обед, на который были приглашены местные власти, галичане устроили патриотическую манифестацию перед дворцом. Государь вышел на балкон, сказал небольшую, но горячую, проникнутую верою в правое дело речь. Народ ревел от восторга. Крестились и плакали. Государь был очень растроган оказанным ему галичанами приемом» (Спиридович 1960: 120–121).

О симпатиях русинского (и не только русинского) населения Львова к русской армии упоминают и польские авторы. В частности, об этом писал львовский историк Ю. Бялыня-Холодецкий: «Пришла 22 марта 1915 г. во Львов печальная весть, что крепость Перемышль сдалась русским войскам, принужденная к этому недостатком продовольствия. Во Львове воцарилась огромная подавленность; многие оптимисты не хотели даже верить этой печальной новости, и только развешенные вечером по приказу русских властей флаги на домах рассеяли

всякие сомнения» (Соколов). Настроения польского и еврейского населения Львова он называет депрессией, под влиянием которой многие жители ходили грустными, другие - с ругательствами и проклятиями на устах, направленными против интендантства Австро-Венгрии, иные - с открытыми проявлениями антипатии к русским, было много и таких, которые отреагировали на новость рыданиями, приступами истерии и бешенства, с кем-то даже случился апоплексический удар. «С другой стороны, не таили своей радости русофилы⁴ и спешили массово с поздравлениями к резиденции генерал-губернатора, который велел устроить официально по городу шествия, процессии с портретами царя и великого князя, Верховного главнокомандующего, в окружении флагов, военных подразделений, солдат, полицейских и части гражданского населения, которая виватами и возгласами давала выражение своим чувствам» (Соколов). На следующий день, во вторник 10 (23) марта, русское население города Львова торжественно отпраздновало взятие Перемышля русской армией.

Протопресвитер русской армии Г.И. Шавельский в своих «Воспоминаниях» писал: «1-го вечером и 2-го февраля утром я совершал богослужение в большой униатской Львовской церкви (кажется, Св. Николая). За богослужениями храм был переполнен молящимися, главным образом – униатами. Мужчины и женщины подходили ко мне под благословение, принимали на всю ночь помазание елеем, причем все целовали мне руку. У меня тогда явилась мысль: значит, они не делают различия между мною и своими священниками; значит, они считают, что мы одно с ними по вере, что мы им – свои. Зачем же мы хотим подчеркивать торжественно и всенародно, что они для нас чужие, что мы совсем другое, чем они? Зачем мы толкаем их на непосильный, может быть, для многих из них вопрос: если мы не одно с ними, то что же такое мы? Зачем, требуя обрядовой формальности – отречения от папы и *filioque*, т. е. от догматов, которые для них и непонятны и безразличны, зачем мы подвергаем их возможности невероятных опасностей? Ужель для того только, чтобы выполнить букву в данном случае мертвого закона? Тяжело, больно было на душе» (Шавельский 1954: 173–174).

Он упоминал о посещении униатской церкви и благожелательном отношении простых русинов к православию: «Утром 12-го апреля оба поезда, царский и великокняжеский, остановились на ст. Броды. Было воскресенье. Я с доктором великого князя Маламой отправились к литургии в униатскую церковь. Церковь в общем имела совсем православный вид: трехярусный иконостас, нашего письма иконы. Служил православный русский священник; пели по-униатски; большинство

песнопений пелись всей церковью. Меня особенно удивили песнопения: «Ангел вопияше» и «Отче наш», исполненные всей церковью особым вычурным напевом чрезвычайно красиво и стройно. Многие из молящихся, особенно женщины, стояли с молитвенниками, по которым следили за богослужением. Церковь была полна народу. Порядок был образцовый. Вся обстановка службы создавала торжественное молитвенное настроение.

– И наши хотят еще учить их, когда нам надо от них учиться? – обратился ко мне доктор, когда мы выходили из церкви.

На паперти храма мы остановились.

– Где же ваш униатский священник? – спросил я у одной средних лет женщины.

– Тикае до Вены, – отвечала она.

– Что ж, вы привыкли к новому священнику?

– А чего не привыкнуть?

– Да он же не похож на вашего прежнего: он с длинными волосами, бородой и в рясе.

– Так что ж? Наш як папа, а этот як Христос...» (Шавельский 1954: 178–179).

В «Воспоминаниях» А.А. Брусилова русинам отведено немного места. Он упоминал о явившейся к нему после взятия Львова «депутации от городского управления и всех сословий», которая «от имени населения твердо обещала, что не нарушит порядка и лояльности по отношению к нам». «Нужно сказать, что население выполнило свои обещания честно и добросовестно», – указывал он. Далее он отмечал: «Униатский митрополит граф Шептицкий, явный враг России, с давних пор неизменно агитировавший против нас, по вступлении русских войск во Львов был по моему приказанию предварительно подвергнут домашнему аресту. Я его потребовал к себе с предложением дать честное слово, что он никаких враждебных действий, как явных, так и тайных, против нас предпринимать не будет; в таком случае я брал на себя разрешить ему оставаться во Львове для исполнения его духовных обязанностей. Он охотно дал мне это слово, но, к сожалению, вслед за сим начал опять мутить и произносить церковные проповеди, явно нам враждебные. Ввиду этого я его выслал в Киев в распоряжение главнокомандующего. Состоявшему при мне члену Государственной Думы, бывшему лейб-гусарскому офицеру графу Владимиру Бобринскому, поступившему при объявлении войны вновь на военную службу, я приказал осматривать все места заключения, которые попадали в наши руки, и немедленно выпускать политических арестантов, взятых под стражу австрийским правительством за русофильство. Бобринский чрезвычайно охотно взялся за эту миссию, так как он еще в мирное

время имел большие связи с русофильской партией русин. Не помню цифр, но таких арестантов оказалось очень много, и они были немедленно освобождены; уголовные же преступники продолжали, конечно, содержаться под стражей и были переданы в распоряжение галицийского генерал-губернатора» (Брусилов 1983: 86–87).

«Русины, естественно, были на нашей стороне, кроме партии так называемых мазепинцев, выставивших против нас несколько легионов», – констатировал генерал (Брусилов 1983: 96). Кстати, А. Брусилов отмечал, что не только «в Восточной Галиции, где большинство населения русины, к нам расположенные с давних пор, но и в Западной, где все население чисто польское, не только крестьяне, но и католическое духовенство относилось к нам хорошо и во многих случаях помогали, чем могли. Это объяснялось тем, что ранее того по моему распоряжению было широко распространено среди населения известное воззвание великого князя Николая Николаевича к полякам. Поляки надеялись, что при помощи русских вновь воскреснет самостоятельная Польша, к которой будет присоединена и Западная Галиция» (Брусилов 1983: 117–118).

Из приказа А. Брусилова: «Поздравляю славные войска армии с переходом границы. Приказываю объяснить нижним чинам, что мы вступаем в Галицию, хотя и составляющую теперь часть Австро-Венгрии, но это исконная Русская земля, населенная, главным образом, русским народом, для освобождения которого война и ведется.

Русская армия не ведет войны с мирными жителями. Русский солдат для мирного жителя, к какой бы он народности ни принадлежал, не враг, а защитник, а тем более он защитник для родного по крови галичанина. Я выражаю глубокую уверенность, что никто из чинов, имеющих честь принадлежать к армии, не позволит себе какого-либо насилия над мирным жителем и не осрамит имя русского солдата. С мирным населением каждый из нас должен обращаться так же, как это было в родной России» (7 августа 1914 г.) (Брусилов 1983: 247).

Генерал А.И. Деникин писал: «Помню дни тяжкого отступления из Галиции, когда за войсками стихийно двигалась, сжигая свои дома и деревни, обезумевшая толпа народа, с женщинами, детьми, скотом и скарбом... Марков шел в арьергарде и должен был немедленно взорвать мост, кажется, через Стырь, у которого столпилось живое человеческое море. Но горе людское его тронуло, и он шесть часов еще вел бой за переправу, рискуя быть отрезанным, пока не прошла последняя повозка беженцев» (Деникин 2002: 103).

Полковник Б.В. Веверн, будучи в 1914 г. командиром батареи в 81-й артиллерийской бригаде, вспоминал, что «после неудачной

попытки австрийцев прорвать блокаду (Перемышля. – С.С.) сразу появились на наших линиях перебежчики, сначала редкие, одиночные, а затем это явление приобрело массовый характер». Как отмечал Б. Веверн, «перебегали главным образом русины», а также сербы, поляки, румыны. «Не было только мадьяр и австрийских немцев, по крайней мере я о таковых не слышал». Отмечал он и тот факт, что «наши пехотные солдаты, очень добродушно относившиеся к перебежчикам, с вечера обыкновенно говорили: “Ну сейчас поползут”». Первым делом перебежчики, попав в окоп, протягивали руку, здоровались, а затем ждали, когда им дадут хлеба, которого в крепости было негусто. Б. Веверн обратил внимание, что о мадьярах перебежчики всегда говорили «с явным недоброжелательством, даже со злобой. Мадьяр лучше кормили, лучше одевали и лучше с ними обращались». Венгры выполняли в крепости и функции жандармерии. Так же перебежчики отзывались и о своих офицерах. Как сообщал автор, «видимо, между офицерами и солдатами не было ни спайки, ни связи», что вполне понятно, так как «в австрийских частях, набранных из людей одной определенной национальности, офицеры очень часто были другой национальности». В то же время в мадьярских частях офицерами были венгры, что усиливало их боевые качества (Веверн 1938: 96–97).

Описал Б. Веверн и произошедший с ним казусный эпизод: «Однажды я шел лесной дорожкой на свой наблюдательный пункт, без всякого оружия, имея лишь через плечо, в футляре, бинокль. Внезапно из лесной чащи, как из земли, передо мной выросло пять австрийских солдат с винтовками в руках. От неожиданности я сразу оторопел. Я был уверен, что нахожусь перед австрийскими разведчиками, проникшими одними из известных переходов в наш тыл, что было вполне правдоподобно. Я остановился и, конечно, растерялся. По всей вероятности, мое состояние и мой испуганный вид сразу стали им понятны, потому что один из них поспешил сейчас же рассеять происшедшее недоразумение:

- Извините, господин офицер, мы пришли сдаваться в плен.
- Как же вы прошли незамеченными через наши пехотные линии?
- Да тут есть много разных переходов. Вы их не знаете, а мы знаем» (Веверн 1938: 97).

Военный врач В.П. Кравков, занимавший с сентября 1914 по декабрь 1915 г. должность помощника начальника санитарного отдела штаба 10-й армии, упоминал в своих «Записках»: «Проходимые деревни «подъяремной» Руси бедны, и обитатели их живут убого» (6 сентября 1914 г.) (Кравков 2014: 47); «наши крестьяне живут бедно, но беднее еще живут, по-видимому, галичане; удивил меня вопрос

мальчугана, мало-мальски говорящего по-русски: «А что, жида перестанут теперь над нами пановать?»» (Кравков 2014: 49). Поразил его и тот факт, что 9 сентября г. Ярослав «австрийцы оставили без боя и сами бегут, бросая орудия и обозы, жители же усиленно грабят город!» (Кравков 2014: 49). Речь идет о древнем русском городе, основанном князем Ярославом Владимировичем (ныне Подкарпатское воеводство Ярославского повята Польши), тогда большинство его населения составляли евреи и поляки.

Е.В. Тумилович⁵, в то время рядовой 326-го пехотного Белгородского полка, в своих мемуарах рассказал о захвате разведчиками пленных в небольшом «гуцульском хуторке»: «Обоих пленных солдат мы отвели в лес и там узнали, что они оба русины. Один из них бывал ранее в Киеве, где и по сие время живут его родственники. Вражда тут же сразу была забыта. Их угостили папиросами и продолжали беседовать уже совсем по-приятельски. Обрадованные счастливым для них исходом войны черномазые парни бросили в сторону свои подсумки, повесили шинели на руку и сопровождаемые одним из наших солдат, как выразился один из них, «пошли до Киева»» (Тумилович 2014: 97).

Уделил он внимание и взаимоотношениям русских солдат с жителями гуцульского «поселка Яблоново, расположенного вблизи от слияния Черного и Белого Черемоша»: «Солдаты быстро разместились по избам, и так как в нашем полку преобладающее большинство были украинцами, то они очень быстро нашли общий язык с гуцулами или, вернее, с гуцулками и проводили свой короткий отдых как дома» (Тумилович 2014: 87). Е. Тумилович отметил, что «мужчины, способные носить оружие, еще австрийцами были взяты в солдаты, в горных же деревнях и селеньях остались старики, женщины да дети» (Тумилович 2014: 88). Упомянул он и своей дружбе с дядей Мыколой и его дочерью Марийкой. Через год, во время Бусиловского прорыва, судьба вновь свела их вместе (Тумилович 2014: 88–94, 130–131).

Собрав сведения на местах, В.Л. Кублицкий-Пиоттх в 1916 г. выпустил очерки «Зверства противника в очерках и фотографических документах». В них он вспоминал, в частности, о событиях первых месяцев войны: «Легкое настроение в значительной мере поддерживалось еще тем удивительным и искренним радушием, с которым нас всюду встречало русинское население. Будучи не только по своему происхождению и языку, но и в мелочах своего быта русскими, вернее, малороссами, русины тотчас по нашем приходе в деревню добровольно и благожелательно открывали нам не только кувшины с молоком и чашки с вареным картофелем, но и, весьма часто, свои души. Подавляющее большинство нижних чинов моего полка были также малороссы, почему между ними и населением установились тотчас

самые дружеские отношения, заводились на мягком и благозвучном наречии берегов Днепра бесконечные разговоры о том, "как у вас" и "как у нас"» (Кублицкий-Пиоттух 1916: 62).

А.Р. Трушнович⁶, говоря о своей службе в австро-венгерской армии и попытке перейти на сторону России, вспоминал: «...в каком-то венгерском городке мы наконец-то погрузились в эшелон и двинулись по венгерской равнине на юг. У Мармарош-Сегеда снова свернули в Карпаты. На одной станции долго стояли. Пошли в деревню, к гуцулам. Худощавые, высокие, в широкополых черных шляпах, в длинных бурках. Говорят на русском наречии. Живут бедно, хатки у них курные, пахотной земли мало, леса по большей части принадлежат не им. Немецкий генерал Людендорф, побывавший в гуцульских деревнях, в своих воспоминаниях пишет, что жизнь под Австрией воодушевлять этих людей, по-видимому, не может» (Трушнович 2004).

«А еще мы видели, как бедный крестьянин спешил по дороге с небольшим мешком картофеля. Когда он поравнялся с нами, его догнали помещик и австрийский жандарм. Жандарм ударил его плетью по лицу, а помещик орал, будто командовал корпусом в развернутом строю: "Проклятые свиньи! Этому их русские научили!" Крестьянин-то русский... Уехали они победителями. Крестьянин жаловался: "Четверо детей, голодаем, все на него работаем, а он тебя и за собаку не считает. Все равно картофель уже гниет"» (Трушнович 2004).

Будущий маршал Советского Союза, в то время прапорщик, А.М. Василевский описывал в своих мемуарах Брусиловский прорыв: «Я, как и большинство моих сослуживцев, относился к самому наступлению с энтузиазмом: русской армии предстояло освобождать Карпатские земли. Должен сказать, что картины, которые пришлось наблюдать, после того как Буковина осталась позади, укрепляли в нас именно это представление. Местные жители, которые именовались тогда русинами, встречали нас с распростертыми объятиями и рассказывали о своей нелегкой доле. Австрийские власти, смотревшие на них как на чужеземцев, яростно преследовали всех, кого они могли заподозрить в "русофильстве". Значительная часть местной славянской интеллигенции была арестована и загнана в концентрационный лагерь "Талергоф", о котором ходили страшные легенды. Провинция, плодородная и обычно довольно богатая, была сильно опустошена. Война повсюду оставила свои зловещие следы» (Василевский 2004: 26–27).

Таким образом, мы видим, что, сталкиваясь с русинским населением Галичины и Буковины, большинство авторов воспоминаний подчеркивали его лояльность и доброжелательное отношение к русской армии и администрации, видели в нем таких же, как и они,

представителей русского народа, схожих по обычаям и языку с российскими малороссами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ruthenen* - официальное название русинов в Австро-Венгрии. Язык назывался *Ruthenisch* (рутенский, русинский). В августе 1917 г. император Карл официально изменил названия *рутены*, *рутенский язык* на *украинцы* и *украинский язык* (*Ukrainer, Ukrainisch*) (Попик 1999: 124).

2. Русины Австро-Венгрии по вероисповеданию были греко-католиками и православными.

3. Тяжелые условия жизни привели к массовой эмиграции русинов в США и Канаду. К примеру, в Восточной Галиции 40 % земли было в руках польских крупных землевладельцев. В 1890–1913 гг. Австро-Венгрию покинуло до 800 тыс. русинов. Причем в США уехали 211 тыс. Только в 1912–1913 гг. эмигрировали в эту страну 28,5 тыс. чел., что привело к снижению численности русинов в Австро-Венгрии (*Vocelka*). Были распространены сезонные миграции. Часто трудовые мигранты, отправлявшиеся на заработки в Россию, там же и оставались, в том числе и в Бессарабской губернии (Суляк 2015а: 105–106).

4. Русофилами и москвофилами в Галиции, Буковине и Угорской Руси австрийская, польская, украинская историография называет русинов, которые, в отличие от украинофилов (мазепенцев), стояли на позиции единства русского народа. На наш взгляд, так называть русинов, считавших себя русскими, подвергшихся за это репрессиям со стороны австро-венгерских властей, не совсем этично, равно как и использовать по отношению к ним термин *украинцы*. Правильнее использовать следующую терминологию: *русские*, *русские галичане*, *русские буковинцы*, *русское движение* и т. д. Ее вновь ввела в научный оборот Н.М. Пашаева (Пашаева 2007: 8–9).

5. Евгений Владиславович Тумилович родился в бедной крестьянской семье. В 1915 г., будучи 18-летним юношей, он отправился добровольцем на фронт и оказался в составе 326-го пехотного Белгорайского полка.

Вместе с полком принял участие в Брусиловском прорыве, а также в тяжелых боях в Лесистых Карпатах. За подвиги дважды был награжден Георгиевским крестом. В мемуарах описывает кровопролитные бои в Карпатах во время Брусиловского прорыва (Тумилович 2014: 31).

6. Александр Рудольфович Трушнович (1893–1954). Родился в Постойне, в 40 км от Триеста (бывшая Австро-Венгрия, ныне Словения), в словенской семье железнодорожного служащего. Окончил немецкую гимназию в Горице, учился в Инсбруке и Вене на медицинском факультете, во Флоренции – на литературном. В 1914 г. был призван в австро-венгерскую армию,

воевал в Карпатах, где, как и многие военнослужащие-славяне, перешел к русским. С этого и начинаются его воспоминания. Книга охватывает три ключевых периода истории, свидетелем которых был автор: Первую мировую войну, в которой он стал офицером Сербской добровольческой дивизии, гражданскую войну, в которой он сражался против большевиков в Корниловском полку, и ранние годы советской власти, вплоть до коллективизации и голода 1933 г. Участник Белого движения, он подлежал расстрелу, но был спасен сербами, служившими на стороне красных. С 1922 г. до выезда из СССР в 1934 г. жил под фамилией матери – Гостиша.

В феврале 1934 г. Трушнович с женой Зинаидой Никаноровной и сыном Ярославом оказался в Югославии. Там Трушнович стал членом НТС. В том же году он принял православие под именем Александр (в католичестве его имя было Рудольф).

В сентябре 1944 г. при подходе советских и титовских войск к Белграду семья Трушновичей переехала в Германию. Трушнович – капитан, затем майор Русской освободительной армии (РОА), заместитель начальника санитарного отдела штаба Вооруженных сил Комитета освобождения народов России (ВС КОНР).

После войны с семьей переехал в созданный НТС лагерь беженцев Менхегоф под Касселем. Трушнович добился разрешения городского управления Бад-Хомбурга на постройку жилых бараков. Так на окраине Бад Гомбурга возник поселок Солидарск.

С 1950 г. возглавлял в Западном Берлине Комитет помощи русским беженцам. 13 апреля 1954 г. был похищен советской агентурой и при попытке вывоза в Восточный Берлин погиб (Трушнович 2004).

ЛИТЕРАТУРА

Бахтурина 2000 - *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2000. 264 с.

Брусилов 1983 - *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1983. 256 с.

Ваврик 2001 - *Ваврик В.Р.* Терезин и Талергоф. К 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа. М.: Издательский дом «Софт Издат», 2001.

Василевский 2004 - *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М.: Вече, 2014. 608 с., ил.

Веверн 1938 - *Веверн Б.В.* 6-я батарея. 1914–1917 гг. Повесть о времени великого служения Родине / Пред. проф. ген. Н.Н. Головина. В 2 т. Париж, 1938. Т. 1. 172 с.

Гардый 2005 - *Гардый П.С.* От издателя // Талергофский альманах // Русская Галиция и «мазепинство» / Сост. серии М.Б. Смолин. М.: Имперская традиция,

2005. С. 209-511.

Деникин 2002 - *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917 г.). Минск: Харвест, 2002. 464 с.

Дневники 1991 - Дневники императора Николая II. 1968–1918 / Общ. ред. и пред. К.Ф. Шаццло. М.: Орбита, 1991. 736 с.

Кабузан 2006 - *Кабузан В.М.* Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год. Формирование этнических и политических границ украинского этноса. М.: Наука, 2006. 658 с.

Кравков 2014 - *Кравков В.П.* Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М.: Вече, 2014. 416 с., ил.

Керсновский 1994 - *Керсновский А.А.* История русской армии. В 4 т. Т. 4: 1915–1917 гг. М.: Голос, 1994. 368 с., ил.

Кублицкий-Пиоттук 1916 - *Кублицкий-Пиоттук В.Л.* Зверства противника в очерках и фотографических документах. Пг.: Скобелевский комитет о раненых, 1916. 98 с., 6 л. ил.

Михутина 2003 - *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М.: Ловатера, 2003. 289 с.

Оськин 2014 - *Оськин М.В.* История Первой мировой войны. М.: Вече, 2014. 496 с., 32 с. ил.

Пашаева 2007 - *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. 2-е изд., испр. и доп. М.: Имперская традиция, 2007. 192 с.

Попик 1999 - *Попик С.* Українці в Австрії 1914–1918. Австрійська політика в українському питанні періоду Великої війни. Київ; Чернівці: Золоті литаври, 1999. 236 с.

Соколов - *Соколов Л.* Львов под русской властью (1914–1915). Продолжение. [Электронный ресурс]. URL: <http://russlvov.org.ua/2011-05-04-12-20-29/38-2011-05-03-12-28-19/340--16> (дата обращения: 2.05.2016).

Спиридович 1960 - *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. В 3 кн. Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1960. Кн. 1. 302 с.

Стахів 1959 - *Стахів М.* Західня Україна: нарис державного будівництва та збройної і дипломатичної оборони в 1918–1923 рр. Скрентон: Український Робітничий Союз, 1959. Т. 3. 200 с.

Суляк 2015a - *Суляк С.Г.* Русины Бессарабии в XIX – начале XX в.: к проблеме численности // Русин. 2015. № 1. С. 95–115. DOI 10.17223/18572685/39/7

Суляк 2015b - *Суляк С.Г.* Русинская идентичность (на примере участия галичан в гражданской войне) // Русин. 2015. № 4. С. 107–125. DOI: 10.17223/18572685/42/9

Трушнович 2004 - *Трушнович А.Р.* Воспоминания корниловца (1914–1934). Москва; Франкфурт: Посев, 2004. 336 с. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/trushnovich_ar/index.html (дата обращения: 15.04.2016).

Тумилович 2014 - «Смелым Бог владеет»: наступление Юго-Западного фронта 1916 г. глазами нижнего чина Е.В. Тумиловича // Первая мировая: взгляд из окопа / Предисл., сост. и ком. К.А. Пахалюка. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 29–136.

Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. Т. 1. 414 с. [Электронный ресурс]. [URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/shavelsky_gi/index.html (дата обращения: 15.04.2016)].

Die Ergebnisse - Die Ergebnisse der Volkszählung vom 31. Dezember 1910 in den im Reichsrat vertretenen Königreichen und Ländern. 1 Heft. Die summarischen Ergebnisse der Volkszählung. Mit 6 Kartogrammen. Wien: Gerold in Komm., 1912. 219 s.

Nationalismus - Nationalismus im österreichischen Berufs-Offizierkorps in der Zeit von 1848/49 bis 1914. [Online]. URL: <http://www.kuk-wehrmacht.de/national.htm> (дата обращения: 2.05.2016).

Peter 2004 - Peter G.J. Pulzer: Die Entstehung des politischen Antisemitismus in Deutschland und Österreich 1867 bis 1914. Verlag Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen 2004, ISBN 3-525-36954-9. 384 Seiten mit 10 Abb. und 16 Tabellen, gebunden.

Vocelka - Vocelka K. Demographische und soziale Entwicklung in Österreich bzw. der Habsburgermonarchie vom Mittelalter bis in die Gegenwart. 9. Vorlesung 10.Juni 2002. NATIONALE GRUPPEN UND DEREN ZAHLENMÄSSIGE ERFASSUNG. [Online]. URL: http://www.univie.ac.at/igl.geschichte/vocelka/SS2002/vo_ss2002_1006.htm (дата обращения: 2.05.2016).

REFERENCES

Bakhturina, A.Yu. (2000) *Politika Rossiyskoy imperii v vostochnoy Galitsii v gody Pervoy mirovoy voyny* [The Policy of the Russian Empire in Eastern Galicia in the First World War]. Moscow: AIRO-XX.

Brusilov, A.A. (1983) *Moi vospominaniya* [My memories]. Moscow: Voenizdat.

Vavrik, V.R. (2001) *Terezin i Talerhof. K 50-letney godovshchine tragedii galitsko-russkogo naroda* [Terezin and Talerhof. On the 50th anniversary of the tragedy of Galician and Russian people]. Moscow: Soft Izdat.

Vasilevskiy, A.M. (2014) *Delo vsey zhizni* [The point of all life]. Moscow: Veche.

Vevern, B.V. (1938) *6-ya batareya. 1914–1917 gg. Povest' o vremeni velikogo sluzheniya Rodine*

[The 6th battery. 1914–1917. The story about the time of the great service to the Motherland]. Vol. 1. Paris: Nikishin.

Gardyy, P.S. (2005) *Ot izdatelya* [From the publisher]. In: Smolin, M.B. (ed.) *Talergofskiy al'manakh. Russkaya Galitsiya i "mazepinstvo"* [Talerhof Almanac.

Russian Galicia and Mazepists]. Moscow: Imperskaya traditsiya. pp. 209-511.

Denikin, A.I. (2002) *Ocherki russkoy smuty* [Essays on Russian turmoil]. Vol. 1. Minsk: Kharvest.

Shatsillo, K.F. (ed.) (1991) *Dnevniky imperatora Nikolaya II. 1868–1918* [Diaries of Emperor Nicholas II. 1868–1918]. Moscow: Orbita.

Kabuzan, V.M. (2006) *Ukraintsy v mire: dinamika chislennosti i rasseleniya. 20-e gody XVIII veka – 1989 god. Formirovanie etnicheskikh i politicheskikh granits ukrainskogo etnosa* [The Ukrainians in the World: Dynamics of population and migration. The twentieth of the 18th century – 1989. Formation of Ethnic and Political Boundaries of the Ukrainian Ethnos]. Moscow: Nauka.

Kravkov, V.P. (2014) *Velikaya voyna bez retushi. Zapiski korpusnogo vracha* [The Great War without Retouching. Notes of a Corps Doctor]. Moscow: Veche.

Kersnovskiy, A.A. (1994) *Istoriya russkoy armii. V 4 t.* [The History of the Russian Army. In 4 vols.]. Vol. 4. Moscow: Golos.

Kublitskiy-Piottukh, V.L. (1916) *Zverstva protivnika v ocherkakh i fotograficheskikh dokumentakh* [The atrocities of the enemy in the essays and photographic documents]. Petrograd: The Skobelev Committee for the Wounded.

Mikhutina, I.V. (2003) *Ukrainskiy vopros v Rossii (konets XIX – nachalo XX veka)* [The Ukrainian problem in Russia (the late 19th – early 20th centuries)]. Moscow: Lovatera.

Oskin, M.V. (2014) *Istoriya Pervoy mirovoy voyny* [The History of WWI]. Moscow: Veche.

Pashaeva, N.M. (2007) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv.* [Essays on the History of the Russian movement in Galicia in the 19th – 20th centuries]. 2nd ed. Moscow: Imperskaya traditsiya.

Popik, S. (1999) *Ukraintsy v Avstrii 1914–1918. Avstriys'ka politika v ukrains'komu pitanni periodu Velikoï viyni* [The Ukrainians in Austria in 1914–1918. Austrian policy in the Ukrainian problem during the Great War]. Kiïv; Chernivtsi: Zoloti litavri.

Sokolov, L. (n.d.) *L'vov pod russkoy vlast'yu (1914–1915)* [Lvov under Russian rule (1914–1915)]. [Online]. Available from: <http://russlvov.org.ua/2011-05-04-12-20-29/38-2011-05-03-12-28-19/340--16> (Accessed: 2nd May 2016).

Spiridovich, A.I. (1960) *Velikaya voyna i Fevral'skaya revolyutsiya 1914–1917 gg. V 3 kn.* [The Great War and the February Revolution of 1914–1917. In 3 vols.]. Vol. 1. New York: Vseslavyanskoe izdatel'stvo.

Stakhiv, M. (1959) *Zakhidnya Ukraïna: naris derzhavnogo budivnitstva ta zbroynoi i diplomatichnoi oboroni v 1918–1923 rr.* [Western Ukraine: An Essay of State Building and Armed Diplomatic defense in 1918–1923]. Vol. 3. Skrenton: Ukraïns'kiy Robitnichiyy Soyuz.

Sulyak, S.G. (2015a) The Rusins of Bessarabia in the 19th-beginning of the 20th Centuries: the Question of Numbers. *Rusin*. 1. pp. 95-115 (In Russian). DOI 10.17223/18572685/39/7

Sulyak, S.G. (2015b) The Rusin identity (a case study of Galicians' participation in the Civil War). *Rusin*. 4. pp. 107-125 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/9

Trushnovich, A.R. (2004) *Vospominaniya kornilovtza (1914–1934)* [Memories of a Kornilovets (1914–1934)]. Moscow; Frankfurt: Posev. [Online]. Available from: http://militera.lib.ru/memo/russian/trushnovich_ar/index.html (Accessed: 15th April 2016).

Tumilovich, E.V. (2014) “Smelym Bog vladeet”: nastuplenie Yugo-Zapadnogo fronta 1916 g. glazami nizhnego china E.V. Tumilovicha [“God owns the Bold”: The offensive of the Southwestern front in 1916 as seen by the lower rank E.V. Tumilovich]. In: Pakhalyuk, K.A. (ed.) *Pervaya mirovaya: vzglyad iz okopa* [WWI: A View from the Trench]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 29-136.

Shavel'skiy, G.I. (1954) *Vospominaniya poslednego protopresvitera Russkoy armii i flota* [Memories of the last Protopresbyter of the Russian army and navy]. Vol. 1. New York: Publ. named after Chekhov. [Online]. Available from: http://militera.lib.ru/memo/russian/shavel'skiy_gi/index.html (Accessed: 15th April 2016).

Austria. (1912) *Die Ergebnisse der Volkszählung vom 31. Dezember 1910 in den im Reichsrat vertretenen Königreichen und Ländern* [The results of the census of December 31, 1910, in the Kingdoms and Countries represented in the Reichsrat]. Vienna: Gerold in Komm..

Kuk-wehrmacht.de. (n.d.) *Nationalismus im österreichischen Berufs-Offizierkorps in der Zeit von 1848/49 bis 1914* [Nationalism in the Austrian professional officer corps from 1848/49 to 1914]. [Online]. Available from: <http://www.kuk-wehrmacht.de/national.htm> (Accessed: 2nd May 2016).

Pulzer, P.G.J. (2004) *Die Entstehung des politischen Antisemitismus in Deutschland und Österreich 1867 bis 1914* [The Rise of Political Antisemitism in Germany and Austria from 1867 to 1914]. Göttingen: Verlag Vandenhoeck & Ruprecht.

Vocelka, K. (2002) *Demographische und soziale Entwicklung in Österreich bzw. der Habsbur-germonarchie vom Mittelalter bis in die Gegenwart* [Demographic and social development in Austria or Habsbur-germonarchie from the Middle Ages to the present day]. Lecture 9, 10th June 2002. [Online]. Available from: http://www.univie.ac.at/igl.geschichte/vocelka/SS2002/vo_ss2002_1006.htm (Accessed: 2nd May 2016).

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Томского государственного университета (Россия), президент Общественной ассоциации «Русь» (Кишинев, Молдавия).

Sulyak Sergey – Tomsk State University (Russia), Association «Rus'» (Moldova).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 94(100)"1914/1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/44/7

ПОЧЕМУ НЕ СОСТОЯЛАСЬ ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ НА БОСФОРЕ?

П.М. Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107

E-mail: p_shornikov@km.ru

Авторское резюме

Даже в годы Первой мировой войны, когда Англия и Россия являлись союзницами, правительство Британской империи проводило политику «сдерживания» России. Действительной целью Дарданелльской операции союзников было предотвращение захвата зоны проливов Россией. Летом 1915 г. ведущую роль в предотвращении десантной операции русских войск и Черноморского флота на Босфоре сыграла дипломатия Великобритании. В 1916 г. англо-французская дипломатия предотвратила осуществление этой операции под предлогом переговоров о вступлении в войну Румынии. Разгром войсками Германского блока румынской армии вынудил русское командование использовать для спасения румынской государственности войска, предназначенные для проведения Босфорской операции. Стремление предотвратить установление контроля России над проливами было одним из факторов участия британской дипломатии и секретных служб в свержении монархии в России. Осуществление десантной операции на Босфоре в 1917 г. сорвала Февральская революция. Возможность принудить Османскую империю к миру и сократить продолжительность Мировой войны была упущена.

Ключевые слова: Дарданелльская операция, Босфорская операция, Колчак, вступление Румынии в Первую мировую войну.

WHY DIDN'T THE LANDING OPERATION TAKE PLACE ON THE BOSPHORUS?

P.M. Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107, October 25 str., Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova
E-mail: p_shornikov@km.ru

Abstract

Even during WWI when Britain and Russia were allies the Government of the British Empire pursued a policy of "containment" of Russia. Actually the Dardanelles Campaign of the Allies was to prevent the capture of the Strait by Russia. In the summer of 1915 British diplomacy played a leading role in preventing the landing of Russian troops and the Russian Black Sea Fleet in the Bosphorus. In 1916 Anglo-French diplomacy prevented such an operation under the pretext of negotiations about the entry of Rumania into the war. The defeat of the Rumanian Army by the army of the German Block forced the Russian commanders to use its troops, which were intended to conduct the Bosphorus Operation, to rescue Rumanian Statehood. The desire to prevent Russian control over the Strait was one factor in the involvement of British diplomacy and secret services in the overthrow of the monarchy in Russia. Implementation of the Landing Operation on the Bosphorus in 1917 was foiled by the February Revolution. The ability to force the Ottoman Empire to peace and end the world war was missed.

Keywords: Dardanelles Operation, Bosphorus Operation, Kolchak, Entry of Rumania into WWI.

29 октября 1914 г. турецкий флот под необоснованным предлогом подверг бомбардировке Одессу, Севастополь, Феодосию и Новороссийск. В тот же день Россия объявила Османской империи войну. Странам Антанты представлялось возможным вывести ее из войны, захватив ее столицу Константинополь и зону проливов Босфор и Дарданеллы. Однако правящие круги Великобритании, намереваясь контролировать выход русского флота из Черного моря в Средиземное, относили проливы к сфере своих жизненных интересов, куда они никого пускать не хотели. По вопросу о проливах разгорелась дипломатическая и вооруженная борьба. Наиболее трагическим ее эпизодом стал провал высадки англо-французских войск на полуострове Галлиполи, вошедшей в историю как Дарданелльская операция. Почему атака на проливы со стороны Эгейского моря была

предпринята союзниками по Антанте без одновременной атаки на зону проливов сил Черноморского флота и армии России? Почему так и не состоялась десантная операция русских войск на Босфоре?

Для России проблема проливов возникла в царствование Екатерины II. Согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному договору от 10 июля 1774 г. российские купеческие корабли получили право свободного прохода через Босфор и Дарданеллы. Однако при каждом ухудшении отношений между Россией и Турцией эта торговая коммуникация оказывалась под угрозой. Черное море оставалось открытым для иностранных флотов, и России приходилось содержать на южной границе крепости с гарнизонами. В XIX в. через проливы также шел поток оружия, которым Англия и другие противники России снабжали горские племена Кавказа. В 1881–1883 гг. флигель-адъютант, капитан 1-го ранга С.О. Макаров (будущий адмирал) и полковник Генерального штаба В.У. Соллогуб, совершив рекогносцировочное плавание по проливам, представили планы десантной операции по захвату Константинополя (Кондратенко).

В годы Первой мировой войны завоевание проливов официальный Петроград рассматривал как способ принуждения Османской империи к миру, ключ к победе над Германским блоком и территориальное приобретение, необходимое России для обеспечения безопасности Черноморского побережья и русской торговли на юге. Уже в Высочайшем манифесте по случаю нападения Османской империи на Россию 2 ноября 1914 г. Николай II отметил: «Вместе со всем народом русским мы непреклонно верим, что нынешнее безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для нее ход событий и откроет для России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря».

Уже 24 ноября 1914 г. старший лейтенант Левицкий подал в Главный штаб ВМФ свой проект, который назывался «Записка по вопросу об организации десантной операции для завоевания проливов». В ней говорилось: «России в ближайшем будущем предстоит, надо надеяться, окончательно разрешить в свою пользу давно назревший вопрос о проливах. Задача эта может быть решена при дружном сотрудничестве флота и армии. Если в настоящий момент главная роль по подготовке решения вопроса принадлежит флоту, тогда как армия, до полного нашего господства на море и до выяснения обстановки на Западном фронте, не имеет возможности приложить к этому делу все свои силы, то взамен этого, когда господство на Черном море будет всецело в наших руках, главную роль будут разделять армия и флот, причем более сложная задача ляжет на первую, именно выполнение самой десантной операции» (Мультатули).

Однако германское командование уже в начале Первой мировой войны передало в распоряжение Османской империи крейсеры «Гебен» и «Бреслау», обеспечив туркам дополнительные возможности в деле обороны зоны проливов. Анализ действий британского флота в Средиземном море 1–10 августа 1914 г. дал основания для возникновения в российском Генштабе версии о том, что прорыв германских крейсеров в Мраморное море был устроен английскими адмиралами, выполнявшими негласное указание британского МИДа. «Гебен» и «Бреслау» должны были якобы так усилить мощь турецкого военного флота, что последний превратился бы в фактор сдерживания аппетитов Российской империи в отношении Дарданелл и Константинополя (Триумфальный побег).

Эта цель – если она действительно существовала – была Лондоном достигнута. По этой причине, а также потому, что подготовка десантной операции больших масштабов требовала времени, а переброска по Черному морю в период зимних бурь больших масс войск не имела прецедентов, в конце 1914 г. вопрос о высадке десанта на Босфоре русским командованием, видимо, не рассматривался. Однако вопрос о проливах обсуждали дипломаты стран Антанты. 21 ноября 1914 г. в беседе с послом Франции в Петрограде Морисом Палеологом царь дал понять, что целью России в Мировой войне является воссоздание суверенной Польши, Чехии и, возможно, Армянского государства. Далее Николай II высказал мнение: «Я должен буду обеспечить моей империи свободный выход через проливы. <...> Турки должны быть изгнаны из Европы; <...> Константинополь должен отныне стать нейтральным городом, под международным управлением. <...> Северная Фракия до линии Энос – Мидия была бы присоединена к Болгарии. Остальное от линии до берега моря было бы отдано России». Западной границей Турции, полагал император, должны были стать Мраморное море и Дарданеллы. Аннексия Галиции и северной части Буковины, отметил он далее, позволит России достигнуть «своих естественных пределов – Карпат» (Палеолог 1991: 129). О том, что русские люди, русины, проживают также внутри Карпатской дуги, Николай II, видимо, не знал.

Британскую империю не устраивало любое усиление России, но в первую очередь – перспектива установления российского контроля над проливами. По инициативе первого лорда Адмиралтейства Уинстона Черчилля 19 февраля 1915 г. в условиях крайней спешки была начата Дарданелльская операция. Англия и Франция задействовали свои флоты и огромные людские ресурсы: англичане – 490 тыс. солдат и офицеров, французы – 120 тыс. Однако зависимость победы от обладания проливами понимали как союзники, так и немцы.

Германский адмирал фон Тирпиц писал: «У Дарданелл происходит борьба... Если Дарданеллы падут, то война для нас проиграна...». Французский капитан 1-го ранга Клод Фарер отметил то же самое: «Если бы проливы были бы открыты, Гинденбург был бы побежден в Польше и пал бы немецкий фронт во Франции... сообщение между Средиземным и Черным морями было бы восстановлено. Русская армия была бы обильно снабжена военным снаряжением, а наша армия была бы подкреплена русскими полками. Турция была бы принуждена капитулировать, и война была бы закончена» (Мультатули). Турецкая армия также задействовала максимум имеющихся сил, она получила германскую помощь, и бои приняли затяжной характер.

Российскому руководству действительные намерения союзников были понятны. Русский посол в Париже А.П. Извольский уведомил Петроград в том, что можно не сомневаться: главной целью англо-французского командования в Дарданелльской операции было не допустить Россию к господству в этой части земного шара, хотя официально, уже задним числом, союзники объясняли ее необходимость «установлением прочной связи с Россией». Император Николай II, обеспокоенный таким поворотом событий, распорядился начать немедленно подготовку к Босфорской операции. Уже 19 февраля 1915 г. он приказал великому князю Николаю Николаевичу «предпринять операцию в целях захвата Босфора» (Мультатули).

Нежелание союзников считаться с интересами России вызвало в правящих кругах страны сомнения в целесообразности ее участия в войне. 3 марта 1915 г. Николай II заявил французскому послу: «Я не признаю за собой права навлекать на мой народ ужасные жертвы нынешней войны, не давая ему в награду осуществление его вековой мечты. Поэтому мое решение принято, господин посол. Я радикально разрешу проблему Константинополя и проливов» (Палеолог 1991: 171). Русский посол в Сербии князь Трубецкой писал 9 марта 1915 г. министру С.Д. Сазонову: «Проливы должны принадлежать нам. Если мы сможем получить их от Франции и Британии, борясь с Германией, тем лучше; если нет, будет лучше получить их в союзе с Германией против всех остальных. Если мы потерпим поражение в этом вопросе, вся Россия спросит нас, за что наши братья проливают кровь». Император потребовал от союзников прямого ответа: «Дают ли они определенное согласие на включение Константинополя в состав Российской империи в случае победы?» (Мультатули).

Переориентация России на Германский блок вряд ли была возможна по внутривнутриполитическим причинам. «Заклечь мир теперь – несколько позднее, в июне 1915 г., – сказал французскому послу Николай II, – это значит одновременно бесчестие и революция»

(Палеолог 1991: 181). Однако союзники знали о существовании в правящих кругах России «германской партии», и цель демарша была достигнута. Опасения по поводу дальнейшего участия России в войне и неудачный для британцев и французов ход боев на полуострове Галлиполи побудили Лондон к модификации своей позиции в вопросе о проливах. Один из главных провокаторов Мировой войны министр иностранных дел Великобритании Эдуард Грей полагал, что требование России следует удовлетворить. Если Англия не поддержит в вопросе о проливах Россию, доказывал он, то ее поддержит Германия, и тогда сепаратный мир между ними неизбежен. Такой оборот событий грозил Франции и Англии поражением в войне. Грея поддержал премьер-министр Ллойд Джордж, который полагал, что за согласие англичан на аннексию Константинополя и проливов русские будут готовы пойти на уступки в других вопросах: «Русские настолько стремятся овладеть Константинополем, что будут щедры в отношении уступок во всех прочих местах» (Дипломатический словарь).

Англо-франко-русское соглашение, которым было предусмотрено согласие Великобритании и Франции (после победы над Центральными державами) на присоединение к Российской империи Константинополя, проливов Босфор и Дарданеллы, а также примыкающих к ним районов европейской и азиатской части Османской империи, было оформлено 22 марта 1915 г. памятной запиской российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова на имя британского посла в Петрограде Дж. Бьюкенена и французского посла М.Ж. Палеолога от 4 марта 1915 г.; памятной запиской Бьюкенена Сазонову – от 12 марта 1915 г.; памятной запиской Сазонова Бьюкенену – от 22 марта 1915 г.; вербальной нотой французского посольства в Петрограде Министерству иностранных дел России – от 10 апреля 1915 г. (Политология). Однако собирался ли Лондон выполнять условия соглашения?

Ставка У. Черчилля на захват зоны проливов союзниками без участия русских оставалась в силе. О желательности высадки русских на Босфоре англичане и французы в соглашении не упомянули, Россия лишь обязалась вместе с Англией и Францией довести войну до победного конца. Лето 1915 г. вошло в историю как время Великого отступления русской армии. Используя ошибки русского командования и превосходство в вооружении, особенно артиллерийском, германо-австрийские войска вытеснили ее из Польши. «Противник, – отмечал генерал А.А. Брусилов, – занял чуть ли не четверть Европейской России, захватил около двух миллионов пленных, несколько крепостей и неисчислимый военный материал разного рода» (Брусилов 2012: 169, 187). К концу 1915 г. русская кадровая армия с хорошо обучен-

ным офицерским составом, которая начинала войну, большей частью погибла (Айрапетов 2004: 33). Тем не менее ставка активизировала действия Черноморского флота; войска, необходимые для высадки на Босфоре, были подготовлены.

Однако в России у Черчилля нашлись влиятельные союзники. Либеральная оппозиция опасалась победы России в войне, поскольку победа упрочила бы положение царского правительства и исключила бы в обозримом будущем реализацию мечты думских либералов о формировании своего правительства (Айрапетов 2016: 32). С лидерами думцев поддерживал тесные связи французский посол: «Среда, 15 сентября 1914 года. Сегодня вечером я обедаю в частном доме с Максимом Ковалевским, Милюковым, Маклаковым, Шингаревым; это – Генеральный штаб и цвет либеральной партии».

Летом 1915 г. Палеолог уже обсуждал с российскими политиками перспективы «революции» (Палеолог 1991: 199, 216). Связанный с оппозиционерами Верховный главнокомандующий российской армии великий князь Николай Николаевич и его штаб считали проведение десантной операции на Босфоре нецелесообразным в принципе. «Весьма показательным в этом отношении, – вспоминал адмирал А.Д. Бубнов, – является нижеследующий случай: однажды, в начале войны, за завтраком в вагоне-ресторане у великого князя Николая Николаевича, мой сослуживец В.В. Яковлев и я, сидя за одним столом с генерал-квартирмейстером генералом Ю.Н. Даниловым, завели с ним разговор о решении вопроса о проливах, на что он нам ответил: “Об этом поговорим позже, когда будем на реке Одере – иными словами, после победы над Германией”» (Мультатули). Решение императора о высадке на Босфоре десанта главнокомандующий по существу саботировал. О возможных мотивах такой позиции Николая Николаевича можно судить по фактам: он с пиететом относился к Франции и Англии, подчинял операции русской армии пожеланиям союзников, а в феврале 1917 г. оказался среди деятелей, требовавших от Николая II отречения от власти (Из Франции).

Отказ русского командования от проведения десантной операции на Босфоре, полагал автор четырехтомного труда «История русской армии» А.А. Керсновский, был ошибкой стратегического масштаба: «Величайший грех был совершен весною 1915 года, когда ставка отказалась от овладения Константинополем, предпочитая ему Дрыщув и погубив без всякой пользы десантные войска на Сане и Днестре. Вывод из строя Турции предотвратил бы удушение России. Овладение Царьградом свело бы на нет ту деморализацию, которая охватила все слои общества к осени, как следствие катастрофического, непродуманного и неорганизованного отступления, проведенного

ставкой под знаком "Ни шагу назад!". Один лишь император Николай Александрович чувствовал стратегию. Он знал, что великодержавные интересы России не удовлетворит ни взятие какого-либо "посада Дрыщува", ни удержание какой-нибудь "высоты 661". Ключ к выигрышу войны находился на Босфоре. Государь настаивал на спасительной для России десантной операции, но добровольно уступив свою власть над армией слепорожденным военачальникам, не был ими понят» (Керсновский 1994b: 180, 181).

Николай II попытался исправить свою ошибку. В августе 1915 г. он принял верховное главнокомандование и сменил штаб Верховного главнокомандующего. Однако летнее время, по погодным условиям благоприятное для проведения десантной операции, было упущено. Стремление Лондона и Парижа уклониться от выполнения соглашения о проливах возымело следствия, для Антанты трагические. Турецким войскам удалось перемолоть силы десанта. Британцы и французы потеряли убитыми 74 635 бойцов, ранеными – 174 634. Эвакуацию остатков своих войск с Галлиполийского полуострова союзники завершили 9 января 1916 г. Весьма значительными оказались и турецкие потери – 180 тыс. убитых и раненых. Однако турки были вправе торжествовать: англо-французское вторжение в зону проливов они отбили, а в турецком обществе и армии был развеян миф о военном превосходстве европейских противников. Во многом благодаря этому успеху Турции и Германии вступила в войну на их стороне Болгария (Дарданелльская операция).

«Роковая ошибка стратегии, – отказ от овладения Царьградом, – заключил А.А. Керсновский, – повлекла неудачу Дарданелльской экспедиции англичан, проведенной нашими союзниками с исключительной бездарностью. Галлиполи и Горлица имели последствием падение престижа Согласия на Балканах. Румыния и Греция отвернулись от нас, а Болгария, с лета 1915 года вовлеченная в орбиту Германии, нашла момент удобным для сведения счетов с Сербией и 28 сентября набросилась на нее. Одновременно на Сербию обрушилась переброшенная с русского фронта XI германская армия, подкреплённая VI австро-венгерской армией» (Керсновский 1994а: 315). Сербия, отказавшаяся возвратить Болгарии Македонию, захваченную в ходе Второй Балканской войны, была оккупирована войсками Германского блока. 21 февраля 1916 г. на Западном фронте началось сражение под Верденом. Оно имело колоссальное значение для исхода войны: в случае захвата немцами Парижа Франция вышла бы из войны, и вся мощь Германской империи была бы обрушена на Россию (Айрапетов 2016: 33, 34).

Весной и летом 1916 г. на Западном фронте продолжалась «Верденская мясорубка», в мае итальянцы потерпели тяжелое поражение

от австро-венгерских войск в Трентино, но на Кавказском фронте и Черном море русские войска и флот добились успехов. Турецкие дивизии, высвободившиеся после окончания сражения в Дарданеллах, были обескровлены в боях с русскими. Уже 5(18) апреля 1916 г. была проведена своего рода репетиция высадки на Босфоре: в момент наступления войск под командованием генерала Н.Н. Юденича высаженный с моря русский десант занял в тылу у турок порт Трапезунд (Трапезундская операция). С начала войны до середины 1916 г. Черноморский флот потопил свыше 60 транспортов и 3 000 парусников противника, уничтожил несколько боевых кораблей, серьезные повреждения были нанесены трем крейсерам, в том числе «Гебену» и «Бреслау». Кроме Трапезунда, в 1916 г. флот обеспечил высадку десантов силой до двух батальонов еще в трех районах Черноморского побережья Малой Азии, перевез в апреле–мае того же года из Новороссийска и Мариуполя на побережье Лазистана около 5 тысяч солдат и офицеров с вооружением и снаряжением (Айрапетов 2004: 15). Таким образом, десант на Босфоре отнюдь не выглядел авантюрой с неизвестным финалом.

Летом 1916 г., показал впоследствии адмирал А.В. Колчак, он как командующий Черноморским флотом был вызван в Могилев, где находилась ставка. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев возложил на него задачу подготовить флот для проведения десантной операции на Босфоре. Босфорская операция, продолжал Колчак, должна была начаться после вступления Румынии в войну на стороне Антанты. Русские войска должны были продвинуться вдоль западного побережья Черного моря и занять зону проливов. Черноморский флот должен был содействовать успеху сухопутной операции высадкой десантов, огнем артиллерии, захватом Босфора и, наконец, ударом по Константинополю. М.В. Алексеев около двух часов разговаривал с Колчаком, а затем сказал, что «окончательные руководящие указания ему даст сам государь, который сейчас совершает свою обычную прогулку на автомобиле <...> Затем, после выяснения всех вопросов, я явился к государю. Он меня принял в саду и очень долго, около часу, меня также инструктировал относительно положения вещей на фронте, главным образом, в связи с выступлением Румынии, которая его чрезвычайно заботила, ввиду того что Румыния, по-видимому, не вполне готова, чтобы начать военные действия, и ее выступление не может дать положительных результатов. Я спросил относительно босфорской операции. Он сказал, что сейчас говорить об этом трудно, но мы должны готовиться к ней и разрабатывать два варианта: будущий фронт, наступающий на западном берегу, и самостоятельная операция на Босфоре, пере-

возка десанта и выброска его на Босфор. Тут еще было прибавлено государем: “Я совершенно не сочувствую при настоящем положении выступлению Румынии, я боюсь, что это будет невыгодное предприятие, которое только удлинит наш фронт, но на этом настаивает французское союзное командование: они требуют, чтобы Румыния во что бы то ни стало выступила, они послали в Румынию специальную миссию, боевые боеприпасы, и приходится уступать давлению союзного командования”» (Архив 1923: 201, 202).

Слабость румынской армии не могла быть секретом и для правительств Англии и Франции, поэтому объяснить позицию союзников военными соображениями не представляется возможным. Тем не менее по их настоянию начало Босфорской операции русское командование увязало со вступлением в войну Румынии. Командование Черноморского флота спланировало десантную операцию по захвату Босфора, проект был направлен на одобрение в ставку, где получил полную поддержку; не нашлось возражений даже у генерала М.В.Алексеева. Общее командование войсками, задействованными в операции, было поручено вице-адмиралу А.В. Колчаку. Черноморский флот пополняли средствами доставки десанта. Уже к весне 1916 г. завод «Руссуд» в Николаеве поставил флоту около 50 самоходных десантных барж, рассчитанных на перевозку батальона пехоты или двух батарей полевой артиллерии. Флот получил около 30 мелкоосидящих судов для погрузки и высадки войск, кроме того, в Николаеве были заказаны специальные десантные боты (Айрапетов 2004: 18).

Российская армия сумела использовать зимне-весеннее затишье на фронте для перевооружения войск и обучения пополнений. Летом 1916 г. был осуществлен Брусиловский прорыв, и австро-венгерские войска в Галиции разгромлены. «В общем, – подытожил командующий Юго-Западным фронтом генерал А.А. Брусилов, – с 22 мая по 30 июля вверенными мне армиями было взято 8 255 офицеров, 370 153 солдата, 496 орудий, 144 пулемета и 367 бомбометов и минометов, около 400 зарядных ящиков, около 100 прожекторов и громадное количество винтовок, патронов, снарядов и разной другой военной добычи» (Брусилов 2012: 187). Однако, отметил полководец далее, силами одного фронта выиграть войну было невозможно. Успех Юго-Западного фронта следовало развить захватом зоны проливов. Русская армия и Черноморский флот были готовы осуществить десантную операцию. Но решение начать ее только после вступления в войну Румынии, чего и опасался Николай II, оказалось ошибочным. Бухарест объявил странам Германского блока войну только 27 августа 1916 г.; летние месяцы были для проведения Босфорской операции вновь упущены.

Хуже того, румынская армия, вопреки военной целесообразности брошенная в наступление на Трансильванию, была разгромлена австро-германскими войсками. Румынский главнокомандующий М. Аслан бежал, бросив свои войска на произвол судьбы. 16 ноября 1916 г., в момент контрнаступления румынских войск под Бухарестом, «по слабости нервов», никого не предупредив, бежал и командующий ударной группы генерал Ал. Сочек. Из 120 000 оборонявших столицу румынских солдат и офицеров 25 000 были убиты, а 65 000 попали в плен, 20 ноября Бухарест пал. Представитель французского командования генерал Жанен определил сложившееся положение как почти полный разгром румынской армии. Русское командование было вынуждено перебросить в Румынию 36 пехотных и 13 конных дивизий, до 500 000 бойцов, в том числе два армейских корпуса, подготовленных для высадки на Босфоре; были задействованы также транспортные суда, предназначенные для Босфорской операции (Керсновский 1994b: 101–105, 108).

Русские корпуса генерала от кавалерии Ф.А. Келлера и генерала от артиллерии Э.С. Хана Алиева прикрыли отход румын и стабилизировали Румынский фронт, однако думать теперь о наступлении на Константинополь из Добруджи через Болгарию не приходилось. «Быстрая и сокрушительная победа над Румынией и завоевание этой страны с ее огромными нефтяными запасами, – обоснованно подвел итог А.А. Керсновский, – вновь вселили бодрость в народы Центральной коалиции, подняли ее престиж в мировой политике и дали твердую почву Германии для предложения уже в декабре 1916 года мирных условий тоном победительницы» (Керсновский 1994b: 104, 109).

На Баренцевом море строились порт Романов-на-Мурмане и железная дорога к нему, но армия требовала незамедлительных поставок вооружений, поэтому идея о высадке на Босфоре десанта с моря оставлена не была. Важную роль в предстоящей операции должен был сыграть линкор «Императрица Мария», не уступавший по водоизмещению и вооружению «Гебену» и «Бреслау». Однако 7 октября 1916 г., когда линкор находился в порту Севастополя, на его борту вспыхнул пожар. Погибли 152 моряка. Опасаясь, что пламя перебросится на пороховые склады порта, командование флота приказало линкор затопить. В народе заговорили о диверсии и – без всяких на то оснований – о бунте на корабле. Однако 30 ноября 1916 г. в строй был введен дредноут «Императрица Екатерина II», и превосходство русского флота на Черном море было восстановлено. Вице-адмирал Колчак активизировал действия русских кораблей у Босфора. К концу 1916 г. германо-турецкий флот на Черном море был практически парализован. Немцы потеряли три подводные лодки,

две из них подорвались на русских минных заграждениях у Варны, «Гебен» и «Бреслау» находились на капитальном ремонте, остальные корабли не выходили в море из-за нехватки угля. В Черном море, заключил Колчак, «наступило совершенно спокойное положение, которое дало возможность уже употребить все силы на подготовку большой босфорской операции» (Архив 1923: 204).

11(24) декабря 1916 г. Николай II подписал приказ о формировании Черноморской морской дивизии для десантов в тыл войск противника. «По плану этой босфорской операции, – рассказал А.В. Колчак далее, – в мое непосредственное распоряжение поступила одна сухопутная часть, дивизия ударного типа, кадр которой мне был прислан с фронта и командиром ее был назначен один из лучших офицеров Генерального штаба – ген. Свечин; начальником штаба был назначен полковник Генерального штаба Верховский. Эта дивизия готовилась под моим непосредственным наблюдением и должна была быть выброшена первым десантом на неприятельский берег для того, чтобы сразу на нем обосноваться и обеспечить место высадки для следующих войск, которые должны были идти за ними» (Архив 1923: 203, 204).

Однако ряды противников Босфорской операции пополнялись. Свою позицию изменил генерал М.В. Алексеев. До разгрома Германии, заявил он, резервов для подобной экспедиции у него нет. Ссылки на опыт десантных операций весны 1916 г. генерал отверг: десант в 2–3 батальона нельзя приводить в пример переброски армии в 200–250 тыс. человек; планируемую Босфорскую экспедицию, полагал он, нельзя сравнивать и с Галлиполийской операцией союзников. База англо-французов находилась на острове Мудрос, всего в 30 милях от Галлиполийского полуострова, «тогда как Вифинейский полуостров отстоит от Севастополя на 230 миль». Даже переброска в несколько рейсов 9 дивизий (приблизительно 130 тыс. человек), добавил управляющий дипломатической канцелярией при ставке Н.А. Базили, при соответственной мобилизации транспортных средств вызвала бы полную остановку всяких перевозок на Черном море, не связанных с Босфорской операцией (Алексеев, Базили). У турок в зоне проливов имелось всего три дивизии, состояние железных дорог исключало переброску существенных подкреплений в двухнедельный срок, и А.В. Колчак полагал, что для захвата Босфора с высадкой десанта на европейском и азиатском берегах пролива потребуются только пять дивизий (Айрапетов 2004: 18). Разногласия по вопросу об операции в проливах имели скорее политический подтекст: к этому времени Алексеев и Базили были причастны к заговору, имевшему целью свержение Николая II. В «работе» по

предотвращению высадки десанта на Босфоре участвовал и российский министр иностранных дел С.Д. Сазонов. По его настояниям русские войска были вынуждены проводить операции стратегически ненужные, но требуемые англичанами (Керсновский 1994b: 140, 141).

У войны, справедливо утверждает историк О. Айрапетов, должна быть цель. Для Николая II главная цель дальнейшего участия России в мировой войне заключалась в том, чтобы не допустить окончательной дискредитации императорского правительства (Айрапетов 2016: 30, 31). Но ради чего надлежало воевать его подданным? Уже манифестом от 16 августа 1914 г. император обещал автономию Польше. К концу 1916 г. территориальные притязания России сводились к аннексии населенных русинами областей Австро-Венгерской империи и зоны проливов; из русской, австрийской и германской частей Польши Николай II был намерен создать независимое польское государство. Могла ли перспектива столь малых приобретений и значительных территориальных утрат мотивировать русскую армию на продолжение войны? Видимо, не задумываясь об этом, царь предал свои намерения гласности.

«1-го декабря 1916 года, – вспоминал дворцовый комендант В.Н. Воейков, – государь император обратился к армии и флоту с приказом, которым подтвердил намерение бороться до восстановления этнографических границ, достижения обладания Царьградом и создания свободной Польши из трех ее частей.

Таким образом, были обнародованы находившиеся до тех пор в руках дипломатов переговоры о присоединении, по окончании войны, к России Константинополя и проливов. Англия воленс-ноленс подписала это соглашение; но, так как вопрос о Константинополе и проливах составлял ее больное место, она усилила поддержку русских революционных деятелей через своего посла, почетного гражданина первопрестольной столицы России – сэра Дж. Бьюкенена» (Мультатули).

Союзники пытались влиять на состав правительства России. Уже в первый год войны они добились смещения ряда государственных деятелей, в которых усматривали «орудие пацифистской и германофильской партии»: обер-прокурора Святейшего синода В.К. Саблера, министра внутренних дел Н.А. Маклакова, военного министра В.А. Сухомлинова, министра юстиции И.Г. Щегловитова. Среди членов правительства, с удовлетворением отметил 18 июля 1915 г. М. Палеолог, «не осталось ни одного, кто бы не являлся сторонником союза и решительного продолжения войны» (Палеолог 1991: 190). В июле 1916 г. накануне отставки министра иностранных дел С.Д. Сазонова английский посол Бьюкенен направил Николаю II письмо с возражениями против нее, что само по себе было неслыханно (Мультатули).

В ночь на 17 (30) декабря 1916 г. агент британской разведки Освальд Рейнер принял участие в убийстве политически влиятельного «старца» Григория Распутина (Телицын 2013: 106–108). Г.Е. Распутин был повинен в том, что решительно высказывался в пользу выхода России из войны, заключения мира с Германией, отказа от прав на Польшу и Прибалтику, а также против русско-британского альянса. Кто еще мог настаивать на проведении Босфорской операции, неугодной союзникам?

Однако открытие в январе 1917 г. движения по железной дороге, связавшей порт Романов с Петроградом, не снимало проблемы связей России с союзниками. Порт ежедневно был готов принять 1 500 тонн груза, а железная дорога обеспечивала вывоз только 200 тонн, и захват зоны проливов оставался военной необходимостью. Николай II не доверял обещаниям союзников передать России контроль над проливами после окончания войны. Мнение императора разделяли дипломаты.

21 февраля (6 марта) 1917 г., в день окончания работы Петроградской союзнической конференции, последний министр иностранных дел царского правительства Н.Н. Покровский подал всеподданнейшую записку, в которой отстаивал идею захвата Босфора до окончания войны, чтобы избежать угрозы невыполнения союзниками обязательств по передаче проливов России.

По мнению «знающих лиц», отмечал министр, для проведения операции было необходимо 200–250 тысяч человек, а русские армия и флот были готовы к десанту лучше, чем когда-либо в эту войну. Оспаривая аргументы заговорщиков, добивавшихся отказа от проведения Босфорской операции, Покровский сослался на удачное занятие Трапезунда русским десантом в апреле 1916 г. во время наступления войск генерала Н.Н. Юденича на этот город. Но Февральская революция положила конец планам о проведении десантной операции на Босфоре (Мультатули).

В годы Первой мировой войны установление контроля стран Антанты над зоной проливов Босфор и Дарданеллы позволяло принудить Османскую империю к миру, на годы сократить продолжительность войны и потери воюющих сторон. Однако правительство Британской империи в ущерб общим интересам ведения войны проводило политику «сдерживания» России. Действительной целью Дарданелльской операции союзников являлось предотвращение установления контроля России над черноморскими проливами. Дипломатия Великобритании сыграла активную роль в предотвращении десантной операции русских войск и Черноморского флота на Босфоре летом 1915 г. В 1916 г. англо-французская дипломатия также предотврати-

ла осуществление этой операции, увязав ее начало с вступлением в войну Румынии. Разгром румынской армии войсками Германского блока вынудил русское командование использовать для спасения румынской государственности соединения, предназначенные для проведения Босфорской операции. Стремление предотвратить аннексию зоны проливов Россией было одним из факторов участия британской дипломатии в свержении Николая II. Осуществление десантной операции на Босфоре в 1917 г. сорвала Февральская революция. Допустив вмешательство союзников в ведение войны империей, в результате чего была, в частности, сорвана Босфорская операция, политический класс России продемонстрировал свою политическую несостоятельность.

ЛИТЕРАТУРА

Айрапетов 2004 - *Айрапетов О.* Колчак у ворот Цареграда. Планы десанта на Босфор в 1917 году // Родина. 2004. № 9.

Айрапетов 2016 - *Айрапетов О.* У войны должна быть цель. Кто несет ответственность за развязывание Первой мировой войны, какое место занимал в ней Брусиловский прорыв и почему он стал во всех смыслах последним прорывом Российской империи? // Историк. Май. 2016.

Алексеев - Алексеев, Михаил Васильевич. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B5%D0%B2_%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 27.02.2016).

Архив 1923 - Архив Русской Революции. 1-е изд. Berlin: Slowo-Verlag, 1923. Т. X.

Базили - Базили, Николай Александрович. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%BB%D0%B8_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 27.02.2016).

Брусилов 2012 - *Брусилов А.* Мои воспоминания. Харьков: ФОЛИО, 2012.

Дарданелльская операция - Дарданелльская операция. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B0%D1%80%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 28.02.2016).

Дипломатический словарь - Дипломатический словарь. ГРЕЙ, Эдуард, лорд Фаллодон. [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic; <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 27.02.2016).

Из Франции - Из Франции перенесут прах великого князя Николая Николаевича и перезахоронят в Москве. [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2014/12/06/iz_francii_perenesut_prah_velikogo_knyazya_nikolaya_nikolaevicha_i_perezahoronyat_v_chasovne_v_moskve (дата обращения: 27.02.2016).

Керсновский 1994a - Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 3: 1881–1915 гг. М.: ГОЛОС, 1994.

Керсновский 1994b - Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 4: 1915–1917 гг. М.: ГОЛОС, 1994.

Кондратенко - Кондратенко Р.В. Адмирал С.О. Макаров и планы Босфорской операции. [Электронный ресурс]. URL: <http://cruiserx.net/bosfor.htm> (дата обращения: 27.02.2016).

Мультиатули - Мультиатули П.В. Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. URL: <http://monarhiya.narod.ru/multat.htm> (дата обращения: 30.02.2016).

Палеолог 1991 - Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.

Политология - Политология. Словарь. Англо-франко-русское соглашение о проливах. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/360/%D0%90%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%BE> (дата обращения: 27.02.2016).

Телицын 2013 - Телицын В. Секретный Черчилль. Британские спецслужбы в войнах XX века. М.: АЛГОРИТМ, 2013.

Трапезундская операция - Трапезундская операция. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%B0%D0%BF%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%BD%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 27.02.2016).

Триумфальный побег - Триумфальный побег. [Электронный ресурс]. URL: <http://topwar.ru/63441-triumfalnyy-pobeg.htm> (дата обращения: 27.02.2016).

REFERENCES

Ayrapetov, O. (2004) Kolchak u vorot Tsaregrada. Plany desanta na Bosfor v 1917 godu [Kolchak at the gate of Constantinople. Plans for the landing in the Bosphorus in 1917]. *Rodina*. 9.

Ayrapetov, O. (2016) U voyny dolzhna byt' tsel'. Kto neset otvetstvennost' za razvyazyvanie Pervoy mirovoy voyny, kakoe mesto zanimal v ney Brusilovskiy proryv i pochemu on stal vo vseh smyslakh poslednim proryvom Rossiyskoy imperii? [A war should have a goal. Who is responsible for the outbreak of the First World War? What was the role of the Brusilov Offensive and why it was the latest breakthrough of the Russian Empire in every sense?]. *Istori*k. 17.

Wikipedia. (n.d.) *Alekseev, Mikhail Vasil'yevich* [Mikhail Alekseyev]. [Online]. Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B5%D0%B2,%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87> (Accessed: 27th February 2016).

Gessen, I.V. (ed.) (1923) *Arkhiv Russkoy Revolyutsii* [The Archives of the Russian Revolution]. 1st ed. Vol. 1. Berlin: Slowo-Verlag.

Wikipedia. (n.d.) *Bazili, Nikolay Aleksandrovich* [Nikolai Bazili]. [Online]. Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%BB%D0%B8,%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9.%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87> (Accessed: 27th February 2016).

Brusilov, A. (2012) *Moi vospominaniya* [My memories]. Kharkov: FOLIO.

Wikipedia. (n.d.) *Dardanell'skaya operatsiya* [The Dardanelles operation]. [Online]. Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B0%D1%80%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F,%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (Accessed: 27th February 2016).

Dic.academic.ru (n.d.) *Diplomaticheskij slovar'*. Gray, Edward, Lord Fallodon [Diplomatic Dictionary. Gray, Edward, Lord Fallodon]. [Online]. Available from: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic (Accessed: 30th February 2016).

Russkaya narodnaya liniya. (2014) *Iz Frantsii perenesut prakh velikogo knyazya Nikolaya Nikolaevicha i perezahoronyat v Moskve* [The ashes of the Grand Duke Nicholas to be delivered from France and reburied in Moscow]. [Online]. Available from: http://ruskline.ru/news_rl/2014/12/06/iz_francii_perenesut_prah_ve-likogo_knyazya_nikolaya_nikolaevicha_i_perezahoronyat_v_chasovne_v_moskve (Accessed: 27th February 2016).

Kersnovskiy, A.A. (1994a) *Istoriya Russkoy armii. Tom tretiy. 1881–1915 gg.* [History of the Russian army. Vol. 3: 1881–1915]. Moscow: GOLOS.

Kersnovskiy, A.A. (1994b) *Istoriya Russkoy armii. Tom chetvertyy. 1915–1917 gg.* [History of the Russian army. Vol. 4: 1915–1917]. Moscow: GOLOS.

Kondratenko, R.V. (2002) *Admiral S.O. Makarov i plany Bosforskoy operatsii* [Admiral S.O. Makarov and plans for the Bosphorus operation]. [Online]. Available from: <http://cruiserx.net/bosfor.htm> (Accessed: 27th February 2016).

Multatuli, P.V. (2007) *Imperator Nikolay II vo glave deystvuyushchey armii i zagovor generalov* [Emperor Nicholas II at the head of the army and the Generals' Plot]. St. Petersburg: Forum.

Paléologue, M. (1991) *Tsarskaya Rossiya vo vremya mirovoy vojny* [The Tsarist Russia during World War II]. Translated from French. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Dic.academic.ru (n.d.) *Anglo-franko-russkoe soglasenie o prolivakh* [Anglo-

Franco-Russian agreement on the straits]. [Online]. Available from: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology> (Accessed: 27th February 2016).

Telitsyn, V. (2013) *Sekretnyy Cherrhill'. Britanskie spetssluzhby v voynakh XX veka* [The Secret Churchill. British Intelligence Agencies in the Wars of the Twentieth Century]. Moscow: Algoritm.

Wikipedia. (n.d.) *Trapezundskaya operatsiya* [The Trebizond operation]. [Online]. Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%B0%D0%BF%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%BD%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F (Accessed: 27th February 2016).

Topwar.ru. (n.d.) *Triumfal'nyy pobeg* [The Triumphant Escape]. [Online]. Available from: <http://topwar.ru/63441-triumfalnyy-pobeg.htm> (Accessed: 27th February 2016).

Шорников Петр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории факультета общественных наук Приднестровского государственного университета им. Т. Шевченко (Республика Молдова, Приднестровье).

Petr Shornikov – Taras Shevchenko State University of Transnistria (Republic of Moldova, Transnistria).

E-mail: p_shornikov@km.ru

УДК 94(478)“1915/1916”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/44/8

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУХОВЕНСТВА КИШИНЕВСКОЙ ЕПАРХИИ В 1915–1916 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ «КИШИНЕВСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»)

В.А. Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 октября, 107
E-mail: sodol-slav@yandex.ru

Авторское резюме

Рассматривается благотворительная деятельность духовенства Кишиневской епархии на втором и третьем этапах Первой мировой войны. Охарактеризована деятельность Духовного комитета по сбору пожертвований и организации их эффективного расходования. Освещается функционирование Трудового братства, Дамского комитета, Духовного лазарета. Вводятся в оборот статистические данные об оказывавшейся духовенством помощи войскам в действующей армии и гражданскому населению на территории Бессарабии. Особое внимание уделено воссозданию процесса организации приюта-мастерской для увечных воинов и Бессарабского сиротского приюта, характеристике их деятельности по решению актуальных проблем реабилитации инвалидов войны и социализации детей, оставшихся без попечения родителей.

Ключевые слова: Кишиневская епархия, Духовный комитет, Духовный лазарет, Сиротский приют, Трудовое братство, приют-мастерская, Дамский комитет.

PHILANTHROPIC ACTIVITIES OF THE CLERGY OF THE KISHINEV DIOCESE IN 1915–1916 (ACCORDING TO MATERIAL IN THE “KISHINEV DIOCESAN GAZETTE”)

V.A. Sodol

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107, October 25 str., Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova
E-mail: sodol-slav@yandex.ru

Abstract

The article is dedicated to the study of the philanthropic activities of the clergy of the Diocese of Kishinev during the 2nd and 3rd stages of WWI. The activity of the Spiritual Committee for the collection of donations and the organization of the effective distribution is described as well as the function of the Brotherhood of Labor, the Ladies Committee and the Spiritual Lazaret. Statistical data about the help shown to the troops in the army and the civil population on the territory of Bessarabia is put into circulation. Special attention is paid to the reconstruction of the process of the organization of Orphanage-Workshop for the crippled soldiers and the Bessarabian Children's Orphanage, the characteristics of their activities in the decision of solving actual problems of rehabilitation of invalids of the war and the socialization of children who were left without parental care.

Keywords: Diocese of Kishinev, Spiritual, Committee, Spiritual Lazaret, Children's Orphanage, Brotherhood of Labor, Orphanage-Workshop, Ladies Committee, Kishinev Diocesan Gazette/

Проблемы участия России в Первой мировой войне и сейчас, спустя столетие после ее начала, вызывают в обществе и научной среде огромный интерес.

На различных дискуссионных площадках обсуждаются причины вступления Российской империи в войну, степень готовности ее вооруженных сил, стратегические планы противоборствующих сторон, проявления массового и индивидуального героизма военнослужащих и гражданских лиц. Немаловажной составляющей этого глобального конфликта стало и проявление в новых, невиданных ранее масштабах чувства сострадания к своим соотечественникам, испытавшим все тяготы военного времени, получившего выражение в создании

и функционировании многочисленных филантропических организаций и обществ. Не была исключением и Бессарабская губерния Российской империи, духовенство которой с первых же дней войны развернуло активную благотворительную деятельность посредством специально созданных органов и учреждений – Духовного комитета, Духовного лазарета, Трудового братства и др. (Содоль 2014: 30–46).

Считаем необходимым продолжить исследование проблем благотворительной деятельности духовенства епархии во время наиболее драматичных этапов Первой мировой войны, используя для этого материалы официального периодического печатного органа Кишиневской епархии – журнала «Кишиневские епархиальные ведомости» (КЕВ). Следует заметить, что его материалы в интересующий нас хронологический период существенно различаются по своей информативности – в зависимости от того, кто являлся руководителем епархии.

Во время, когда кишиневскую кафедру возглавлял архиепископ Платон (Рождественский) (до 5 декабря 1915 г.), неофициальный отдел КЕВ публиковал разнообразные материалы, максимально подробно освещавшие филантропическую деятельность как самого предстоятеля епархии, так и его подчиненных. В частности, детально освещались заседания Бессарабского духовного комитета (далее – БДК, комитет), принятые им решения, публиковались отчеты не только о приходе денежных средств и вещей на счета и склады комитета, но и подробные сводки о том, на какие цели они расходовались. После назначения на кишиневскую кафедру архиепископа Анастасия (Грибановского) характер публикаций в КЕВ существенно изменился – перестали освещаться статьи расхода поступавших средств и вещей, из сводок о заседаниях БДК фактически исчезли сведения о принятых решениях, что существенно осложняет освещение благотворительной деятельности бессарабского духовенства в 1916 г.

Центральное место в организации и координации распределения благотворительных взносов, полученных от прихожан православных приходов, в 1915–1916 гг. по-прежнему занимал Бессарабский духовный комитет, созданный в 1914 г. Одной из первостепенных задач комитета оставался сбор средств на различные нужды военных и гражданского населения, обусловленные тяготами военного времени. Для этого продолжали использоваться практика самообложения белого и черного духовенства епархии, добровольные пожертвования прихожан. Периодически БДК на страницах КЕВ публиковал отчеты по приходу полученных от жертвователей средств. Например, денежных пожертвований на нужды войны с 14 ноября 1914 г. по 15 января 1915 г. поступило 20 536 руб. 11 коп., с 16 января по 17 апреля – 22 037 руб. 40 коп., а к 19 июня 1915 г. было собрано 171 685 руб. 53 коп.

(КЕВ 36: 15–23; КЕВ 38: 238–254; КЕВ 39: 461–472). За полтора года, прошедших с начала Первой мировой войны, на удовлетворение реализуемых БДК задач было пожертвовано более 200 тыс. руб., причем более половины этой суммы поступило непосредственно от духовенства епархии (КЕВ 55: 1–16; КЕВ 62: 25). С осени 1915 г. Духовным комитетом стал осуществляться сбор пожертвований для беженцев. Так, за период с 14 октября 1915 г. по 20 сентября 1916 г. на эти цели было пожертвовано 2 038 руб. 44 коп. (КЕВ 51: 268–271).

Помимо денег, активно шел процесс сбора пожертвований вещей от прихожан. Например, с 24 ноября 1914 г. по 16 февраля 1915 г. на склад БДК поступило: 9 933 рубахи, 6 491 пара кальсон, 272 фуфайки, 7 354 полотенца, 17 596 аршин полотна, 2 252 пары портянок, 2 747 пар чулок, 1 949 платков, 626 подушек, 65 наволочек, 25 одеял, 96 простынь, 335 ковриков, 192 шапки, 2 596 пар перчаток, 1 598 овечьих и барашковых шкур, 50 пар брюк, 5 бурок, 76 кожухов, 151 жилет, 6 пальто, 9 скатертей, 53 полушубка, 59 пиджаков, 100 аршинов бумази, 77 аршинов сукна, 35 шарфов, 3 фунта чая, 35 пудов 22 фунта табака, 27 фунтов мыла, 8 010 папирос, 12 фунтов корпии, 4 пуда 1 фунт сахара и 1 000 шлемов, общим весом 1 333 пуда 25 фунтов (КЕВ 28: 534). Практика публикации аналогичных отчетов была продолжена и в интересующий нас период времени (КЕВ 37: 442–450; КЕВ 43: 49–60; КЕВ 44: 351–365; КЕВ 45: 395–403; КЕВ 46: 524–532; КЕВ 47: 536–540; КЕВ 48: 1–16; КЕВ 49: 17–32).

В целях привлечения благотворителей к более активным пожертвованиям на нужды войны руководство епархии ввело практику выдачи благословенных грамот от имени епархиального преосвященного за особо щедрые пожертвования, при этом приходские священники стали оглашать имена наиболее щедрых жертвователей в храмах после совершения Божественной литургии в воскресные или праздничные дни, а затем вручать грамоты самим жертвователям (КЕВ 26: 33; КЕВ 28: 532, 533). Например, в мае 1915 г. БДК принял от священника с. Плоп Ф. Каминского денежный дар его прихожанок – жен запасных с преподанием им архипастырского благословения и выдачей им грамоты (КЕВ 14: 576, 577). Спустя месяц «за содействие делу ассигнования волостным сходом 500 р. на сиротский приют» по ходатайству священника с. Ташлык И. Пославского благословенная грамота была выдана ташлыкскому волостному старшине А.А. Георгиеву (КЕВ 15: 667, 668). Затем публично была выражена благодарность А.А. Совостыну и директору Бессарабского училища виноделия, первому – за 20 пудов табака, а второму – за 800 ведер вина, принесенных в дар комитету (КЕВ 17: 791).

Руководством епархии отмечались и особенно трогательные случаи пожертвований. Например, брат с сестрой из м. Ганчешт прислали архиепископу Платону письмо, в котором сообщали о высылке ими «...из своих сбережений от подарков одного рубля для сиротского приюта, – на каковом последовала следующая резолюция владыки: “Сердечно благодарю Лелю и Петю Новацких и призываю на них Божие благословение”» (КЕВ 10: 270).

КЕВ публиковали подробную информацию и о каждом случае трепетного отношения к местным жертвователям со стороны высшего руководства государства, особенно членов императорской фамилии: «...Архиепископ Платон сообщил 26 января 1915 г. обер-прокурору Святейшего синода, что молодежь с. Дивизии, Аккерманского уезда, пожертвовала 104 руб. 76 коп. “колядных” денег в распоряжение его императорского высочества наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича. О сем г. обер-прокурор... представил его императорскому величеству упомянутую жертву молодежи с. Дивизии. На всеподданнейшем докладе г. обер-прокурора по настоящему предмету государю императору, в 26 день текущего февраля, в Царском Селе, всемилостивейшее благоугодно было собственноручно начертать: “Сердечно благодарю”» (КЕВ 3: 161, 162).

По-прежнему БДК практиковал и различные разовые акции, направленные на сбор средств для поддержки созданных в Бессарабии благотворительных организаций. Так, 30 и 31 января 1915 г. священники Кишиневского уезда по просьбе кишиневского уездного предводителя дворянства участвовали в сборе (не церковном) по оказанию помощи населению, пострадавшему от военных бедствий в селах уезда, организованном Кишиневским уездным комитетом великой княгини Татьяны Николаевны (КЕВ 34: 33). Тогда же в Серафимовском доме Кишиневской духовной семинарией был организован патриотический вечер, на котором собрали пожертвований на сумму 665 руб. 30 коп., из этих денег Трехсвятительское семинарское братство получило 321 руб. 38 коп., в БДК на раненых воинов и на устройство Бессарабского сиротского приюта было направлено по 171 руб. 96 коп. (КЕВ 6: 256). Месяцем позже, с 22 по 28 февраля, была организована «Неделя белья», в течение которой Бессарабский дамский комитет по призыву владыки Платона собирал белье для военнослужащих (КЕВ 10: 268). Во время Великого поста, в неделю «о слепом», духовенство каждого прихода епархии содействовало Бессарабскому отделу попечительства императрицы Марии для содержания губернской глазной лечебницы (КЕВ 27: 222, 223; КЕВ 35: 226, 227).

Накануне праздника Пасхи БДК «убедительнейше» просил настоятелей храмов «...собирать подарки для воинов армии к пред-

стоящему празднику Светлого Христова Воскресения и присылать незамедлительно в комитет яйца, сало, сухари, даже табак, который охотно принимается воинами» (КЕВ 32: 110). Однако духовенство епархии не только призывало к благотворительности своих прихожан, но и являло им личный пример. Так, на собрании окружного духовенства 5-го округа Оргеевского уезда, состоявшемся 9 июня 1915 г. в с. Бравича, было принято решение «...пожертвовать из своих средств по возможности побольше, принимая минимальный размер для священника 20 руб. и псаломщика 5 руб., из церковных сумм отдать из всей суммы, оставшейся к 1 января 1915 года, хранящейся в разных учреждениях, половину тем, чтобы половину пожертвованного или $\frac{1}{4}$ всей суммы выдать на нужды войны, а остальную часть на устройство приюта» (КЕВ 59: 646–648). На состоявшемся 20 августа 1915 г. съезде настоятелей бессарабских монастырей было принято решение приютить в своих обителях 100 «бесприютных иноков из местностей военных действий»; а также изыскана возможность отвести приют в Кишиневе для 50 инокинь из тех же местностей. Также, помимо прежних пожертвований на текущие военные нужды, собравшиеся настоятели ассигновали из своих и монастырских средств по 1 000 руб. ежегодно на приют-мастерскую для увечных воинов в Кишиневе и постановили открыть все монастыри для беженцев и высленцев (КЕВ 19: 977, 978).

Аккумулированные Бессарабским духовным комитетом денежные средства, вещи, продукты питания регулярно отправлялись нуждающимся адресатам: воинским частям, лазаретам, конкретным воинам или их вдовам и т. п. Только за первые два месяца 1915 г. из склада Духовного комитета было отправлено: «1) 54 пехотному Минскому полку 245 рубак, 245 пар кальсон, 43 фуфайки, 245 полотенец, 245 пар чулок, 40 платков, 47 пар перчаток и 20 напульсников; 2) 145 и 146 полевому подвижному госпиталю 405 рубак, 475 пар кальсон, 405 полотенец и 20 подушек; 3) Бессарабскому земству 1 030 рубак, 1 030 пар кальсон, 1 030 полотенец и 1 030 пар перчаток; 4) 130 полевому госпиталю 600 крестиков, 1 апостол, 3 акафиста великомученикам Димитрию, Иоанну-воину и Димитрию, 5 фунтов белых свечей и 250 молитвенников; 5) местному дамскому комитету для 63 артиллерийской бригады 515 рубак и 515 пар кальсон; 6) 287 полевому госпиталю 100 рубак, 100 пар кальсон, 100 полотенец и 100 пар портянок; 7) Бессарабскому дамскому обществу милосердия для лазарета 120 рубак, 120 пар кальсон, 120 полотенец, 1 600 аршин полотна, 60 подушек, 27 одеял и 30 ковриков; 8) в ставку Верховного главнокомандующего 2 586 рубак, 2 105 пар кальсон, 2 550 полотенец, 1 300 пар портянок, 1 250 пар чулок, 605 платков, 400 подушек,

2 150 пар перчаток, 150 ковриков, 12 пудов табаку и махорки, 2 пуда сухих фруктов, 76 кисетов, разных подарков 27 мест, 15 пудов сухарей, 508 шлемов, 8 башлыков, 1 092 жилета теплых меховых, 70 кожухов, 12 пудов 10 фунтов сала, 4 ящика частных посылок, 1 пара сапог, 40 шинелей, 40 пар брюк, 164 меховые шапки, 15 шарфов, 114 наушников, 19 нагрудников и 18 000 листов Кишиневского православного Христо-Рождественского братства; 9) туда же в ставку Верховного главнокомандующего 135 рубак, 3 427 пар кальсон, 3 895 утиральников, 3 100 пар портянок, 855 чулок, 1505 пар перчаток, 100 носовых платков, 9 пудов сала, 205 жилетов меховых, 15 кожухов, 1 мешок корпии, 21 тюк посылок именных и 6 ящиков и 20 мешков сухарей, 200 бутылок церковного вина, 1 ящик яиц (600 шт.), 168 шлемов, 25 гребешков, 300 деревянных ложек, 2 000 орехов, 3 пуда табаку и 50 книг "Цветная триодь". Кроме того, выдавалось белье отправляющимся на родину на поправку воинам» (КЕВ 28: 534–536).

В марте 1915 г. Духовный комитет отправил 10-й вагон белья и разных продуктов для воинов действующей армии, в том числе «...рубак 6 165 штук, кальсон 3 427, полотенец 3 895, портянок 3 100 пар, чулок 855 пар, перчаток 1 505 пар, платочков 100, корпии 1 мешок, фуфаяк меховых 205, шлемов 168, гребешков 25, ложек деревянных 300, церковного вина 200 бутылок, церковных книг "Цветной Триоди" 50, сала 9 пудов, яиц 600, табаку 3 пуда, орехов 2 000, подарков 6 ящиков, именных посылок 21. Всего мест в вагоне 62, пудов 471» (КЕВ 11: 342).

Такая практика продолжалась и в последующие месяцы (КЕВ 12: 427; КЕВ 16: 755). С одним из таких грузов Верховному главнокомандующему был передан и «весьма художественный образ Гербовецкой Божией матери, освященный у самого Чудотворного Гербовецкого образа, с выгравированною на нем следующей надписью: «Любимому русским народом, Верховному главнокомандующему, великому князю Николаю Николаевичу. Благодарная Бессарабия. 27 июля 1915 г.» (КЕВ 16: 759).

Из собранных средств Духовный комитет ежемесячно отправлял в Бессарабское земство 3 000 руб. на содержание питательного пункта в г. Бродях и снабжал местную Гербовецкую общину Красного Креста необходимым бельем для больных и раненых (КЕВ 28: 532, 533). Знаменательным событием для всей Кишиневской епархии стало посещение г. Бендеры императорской семьей, состоявшееся 9 мая 1916 г. Тогда же от имени бессарабского духовенства архиепископ Анастасий преподнес на военные нужды Николаю II и его супруги 25 тыс. руб., а наследнику великому князю Алексею и великим княжнам Ольге и Татьяне – по 5 тыс. руб. (КЕВ 24: 473).

Как было отмечено выше, БДК оказывал и адресную поддержку лицам, значительно пострадавшим в ходе войны. Так, раненому солдату И. Шпанке были выданы средства на приобретение искусственной ноги, чтобы дать ему возможность ходить без костылей; просительнице М. Коволишин были выделены полные комплекты летнего и теплого белья для отправки ее мужу в плен (КЕВ 8: 138; КЕВ 22: 1393, 1394).

Оказываемая при активном участии бессарабского духовенства помощь войскам не оставалась без внимания последних, в адрес БДК регулярно присылались телеграммы, в которых руководители воинских частей от имени своих подчиненных выражали благодарность за оказанную помощь. Так, письменные благодарности на имя архиепископа Платона поступили от командира IV Сибирского артиллерийского корпуса и от главного врача 118-го полевого запасного госпиталя (КЕВ 12: 428, 429). 6 мая 1915 г. сам император Николай II наградил архиепископа Платона за проявленную «исключительную заботливость о духовных и материальных нуждах действующей армии и в виду ревностного и плодотворного святительского служения» орденом Святого Александра Невского (КЕВ 4: 279).

Накануне весенних полевых работ Бессарабский духовный комитет выступил с инициативой организовать в епархии помощь разоренному населению Галиции зерновым хлебом на питание и обсеменение полей (КЕВ 9: 221, 222). В принятом решении, в частности, говорилось следующее: «В заботах о том, чтобы с наступлением весны и открытием полевых работ поля наших борцов за Родину не остались не засеянными и не обработанными, а семейства их, вследствие этого, без средств к жизни, Духовный комитет... обращается ко всем сельским приходским пастырям и возглавляемых ими приходским попечительствам с просьбой принять на себя труд по изысканию мер и надзору за своевременным обсеменением и обработкой полей наших воинов. <...> Духовный комитет рекомендует следующее: 1) внушить каждому селянину, не взятому на войну, что на нем лежит нравственный долг прийти на помощь своим односельцам, которые за них страдают и переносят ужасы войны, через обсеменение и обработку их полей; 2) составить списки и определить количество земли, принадлежащей призванных в действующую армию и предназначенной к обсеменению пшеницей, ячменем, кукурузой и другим хлебом; 3) составить списки поселян не призванных в действующую армию, и определить число рабочих рук в их семьях и количество рабочего скота; 4) распределить поля и нивы воинов между поселянами пропорционально количеству рабочих сил и при том так, чтобы, по возможности, отец обработал землю сына, брат – за брата, дядя – племянника и т.д., а не

имеющие родственников на войне – землю чужих им по назначению попечительства; 5) заблаговременно указать каждому поселянину ту землю, которую он должен обсеменить и обработать; 6) назначить одно определенное время, когда все поселяне обязаны оставить свои работы и заняться обработкой полей воинов; 7) необходимые семена, если таковые не окажутся у семей воинов, по мере возможности будут выдаваться приходскими попечительствами» (КЕВ 32: 109, 110).

С приближением осенних и зимних холодов ставка обратилась к духовенству Кишиневской епархии с просьбой оказать помощь «доблестным воинам и тем многим тысячам несчастных беженцев, которые пешком идут и едут по железным дорогам и на лошадях в глубь России и которые вполне уверены, что Великая мать Родина их обогреет, приютит и не даст умереть с голоду» (КЕВ 33: 440). По словам архиепископа Платона, ставка просила «...прислать мужское, женское и детское белье, чай, сахар, обувь, башлыки, шарфы, перчатки, махорку, свечи, соль, крупу, горох, фасоль, сушеную рыбу и все другое, что необходимо нашим воинам и беженцам и что бессарабцы могут дать. Нужда крайняя, вопиющая, медлить нельзя. Надо оказать помощь теперь же. Прошу и молю вас, отцы-пастыри, обратиться к своим пасомым, чтобы каждый дом, каждая семья вашего прихода пожертвовала по смене белья (сорочка и кальсоны) для воинов и дала, что необходимо, для беженцев» (КЕВ 56: 521). На призыв руководства, несмотря на усталость от войны, руководство приходов вновь откликнулось. Так, в октябре 1915 г. сельское общество с. Навырнец по предложению священника М. Гордузы обязалось доставить в Духовный комитет весь лом железа и других металлов на нужды войны и сшить в каждой семье по смене белья (КЕВ 21: 1280, 1281).

Продолжило свою деятельность и созданное в 1914 г. по инициативе архиепископа Платона Трудовое братство, насчитывавшее в 1915 г. более 90 человек, в том числе 10 послушников монастырей. Членами братства состояли 14 закройщиков, ежедневно по двое являвшихся на работу в мастерскую на час и раскраивавших необходимое для шитья количество белья; 10 человек, предоставивших свои швейные машины для работы, а оставшиеся либо посылали по одному подмастерью в мастерскую, либо же брали работу на дом. За несколько месяцев деятельности мастеровыми братства было изготовлено: для лазарета бессарабского духовенства – 200 простынь, 200 наволочек, 50 халатов и 30 полотняных мешочков; для воинов действующей армии – 1 500 рубах, 1 6350 пар кальсонов, 917 жилетов байковых и 825 жилетов меховых; для детей запасных роздано на детском празднике 100 рубах и 100 пар кальсонов для мальчиков (КЕВ 28: 538).

Важным звеном в системе созданных бессарабским духовенством благотворительных заведений был, безусловно, Духовный лазарет, продолжавший систематически принимать на излечение раненых воинов. За период от основания лазарета до весны 1915 г. в нем находились на лечении 275 человек, при этом скончался лишь один тяжелораненый воин. На организацию и содержание лазарета было затрачено 25 281 руб. 23 коп., в том числе на оборудование лазарета – 13 126 руб. 33 коп.; на жалование служащим – 3 929 руб.; на питание – 5 673 руб. 98 коп.; на одежду и белье – 669 руб. 61 коп.; на перевязочные, дезинфекционные средства и хирургические инструменты – 319 руб. 10 коп.; на стирку белья – 245 руб. 65 коп.; на канцелярские расходы – 167 руб. 19 коп.; на непредвиденные расходы – 1 370 руб. 37 коп. (КЕВ 28: 537, 538).

Духовный лазарет часто посещался высокопоставленными военными и чиновниками – сенатором князем Н.П. Урусовым, командующим 7-й армией генералом от артиллерии В.Н. Никитиным, генерал-адъютантом Ф.Ф. Треповым, управляющим губернией Б.К. Арсеньевым, членом Государственного Совета князем А.Н. Лобановым-Ростовским и др., которые неизменно отмечали высокий уровень организации медицинского обслуживания в нем (КЕВ 7: 95; КЕВ 14: 580; КЕВ 19: 976; КЕВ 23: 1452). В частности, генерал В.Н. Никитин в книге записей лазарета отметил: «Душевно признателен епархиальному начальству за сердечное отношение и заботы к раненым, а равно образцовое оборудование лазарета. 21 мая 1915 г.» (КЕВ 1: 299).

Руководитель епархии архиепископ Платон систематически посещал Духовный лазарет, проводил беседы с выздоравливающими воинами. Так, 9 марта 1915 г. он около трех часов беседовал с больными и ранеными, каждого в отдельности расспрашивал, откуда он, где и когда ранен, какой нации, из какой семьи и т. д. (КЕВ 11: 347, 348). Утром 26 марта, в праздник Пасхи, владыка Платон также посетил лазарет бессарабского духовенства и поздравил раненых и больных воинов с праздником Христова Воскресения, раздав каждому по красному яичку (КЕВ 12: 421). Для раненых, находившихся на излечении в лазарете, устраивались благотворительные концерты, один из которых состоялся 8 марта 1915 г. в присутствии ректора Духовной семинарии архимандрита Дамиана, членов Духовного комитета, лазаретной администрации, больных и раненых (КЕВ 11: 346).

Весной 1915 г., когда резко возрос поток раненых, руководство епархии провело значительную работу по организации дополнительных лечебных учреждений. Так, 25 мая 1915 г. архиепископ Платон совершил освящение двух новых лазаретов: одного – для 300 больных и раненых воинов в здании Духовной семинарии и другого – на

400 коек в здании Кишиневского мужского духовного училища (КЕВ 14: 578, 579). В середине 1916 г. по указанию управления Красного Креста расширить существующие лазареты, в Бессарабском духовном лазарете, помимо имевшихся 100 больных, были размещены еще 50 раненых (КЕВ 25: 528).

Своеобразный итог деятельности бессарабского духовенства в области создания условий для медицинского обслуживания раненых воинов подвел в декабре 1915 г. член Государственного Совета князь А.Н. Лобанов-Ростовский, оставшийся «в высшей степени удовлетворен внимательным своим осмотром всего, что владыка сделал в Бессарабии для воинов и их детей» и обещавший уведомить об этом и Петроград (КЕВ 23: 1452).

Новым благотворительным начинанием архиепископа Платона стало создание в Кишиневе приюта-мастерской для воинов-инвалидов, главной целью которого было обучение последних различным ремеслам, чтобы они оставались полноправными членами общества. Организация такого заведения в Бессарабии была обусловлена тем, что в крае насчитывалось значительное количество инвалидов, вернувшихся домой, но неспособных к прежнему крестьянскому труду и «нуждающихся в приюте на несколько месяцев и в том, чтобы их подготовили к другому занятию, которое их обеспечило бы и дало бы сознание, что им не предстоит всю жизнь быть лишним бременем в семье» (КЕВ 57: 927, 928).

В создании такого приюта бессарабскому духовенству оказали содействие члены кишиневского самоуправления, предоставившие городское помещение, специально оборудованное для этой цели: под приют, рассчитанный на 50 мест, были отведены два корпуса, располагавшиеся по Константиновской улице. В первом разместились столовая, мастерская, кухня и комната заведующей, во втором – спальные помещения. Мастерская приюта поначалу была рассчитана на следующие ремесла: сапожное, портняжное, столярное и корзиноплетение. Обучать воинов-инвалидов этим ремеслам должны были воспитанники старших классов местного Александровского ремесленного училища. Организаторы приюта предполагали наладить в нем и обучение его обитателей грамоте, а также открыть библиотеку. Заблаговременно до открытия этого заведения посредством приходских священников была распространена информация о правилах приюта-мастерской, в частности: что прием будет проводиться без различия вероисповедания и национальности, что за обитателями приюта сохранялась пенсия, что руководство приюта будет содействовать получению инвалидами искусственных конечностей (КЕВ 29: 299, 300). Освещение приюта-

мастерской состоялось 11 мая 1915 г. (КЕВ 13: 524, 525), а спустя некоторое время были определены и средства финансирования его деятельности.

Так, ежемесячные отчисления на содержание приюта-мастерской должны были составлять 2 тыс. руб., в том числе 1 тыс. руб. – от Духовного комитета, 600 руб. – от Управления акцизными сборами в Бессарабии, а оставшаяся сумма – от Дирекции народных училищ и городской администрации Кишинева (КЕВ 14: 575). Предполагалось, что на эти средства будут приобретаться необходимые приюту-мастерской материалы по преподаваемым в нем ремеслам. Уже первые несколько месяцев функционирования приюта-мастерской продемонстрировали его эффективность: его обитатели быстро освоили азы ремесел и стали самостоятельно кроить, шить руками и на машине; изготовленные ими туфли, сапоги, башмаки и рубахи выставлялись на продажу, а на вырученные деньги приобретался товар для изготовления других вещей. Здесь же было налажено обучение инвалидов грамоте – чтению и письму, для чего были приглашены опытные учительницы, выразившие желание бесплатно заниматься с ними по два часа в день, после уроков мастерства (КЕВ 60: 420). В августе 1915 г. архиепископ Платон посетил созданный по его инициативе приют, где воочию увидел достижения его руководства и обитателей: в сапожном отделении инвалиды показали владыке, как они строчат на машине, в портняжном – сшитые на машине жилеты, брюки, пиджаки. Присутствовал владыка и на уроке грамотности, проведенном учительницей Кишиневской женской гимназии Ф. Гвоздинской (КЕВ 18: 942, 943).

Делом огромной важности, сплотившим в едином порыве все население Бессарабии без различия вероисповедания, национальности, социального положения, стала организация Бессарабского сиротского приюта. Впервые идею создать приют для детей воинов, убитых на войне, высказал архиепископ Платон на заседании БДК в январе 1915 г. (КЕВ 7: 95). На следующий же день, 13 января, состоялось собрание настоятелей монастырей, которые единогласно решили: вместо распределения сирот по женским скитам «...принять посильное материальное участие в постройке в г. Кишиневе... Бессарабского общепархиального сиротского приюта, который был бы не только памятником патриотизма бессарабского духовенства, но и любвеобильного и здорового отношения его к народным нуждам» (КЕВ 8: 136, 137). Тогда же настоятели выделили на постройку приюта одновременно 10 тыс. руб. из монастырских средств и решили ежегодно отчислять на содержание сирот по 3 тыс. руб., оговорив, что из личных средств будут жертвовать особо (КЕВ 8: 136, 137).

Учитывая принятое на епархиальном съезде решение, первоочередной задачей инициаторов создания приюта стал сбор пожертвований по всей Бессарабии. Спустя несколько дней было принято первое пожертвование в сумме 1 100 руб. от М.И. Нишковой, и был открыт счет для приема средств на постройку в Кишиневе Бессарабского сиротского приюта (БСП) (КЕВ 8: 138). О примерном количестве средств на устройство такого приюта дает представление статья священника И. Руссула, который, в частности, отмечал: «У нас в Бессарабии около тысячи приходов. В каждом приходе сироты уже исчисляются десятками душ, а в некоторых – даже сотнями. До окончания войны число сирот вырастет еще более, так что без натяжки можно считать, что в каждом приходе в среднем будет не менее пятидесяти сирот, т. е. на всю Бессарабию – не менее 50 000 сирот. Конечно, не все эти сироты будут нуждаться в общественном призрении. Будут нуждаться, главным образом, круглые сироты, а также безземельные, бездомные, т. е. совершенные бедняки. Кажется, не будет ошибки предположить, что таковых наберется не менее 5 % общего числа, т. е. не менее 2 500 сирот! Можем ли мы создать приют и организовать содержание его на такое количество душ? Безусловно, не можем. Следовательно, речь может идти только о минимуме того, что мы можем и должны сделать. Таким минимумом я признаю призрение половины самых нуждающихся сирот, т. е. 1 250 душ и, во всяком случае, не менее 1 000 душ. Это составит по одной душе на приход. <...> Во что может обойтись создание такого приюта? <...> Вся постройка может стоить не менее одного миллиона рублей. Оборудование приюта мебелью и прочим, надо полагать, тоже обойдется не менее 100 000 руб. <...> Мы обязаны от каждого прихода в среднем дать не менее одной тысячи рублей» (КЕВ 58: 783, 784).

Для сбора такой огромной суммы руководство епархии стремилось использовать любую возможность, причем архиепископ Платон подавал бессарабской пастве личный пример. Он неоднократно выступал с проповедями, в которых в ярких красках обосновывал необходимость устройства в Кишиневе сиротского приюта. «Лучшего учреждения, – говорил владыка, – как это, наиболее оттеняющее и выражающее собою христианское милосердие, нет и быть не может. <...> У бессарабской сироты будет родной кров и родной дом; его будет окружать забота и попечение. Обездоленный сирота вырастет в нашем приюте в доброго человека, и на его долю будут перепадать те блага жизни, которые обыкновенно достаются в ней добрым людям. <...> Будьте же милостивы, чтобы вам быть помилованными» (КЕВ 11: 343–345).

В ответ на призывы руководителя епархии духовенство Бессарабии открыло ктиторийский сбор на сооружение и содержание приюта и монашеской общины при нем. Со всех уголков края потекли пожертвования деньгами, коврами, полотном, съестными припасами, скотом. Например, в одном из приходов, насчитывавшем 344 двора, кроме двух абсолютных бедняков, записалось ктиторами сиротского приюта 342 домохозяина на сумму более 1 000 руб. (КЕВ 61: 777–780). В Гербовецком монастыре и его окрестностях изъявили желание стать ктиторами приюта 300 человек, кроме того, архимандрит Феогност пожертвовал на приют 500 руб., иеромонах Пантелеймон – 100 руб. (КЕВ 13: 523, 524). Прихожане церкви Речульского женского скита решили каждый четверг осени 1915 г. объявить «ктиторийским», и заработанные в эти дни на работах в виноградниках наследников Манук-Бея средства в сумме 200 руб. передали на счет БСП (КЕВ 5: 1401). Следует отметить, что, по словам самого духовенства, «...в то время, как остальные сборы, успевшие примелькаться, с трудом дают копейки, на эти приюты с любовью и охотно жертвуются рубли...» (КЕВ 2: 364–369). В целом ктиторийские пайки, в зависимости от имущественного положения жертвователей, составляли от 3 до 1 000 руб. Информация о поступающих средствах на цели организации и работы приюта систематически публиковалась на страницах «Кишиневских епархиальных ведомостей», в частности, до открытия приюта было пожертвовано 100 663 руб. 38 коп., а к середине 1916 г. общая сумма пожертвований составила 256 454 руб. 39 коп. (КЕВ 40: 1–14; КЕВ 41: 1–8; КЕВ 42: 9–23; КЕВ 52: 23–48; КЕВ 53: 1–16; КЕВ 54: 1–16).

Как оказалось, значительной проблемой стал выбор участка для постройки БСП. Среди мест для устройства приюта назывались Рышкановское поле и Романовская («Немецкая») площадь в Кишиневе, дача Б. Домбровского «Спорт» по Котюженскому шоссе, имение И.Н. Стефанука и др. (КЕВ 8: 141; КЕВ 10: 270; КЕВ 12: 428). На поступившие пожертвования были все же приобретены участок земли за городом по Ганчештскому шоссе площадью в 122 десятины, а также фруктово-виноградный сад в 14 десятин земли с домом и необходимыми службами (КЕВ 50: 3). После этого встал вопрос о создании архитектурного проекта Сиротского приюта, причем для этого владыкой был приглашен уроженец Кишинева, академик Алексей Викторович Щусев. 6 сентября 1915 г. на заседании БДК он представил владыке и комитету свои наброски мотивов проекта приюта в двух вариантах – в византийском и итальянском стилях. Алексей Викторович с сожалением заметил, что «он, при всем желании поработать для родной ему Бессарабии, может сделать только чертежи и наброски художественную сторону, но не исполнение, ибо слишком

занят» (КЕВ 20: 1117, 1118). Слушая конкурсный проект кишиневского епархиального архитектора В.Г. Купчи, он рисовал, планировал, что, где и как строить (врата, колокольню, храм, школу, корпуса сестер, общежития детей, больницу, мастерские, гостиницу для посетителей, инвалидный дом, богадельню для престарелых священнослужителей, артезианский колодец, электрическую станцию, кладбище и пр.), а также заявил, что он будет работать бескорыстно и уже к ноябрю пришлет эскизные планы, их разработку, выработает детальные планы, примет участие в заседаниях строительной комиссии, в контроле и ревизии (КЕВ 20: 1117, 1118).

Поскольку проблема наличия сирот в крае стояла весьма остро, было принято решение открыть в Кишиневе временный приют для сирот. На первых порах он был открыт в доме Горнштейна, из 28 комнат, оборудованных необходимой мебелью, кухней и прочим на углу Пушкинской и Федорова улиц, с оплатой 5 тыс. руб. в год (КЕВ 50: 3). Торжественная церемония освящения БСП состоялась в последний день пребывания архиепископа Платона в Кишиневе (9 декабря 1915 г. он был назначен архиепископом Карталинским и Кахетинским, экзархом Грузии), 20 декабря 1915 г., в присутствии городского головы Г.Ю. Левинского, губернского предводителя бессарабского дворянства Р.Г. Доливо-Добровольского, вице-губернатора Б.К. Арсеньева, ректора Духовной семинарии архимандрита Дамиана, епископа Аккерманского Гавриила, епископа Измаильского Дионисия и др. (КЕВ 30: 1485, 1486). В 1916 г. уже при новом руководителе епархии архиепископе Анастасии (Грибановском) для приюта были сняты еще несколько помещений, на 350 и 60 мест соответственно, причем последнее – под больницу. 8 июля 1916 г. в главном здании приюта была открыта церковь, освященная владыкой Анастасием в честь иконы Казанской Богоматери (КЕВ 50: 5).

По правилам приюта в него могли быть приняты дети в возрасте от 2 до 10 лет, если они круглые сироты убитых на войне солдат, сироты убитых солдат при живой, но бедной или болезненной матери, сироты, оставшиеся без матери, если отец находился в действующей армии (КЕВ 31: 447). За первый год существования БСП в нем нашли приют 271 мальчик, 161 девочка, всего – 432 ребенка. За 1916 г. по разным причинам выбыли 30 ребят. К сожалению, имелись случаи детской смертности из-за инфекционных болезней – по этой причине скончался 41 ребенок. Таким образом, к 20 декабря 1916 г. в приюте находились 227 мальчиков, 137 девочек, всего 364 ребенка. В их числе: школьного возраста – 196; дошкольного возраста – 168; круглых сирот – 52; имевших мать – 115; имевших отца – 195; имевших и отца и мать – 2 (КЕВ 50: 11, 12).

Плачевное состояние здоровья поступавших в приют детей (у большинства сирот были экзема и чесотка) заставило организаторов озаботиться созданием при нем собственной больницы. Как отмечалось выше, она была открыта в отдельном наемном доме, оборудована на 52 кровати и снабжена постельными принадлежностями, бельем и инвентарем в достаточном количестве (КЕВ 50: 13). За время функционирования больницы в ней побывали 128 детей, из которых выздоровели 84, умер 31, еще 13 находились на излечении. Заболеваемость и смертность наблюдались преимущественно у детей, находившихся в обсервационном отделении, куда прибывавшие дети из разных мест губернии помещались на 15-дневный карантин. В течение 1916 г. всем детям приюта была сделана прививка от оспы (КЕВ 50: 14).

С 1 августа 1916 г. при БСП была открыта и действовала под руководством кишиневского ремесленного головы С.А. Чеботаренко башмачно-сапожная мастерская, в которой работали в качестве учителей воины-инвалиды из епархиального приюта-мастерской. Ее главной целью было изготовление обуви для нужд сиротского приюта. За несколько месяцев деятельности мастерская выпустила 400 пар обуви на сумму 2 767 руб. (КЕВ 50: 16, 17). Тогда же начала свою работу непосредственно под руководством начальницы приюта О.А. Муратовой и швейно-чулочная мастерская, в которой работали послушницы, а в качестве учениц – призреваемые девочки-сироты (КЕВ 50: 5). Строились планы по созданию картонажной и метелочной мастерских (КЕВ 50: 15, 16).

Помимо трудового воспитания, важной составляющей деятельности приюта было обучение сирот грамоте по курсу церковно-приходских школ и по курсу детского сада. По первой программе обучались 120 мальчиков и 76 девочек, а по второй – 107 и 61 соответственно. Один из мальчиков поступил в сельскохозяйственную школу (КЕВ 50: 14, 15).

Материальной основой функционирования БСП были средства БДК при субсидии от Романовского комитета 30 920 руб., от бессарабского земства по 72 руб. в год на каждого круглого и беспризорного сироту и от кишиневской городской управы по 72 руб. в год на каждого сироту, принадлежавшего к кишиневским мещанам (КЕВ 50: 16). Всего в 1916 г. на оборудование сиротского приюта было затрачено 35 960 руб. 32 коп., а на его содержание – 82 686 руб. 40 коп. (КЕВ 50: 16, 17). Адресную поддержку призреваемым в приюте сиротам оказывали отдельные жертвователи, учредившие шесть стипендий: В.Д. Вартик (6 тыс. руб. на две стипендии); священник Е. Крокос с прихожанами (стипендия в размере 120 р. в год); Е.П. Деми

(240 руб. на две стипендии); братство Георгиевской церкви г. Кишинева (120 руб. на одну стипендию) (КЕВ 50: 18).

Таким образом, благотворительная деятельность бессарабского духовенства, начатая летом 1914 г., продолжала успешно осуществляться и в «год Великого отступления» русской армии, когда она была особенно востребована, и в более благоприятном 1916 г. Главенствующую роль в деле организации сбора пожертвований и распределения поступающих средств играл БДК, руководимый сначала архиепископом Платоном, а после его назначения экзархом Грузинским – владыкой Анастасием. По опубликованным данным, все собранные средства расходовались по прямому назначению. Эффективно действующими филантропическими организациями стали Духовный лазарет, расширивший в интересующий нас период масштаб своей деятельности, Трудовое братство, Дамский комитет. Весьма примечательным событием стала организация архиепископом Платоном приюта-мастерской для воинов-инвалидов, призванного сыграть весомую роль в деле реабилитации и социализации этой категории лиц, пострадавших от войны. Однако самым ярким проектом, реализованным в рассматриваемый период по инициативе предстоятеля Кишиневской епархии, стал, безусловно, Бессарабский сиротский приют, на создание которого собирала средства, без преувеличения, вся Бессарабия. После смены руководства епархии благотворительная деятельность ее духовенства была продолжена как бы по инерции, однако новых ярких, масштабных проектов по оказанию помощи нуждающимся в ней предложено не было.

ЛИТЕРАТУРА

КЕВ 1 - 27 мая // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1915. № 21–22. С. 299.

КЕВ 2 - *Богос Ф.* Бессарабский сиротский приют для детей воинов, погибших на поле брани // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 13–14. С. 364–369.

КЕВ 3 - Высочайшая благодарность // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1915. № 11–12. С. 161, 162.

КЕВ 4 - Высочайшая грамота // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1915. № 19–20. С. 279.

КЕВ 5 - *Гачкевич С.* Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Платону, архиепископу Кишиневскому и Хотинскому // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 49. С. 1401.

КЕВ 6 - *Дамиан, архимандрит.* Сбор по устройству патриотического вечера в Серафимовском доме Кишиневской духовной семинарией 30 января

- 1915 г. с благотворительной целью // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 7–8. С. 256.
- КЕВ 7 - Епархиальная хроника // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 3. С. 88–95.
- КЕВ 8 - Епархиальная хроника // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 4. С. 136–141.
- КЕВ 9 - Епархиальная хроника // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 6. С. 221–226.
- КЕВ 10 - Епархиальная хроника // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 7–8. С. 263–270.
- КЕВ 11 - Епархиальная хроника // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 11–12. С. 342–350.
- КЕВ 12 - Епархиальная хроника // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 15–16. С. 420–437.
- КЕВ 13 - Епархиальная хроника // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 19–20. С. 519–526.
- КЕВ 14 - Епархиальная хроника // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 21–22. С. 574–580.
- КЕВ 15 - Епархиальная хроника // КЕВ Ред. В. Курдиновский. 1915. № 25–26. С. 667–670.
- КЕВ 16 - Епархиальная хроника // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 29–30. С. 755–759.
- КЕВ 17 - Епархиальная хроника // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 31–32. С. 791–795.
- КЕВ 18 - Епархиальная хроника // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 36. С. 939–946.
- КЕВ 19 - Епархиальная хроника // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 37. С. 971–985.
- КЕВ 20 - Епархиальная хроника // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 41. С. 1117–1121.
- КЕВ 21 - Епархиальная хроника // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 45. С. 1280–1283.
- КЕВ 22 - Епархиальная хроника // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 48. С. 1387–1395.
- КЕВ 23 - Епархиальная хроника // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 50. С. 1451–1454.
- КЕВ 24 - Епархиальная хроника // КЕВ / Ред. И. Смелов. 1916. № 24. С. 469–475.
- КЕВ 25 - Епархиальная хроника // КЕВ / Ред. И. Смелов. 1916. № 27–28. С. 528, 529.
- КЕВ 26 - К сведению духовенства Кишиневской епархии // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1915. № 4. С. 33.

КЕВ 27 - *Кассович В., Сицинский Л.* Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Архиепископу Кишиневскому и Хотинскому Платону // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1915. № 15–16. С. 222, 223.

КЕВ 28 - Кишиневская епархия в деле учреждений духовного ведомства по оказанию помощи раненым и больным воинам и их семьям // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 21–22. С. 530–539.

КЕВ 29 - Комитет, находящийся под председательством высокопреосвященного Платона // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1915. № 21–22. С. 299, 300.

КЕВ 30 - *Курдиновский В.* Освящение Бессарабского сиротского приюта Его Высокопреосвященством, Высокопреосвященнейшим Платоном, Архиепископом Карталинским и Кахетинским и экзархом Грузии, 20 декабря 1915 г. в Кишиневе // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 51–52. С. 1485–1488.

КЕВ 31 - *Лашков Н., Мурзина В.* Сведения о состоянии Бессарабского сиротского приюта // КЕВ / Ред. И. Смелов. 1916. № 22–23. С. 446–448.

КЕВ 32 - От Духовного комитета // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1915. № 7–8. С. 109, 110.

КЕВ 33 - От Духовного комитета // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1915. № 34–35. С. 440, 441.

КЕВ 34 - От Кишиневской духовной консистории // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1915. № 4. С. 33.

КЕВ 35 - От Кишиневской духовной консистории // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1915. № 15–16. С. 226–230.

КЕВ 36 - Отчет Духовного комитета по приходу и расходу пожертвований на военные нужды // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1915. № 3. С. 15–24.

КЕВ 37 - Отчет Духовного комитета по приходу вещевых пожертвований // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1915. № 34–35. С. 442–450.

КЕВ 38 - Отчет Духовного комитета по приходу денежных пожертвований на нужды войны // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1915. № 15–16. С. 238–254.

КЕВ 39 - Отчет Духовного комитета по приходу денежных пожертвований на нужды войны // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1915. № 36. С. 461–472.

КЕВ 40 - Отчет Духовного комитета по приходу денежных пожертвований на Сиротский приют // КЕВ / Ред. И. Смелов. 1916. № 26. С. 1–14.

КЕВ 41 - Отчет Духовного комитета по приходу денежных пожертвований на Сиротский приют // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1916. № 27–28. С. 1–8.

КЕВ 42 - Отчет Духовного комитета по приходу денежных пожертвований на Сиротский приют // КЕВ / Ред. И. Смелов. 1916. № 29. С. 9–23.

КЕВ 43 - Отчет Духовного комитета по сбору вещевых пожертвований // КЕВ / Ред. И. Смелов. 1916. № 15–16. С. 49–60.

КЕВ 44 - Отчет о приходе вещевых пожертвований на Духовный комитет // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1915. № 23–24. С. 351–365.

- КЕВ 45 - Отчет о приходе вещевых пожертвований на Духовный комитет // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1915. № 27–28. С. 395–403.
- КЕВ 46 - Отчет о приходе вещевых пожертвований на Духовный комитет // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1915. № 42. С. 524–532.
- КЕВ 47 - Отчет о приходе вещевых пожертвований на Духовный комитет // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1915. № 43. С. 536–540.
- КЕВ 48 - Отчет о приходе вещевых пожертвований на Духовный комитет // КЕВ / Ред. И. Смелов. 1916. № 32–33. С. 1–16.
- КЕВ 49 - Отчет о приходе вещевых пожертвований на Духовный комитет // КЕВ / Ред. И. Смелов. 1916. № 39. С. 17–32.
- КЕВ 50 - Отчет о состоянии Бессарабского сиротского приюта для детей-сирот воинов-героев Второй Отечественной войны за 1916 год (1-й год существования) // КЕВ / Ред. А. Громадский. 1917. № 18–19. С. 1–20.
- КЕВ 51 - Отчет о суммах, поступивших в пользу беженцев // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1916. № 48–49. С. 268–271.
- КЕВ 52 - Отчет по сбору пожертвований на Бессарабский сиротский приют // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1916. № 13. С. 23–48.
- КЕВ 53 - Отчет по сбору пожертвований на Бессарабский сиротский приют // КЕВ / Ред. И. Смелов. 1916. № 45. С. 1–16.
- КЕВ 54 - Отчет по сбору пожертвований на Бессарабский сиротский приют // КЕВ / Ред. И. Смелов. 1916. № 52. С. 1–16.
- КЕВ 55 - Отчет по сбору пожертвований на Духовный комитет // КЕВ / Ред. Дамиан, архимандрит. 1916. № 12. С. 1–16.
- КЕВ 56 - Платон. Возлюбленные о Господе отцы и братья // КЕВ / Ред. В. Решетников. 1915. № 42. С. 521–522.
- КЕВ 57 - Руссо А. Для увечных воинов // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 36. С. 927–930.
- КЕВ 58 - Руссул И. Духовенство и Сиротский приют // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 31–32. С. 780–785.
- КЕВ 59 - Собрание окружного духовенства 5-го округа Оргеевского уезда // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 25–26. С. 646–648.
- КЕВ 60 - *Тимотин Е.* Дорогие отцы! // КЕВ / ред. В. Решетников. 1915. № 29–30. С. 420, 421.
- КЕВ 61 - *Чекан И.* Бессарабский сиротский приют – сельскохозяйственная народная академия // КЕВ / Ред. В. Курдиновский. 1915. № 31–32. С. 777–780.
- КЕВ 62 - Чествование Высокопреосвященнейшего архиепископа Платона по случаю назначения его на кафедру экзарха Грузии // КЕВ / Ред. Дамиан, архимандрит. 1916. №. 1–2. С. 4–42.
- Содоль 2014 - *Содоль В.А.* Благотворительная деятельность духовенства Кишиневской епархии на начальном этапе Первой мировой войны (по материалам «Кишиневских епархиальных ведомостей») // Русин. 2014. № 4. С. 30–46.

REFERENCES

- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) 21–22 (27th May). p. 299.
- Bogos, F. (1915) Bessarabskiy sirotskiy priyut dlya detey voynov, pogibshikh na pole brani [The Bessarabian orphanage for the children of soldiers killed on the battlefield]. *Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* 13–14. pp. 364–369.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Vysochayshaya blagodarnost' [The Highest gratitude]. 11–12. pp. 161, 162.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Vysochayshaya gramota [The Highest diploma]. 19–20. pp. 279.
- Gachkevich, S. (1915) Ego Vysokopreosvyashchenstvu, Vysokopreosvyashchenneyshemu Platonu, arkhiepiskopu Kishinevskomu i Khotinskomu [His Eminence Platon, Archbishop of Chisinau and Hotinskaya]. *Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* 49. p. 1401.
- Damian, Archimandrite. (1915) Sbor po ustroystvu patrioticheskogo vechera v Serafimovskom dome Kishinevskoy Dukhovnoy Seminariey 30 yanvarya 1915 g. s blagotvoritel'noy tsel'yu [Meeting on patriotic event in the Seraphim Home of Chisinau Theological Seminary on January 30, 1915, with the purpose of charity]. *Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* 7–8. p. 256.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 3. pp. 88–95.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 4. pp. 136–141.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 6. pp. 221–226.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 7–8. pp. 263–270.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 11–12. pp. 342–350.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 15–16. pp. 420–437.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 19–20. pp. 519–526.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 21–22. pp. 574–580.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 25–26. pp. 667–670.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 29–30. pp. 755–759.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 31–32. pp. 791–795.

- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 36. pp. 939-946.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 37. pp. 971-985.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 41. pp. 1117-1121.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 45. pp. 1280-1283.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 48. S. 1387-1395.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 50. pp. 1451-1454.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1916) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 24. pp. 469-475.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1916) Eparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle]. 27-28. pp. 528, 529.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) K svedeniyu dukhovenstva Kishinevskoy eparkhii [Information for the clergy of the Diocese of Chisinau]. 4. pp. 33.
- Kassovich, V. & Sitsinskiy, L. (1915) Ego Vysokopreosvyashchenstvu Vysokopreosvyashchenneyshemu Arkhiyeiskopu Kishinevskomu i Khotinskomu Platonu [His Eminence Archbishop of Chisinau and Hotinskaya Plato]. *Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* 15-16. pp. 222, 223.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Kishinevskaya eparkhiya v dele uchrezhdeniy dukhovnogo vedomstva po okazaniyu pomoshchi ranenym i bol'nym voynam i ikh semeystvam [The Chisinau Eparchy in the spiritual department of institutions to assist the wounded and sick soldiers and their families]. 21-22. pp. 530-539.
- Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* (1915) Komitet, nakhodyashchiysya pod predsedatel'stvom vysokopreosvyashchennogo Platona [The Committee under the chairmanship of His Eminence Platon]. 21-22. pp. 299, 300.
- Kuridinovskiy, V. (1915) Osvyashchenie Bessarabskogo sirotskogo priyuta Ego Vysokopreosvyashchenstvom, Vysokopreosvyashchenneyshim Platonom, Arkhiyeiskopom Kartalinskim i Kakhetinskim i Ekzarkhom Gruzii, 20 dekabrya 1915 g. v Kishineve [Sanctification of the Bessarabian orphanages by His Eminence Platon, Archbishop of Kartli and Kakheti and Exarch of Georgia, on December 20, 1915, in Chisinau]. *Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* 51-52. pp. 1485-1488.
- Lashkov, N. & Murzina, V. (1916) Svedeniya o sostoyanii Bessarabskogo sirotskogo priyuta [Information on the status of the Bessarabian Orphanage]. *Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* 22-23. pp. 446-448.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1915) Ot Dukhovnogo komiteta [From the Spiritual Committee]. 7-8. pp. 109, 110.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1915) Ot Dukhovnogo komiteta [From the Spiritual Committee]. 34–35. pp. 440, 441.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1915) Ot Kishinevskoy dukhovnoy konsistorii [From the Chisinau Spiritual Consistory]. 4. p. 33.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1915) Ot Kishinevskoy dukhovnoy konsistorii [From the Chisinau Spiritual Consistory]. 15–16. pp. 226-230.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1915) Otchet Dukhovnogo komiteta po prikходу i raskhodu pozhertvovaniy na voennye nuzhdy [Report of the Committee on Religious Receipts and Expenditures of Donations for Military Needs]. 3. pp. 15-24.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1915) Otchet Dukhovnogo komiteta po prikходу i raskhodu pozhertvovaniy na voennye nuzhdy [Report of the Religious Committee on Receipts and Expenditures of Donations for Military Needs]. 34–35. pp. 442-450.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1915) Otchet Dukhovnogo komiteta po prikходу denezhnykh pozhertvovaniy na nuzhdy voyny [Report of the Religious Committee on receipt of donations for war needs]. 15–16. pp. 238-254.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1915) Otchet Dukhovnogo komiteta po prikходу denezhnykh pozhertvovaniy na nuzhdy voyny [Report of the Religious Committee on receipt of donations for war needs]. 36. pp. 461-472.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1916) Otchet Dukhovnogo komiteta po prikходу denezhnykh pozhertvovaniy na Sirotskiy priyut [Report of the Religious Committee on receipt of donations for the Orphanage]. 26. pp. 1-14.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1916) Otchet Dukhovnogo komiteta po prikходу denezhnykh pozhertvovaniy na Sirotskiy priyut [Report of the Religious Committee on receipt of donations for the Orphanage]. 27–28. pp. 1-8.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1916) Otchet Dukhovnogo komiteta po prikходу denezhnykh pozhertvovaniy na Sirotskiy priyut [Report of the Religious Committee on receipt of donations for the Orphanage]. 29. pp. 9-23.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1916) Otchet Dukhovnogo komiteta po sboru veshchevykh pozhertvovaniy [Report of the Religious Committee on merchandise donations]. 15–16. pp. 49-60.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1915) Otchet o prikhode veshchevykh pozhertvovaniy na Dukhovnyy komitet [Report on the merchandise donations for the Religious Committee]. 23–24. pp. 351-365.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1915) Otchet o prikhode veshchevykh pozhertvovaniy na Dukhovnyy komitet [Report on the merchandise donations for the Religious Committee]. 27–28. pp. 395-403.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1915) Otchet o prikhode veshchevykh pozhertvovaniy na Dukhovnyy komitet [Report on the merchandise donations for the Religious Committee]. 42. pp. 524-532.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1915) Otchet o prikhode veshchevykh pozhertvovaniy na Dukhovnyy komitet [Report on the merchandise donations for the Religious Committee]. 43. pp. 536-540.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1916) Otchet o prikhode veshchevykh pozhertvovaniy na Dukhovnyy komitet [Report on the merchandise donations for the Religious Committee]. 32-33. pp. 1-16.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1916) Otchet o prikhode veshchevykh pozhertvovaniy na Dukhovnyy komitet [Report on the merchandise donations for the Religious Committee]. 39. pp. 17-32.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1917) Otchet o sostoyanii Bessarabskogo Sirotskogo priyuta dlya detey-sirot voynov-geroev Vtoroy otechestvennoy voyny za 1916 god (1-y god sushchestvovaniya) [Report on the Bessarabian Orphanage for children of soldier-heroes of the Patriotic War for 1916 (the 1st year)]. 18-19. pp. 1-20.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1916) Otchet o summakh, postupivshikh v pol'zu bezhentsev [Report on the sums of money received for refugees]. 48-49. pp. 268-271.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1916) Otchet po sboru pozhertvovaniy na Bessarabskiy sirotskiy priyut [Report on collected donations for the Bessarabian orphanage]. 13. pp. 23-48.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1916) Otchet po sboru pozhertvovaniy na Bessarabskiy sirotskiy priyut [Report on collected donations for the Bessarabian orphanage]. 45. pp. 1-16.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1916) Otchet po sboru pozhertvovaniy na Bessarabskiy sirotskiy priyut [Report on collected donations for the Bessarabian orphanage]. 52. pp. 1-16.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1916) Otchet po sboru pozhertvovaniy na Dukhovnyy komitet [Report on collected donations for the Religious Committee]. 12. pp. 1-16.

Platon. (1915) Vozlyublennye o Gospode ottsy i brat'ya [Beloved in the Lord fathers and brothers]. *Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* 42. pp. 521-522.

Rousseau, A. (1915) Dlya uvechnykh voynov [For maimed soldiers]. *Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* 36. pp. 927-930.

Russul, I. (1915) Dukhovenstvo i Sirotskiy priyut [Clergy and Orphanage]. *Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti.* 31-32. pp. 780-785.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1915) Sobranie okruzhnogo dukhovenstva 5-go okruga Orgeevskogo uyezda [District Assembly of the Clergy of the 5th District Orgeevsky Uezd]. 25-26. pp. 646-648.

Timotin, E. (1915) Dorogie ottsy! [Dear fathers!]. *Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti*. 29–30. pp. 420, 421.

Chekan, I. (1915) Bessarabskiy sirotskiy priyut – sel'skokhozyaystvennaya narodnaya akademiya [The Bessarabian orphanage – Agricultural Folk Academy]. *Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti*. 31–32. pp. 777-780.

Kishinevskie Eparkhial'nye Vedomosti. (1916) Chestvovanie Vysokopreosvyashchenneyshego arkhiepiskopa Platona po sluchayu naznacheniya ego na kafedru ekzarkha Gruzii [Honoring Eminence Archbishop Plato, on the occasion of his appointment to the chair of the Exarch of Georgia]. 1-2. pp. 4-42.

Sodol, V.A. (2014) Philantropical activities of Clergy of the Archdiocese of Kishinev at the beginning of the WWI (on the “Kishinev diocesan gazette”). *Rusin*. 4. pp. 30-46 (In Russian).

Содоль Вячеслав Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и этнологии факультета общественных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Республика Молдова, Приднестровье).

Sodol' Veacheslav – Taras Shevchenko State University of Transnistria (Republic of Moldova, Transnistria).

E-mail: sodol-slav@yandex.ru

УДК 94(477.87)"1914/1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/44/9

ПРАВОСЛАВНИЙ РУХ НА ЗАКАРПАТТІ В РОКИ ПЕРШОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ

Ю.В. Данилець

Ужгородський національний університет

Україна, 88000, г. Ужгород, пл. Народна, 3

E-mail: jurijdanilec@rambler.ru

Авторське резюме

У статті розглянуто розвиток православного руху на Закарпатті в роки Першої світової війни. На основі документів проаналізовано методи денаціоналізації місцевого населення з боку угорського уряду. Греко-католицька церква в роки війни розпочала запроваджувати григоріанський календар та угорську мову для викладання в народних школах. Це викликало спротив місцевого населення, яке прагнуло навчати дітей рідною мовою та відзначати релігійні свята за старим стилем. Відмова відвідувати уніатські храми на католицькі свята призводило до репресій з боку поліції та військових. Прослідковано масштаби репресій проти активістів православної церкви. Вони полягали в воєнному стані в головних центрах православного руху, обов'язку щоденно відмічатися на жандармській станції, утримувати за свій рахунок військові загони в селі. Зафіксовано ряд страт австрійськими та угорськими військовими проросійських православних активістів у прифронтовій зоні. Звіти адміністрації свідчать про розширення православного руху в роки Першої світової війни та створення цілого ряду молитовних домів на всій території сучасного Закарпаття.

Ключові слова: війна, православний рух, селяни, ієромонах, репресії.

ПРАВОСЛАВНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЗАКАРПАТЬЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ю.В. Данилец

Ужгородский национальный университет

Украина, 88000, г. Ужгород, пл. Народная, 3

E-mail: jurijdanilec@rambler.ru

Авторское резюме

Рассматривается развитие православного движения на Закарпатье в годы Первой мировой войны. На основе документов проанализированы методы денационализации местного населения со стороны венгерского правительства. Греко-католическая церковь в годы войны начала вводить григорианский календарь и венгерский язык для преподавания в народных школах. Это вызвало сопротивление местного населения, стремившегося учить детей на родном языке и праздновать религиозные праздники по старому стилю. Отказ посещать униатские храмы на католические праздники приводил к репрессиям со стороны полиции и военных. Прослежены масштабы репрессий против активистов православной церкви. Они заключались в военном положении в главных центрах православного движения, в обязанности ежедневно отмечаться на жандармской станции, содержать за свой счет военные отряды в селах. Зафиксировано несколько фактов казней австрийскими и венгерскими военными пророссийских православных активистов в прифронтовой зоне. Отчеты администрации свидетельствуют о расширении православного движения в годы Первой мировой войны и создании целого ряда молитвенных домов на всей территории современного Закарпатья.

Ключевые слова: война, православное движение, крестьяне, иеромонах, репрессии.

THE ORTHODOX MOVEMENT IN TRANSCARPATHIA DURING THE YEARS OF WWI

Ju.V. Danilets

Uzhgorod National University
3 Folk square, Uzhgorod, 88000, Ukraine
E-mail: jurijdanilec@rambler.ru

Abstract

The article deals with the development of the Orthodox Movement in Transcarpathia during WWI. Based on the documents the methods of denationalization of the local population by the Hungarian government are analyzed. During the war the Greek Catholic Church began to introduce the Gregorian Calendar and Hungarian as the language of instruction in public schools. This caused resistance among the local populace who sought to have their children taught in their native language and to celebrate religious holidays according to the old style. Failure to attend the Uniate

churches during Catholic celebrations lead to repression by the police and military. The extent of repression against activists of the Orthodox Church is traced. Repression consisted of a military presence in the main centers of the Orthodox Movement, daily activities noted by the gendarmerie posts and the cost of the military detachments placed upon the villages where they were stationed. Several facts about the punishment of Russian Orthodox activists by the Austrian and Hungarian soldiers in the zone of the front lines has been recorded. Reports of the administration witness to the spread of the Orthodox Movement during the years of WWI and the creation of a whole line of prayer houses on all the territory of contemporary Transcarpathia.

Keywords: War, Orthodox Movement, Peasants, Hieromonk, Repression.

Після трагічного Другого Мараморош-Сиготського процесу, на якому було засуджено за перехід у православ'я 32 селян на чолі з ієромонахом Олексієм (Кабалюком), православний рух не припинився. Угорський уряд не досягнув того результату, на який сподівався. З початком Першої світової війни більшість православних активістів Закарпаття були поставлені під нагляд поліції. Їх викликали на допити, вони повинні були відмічатися в жандармерії, з них знущалися. Незважаючи на це, як свідчать документи архівів та спогади, селянський рух у православ'я набув більшого розмаху та поширення.

В останні роки дослідники різних країн посилили вивчення окремих аспектів історії Першої світової війни та періоду, що їй передував. З'явилося чимало нових праць з воєнної, соціально-економічної, церковної історії. На нових архівних документах переоцінено ряд важливих позицій, заповнено «білі плями» вітчизняної історії. На сторінках міжнародного історичного журналу «Русин» з'явилися публікації Ю. Данильця (Данилець 2014b: 9–21; Данилець 2014a: 249–269; Данилець 2013b: 16–31), С. Суляка (Суляк 2008a: 7–34; Суляк 2008b: 69–75; Суляк 2015: 359–369; Суляк 2016: 8–15) і М. Чучко (Чучко 2014a: 85–108; Чучко 2014b: 7–29; Чучко 2014c: 143–164; Чучко 2015: 6–28), В. Зиновьева і С. Фоминых (Зиновьев 2014: 48–61), В. Содоль (Содоль 2014: 30–46) і др. Привертають увагу колективні монографії російських дослідників «Европа и Россия в огне Первой мировой войны» (Европа 2014) і «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации» (Первая 2014). Ужгородський історик Р. Офіцинський опублікував кілька статей, присвячених закарпатській проблематиці (Офіцинський 2015a: 50–67; Офіцинський 2015b: 156–167).

У пропонованій науковій публікації ми розглянемо процес розвитку православного руху на Закарпатті в роки Першої світової війни. Окремо в історіографії так питання не ставилося, маємо тільки невеликі повідомлення в працях ієромонаха Сергія (Цьоки) (Сергий

2013), ігумена Гавриїла (Кризини) (Гавриил 1999), прот. Василя Максимишинця (Максимишинец 2004), Д. Попа і Т. Волошина (Поп 2010).

Вирок, який отримали учасники Мараморош-Сиготського процесу, був жорстокий. У фондах Національного архіву Мараморошського повіту в м. Бая-Маре нами виявлено обвинувальний судовий вирок від 3 березня 1914 р. Даний документ є дуже важливим, адже протягом 100 років він залишався поза увагою дослідників. Вирок по судовому процесу має обсяг 47 сторінок машинопису, складений на угорській мові та оформлений у вигляді брошури. Вирок складається з вступної частини, вироку та пояснення (Arhivele: 6–29).

У вступній частині, що починається словами: «Іменем його величності, короля!», перераховано склад членів суду: Аурел Товт, голова Апеляційного суду; судді Королівського трибуналу Йожеф Уйфолуші та доктор Георгій Єнеї, секретар Шандор Мезев, прокурор, заступник королівського прокурора, доктор Андор Іллеш. Потім названо прізвища адвокатів та підсудних на чолі з Олександром Кабальюком (Житіє 2001; Данилець 2013а; Разгулов 2001; Рачук 2009). Захисниками православних селян виступали: др. Артур Клайна, др. Йожеф Папп, др. Карой Шомло, др. Філіп Барна, др. Міклош Готтешман, др. Якоб Ліхтенберг, Янош Гоштюк, др. Вільгельм Імреді, др. Юлій Остерайхер, др. Йожеф Редеї, др. Золтан Ронаї, др. Лойош Баторі, др. Дьордь Яношка, др. Сілард (Коста) Хаджі, Захар Тодорович, др. Михайло Проданович та др. Янош Лаллошевич.

Відкриті засідання суду проводилися в наступні дні: 29–31 грудня 1913 р., 2–5, 10, 12–13, 15–17, 20–24, 26–31 січня, 3–7, 9–14, 16–20, 23–26 лютого та 3 березня 1914 р. (Arhivele: 6).

У другій частині – «Вирок», що має обсяг трохи більше 10 сторінок, подані короткі відомості про всіх підсудних. Вказано головні звинувачення та дії, котрі прокурор вважав злочинними. Щодо Кабальюка знаходимо наступні факти: «затриманий з 26 вересня 1913 р., 36 років, греко-католик, народжений у Ясіня, громадянин Угорщини, монах, неодружений, без майна, був солдатом 6 королівського артилерійського полку (1908–1912 pp.)» (Arhivele: 6). Його звинувачували у тому, що на території комітатів Берег, Угоча та Мараморош та в буковинській Сучаві поширював серед вірників греко-католицької церкви та русинів Угорщини брошуру «Слово православним християнам о календаре старом и новом», газети «Вера и церковь», «Русская правда», які містили молитви за чужих правителів та військо, завезені з Росії молитовники, церковні книги та ікони. У документі наведено висловлювання Кабальюка, котрі прокурор вважав злочинними та антидержавним. Серед них наступні: «греко-католицька віра зіпсована», «греко-католицькі священики тільки розважаються», «тільки російсь-

ка віра праведна», «російська православна віра краща за угорську правовірну віру, священики в Угорщині нехтують вірою, а обряди не дотримують, справжнім руським потрібно перейти до справжньої руської віри», «греко-католицька віра не є добра, бо її очільник – Папа Римський, нам, руським, така віра потрібна, як російська, бо ми руські», «попи на свою кишеню живуть, молитися не вміють, тільки розважаються, танцюють» (Arhivele: 7).

Далі у документі викладено звинувачення проти 32 осіб, котрі в підсумку отримали різні строки. Аналіз змісту вироку свідчить про те, що частина селян була затримана та утримувалася у слідчому ізоляторі з листопада 1912 р. Наведемо кілька найбільш цікавих закидів підсудним. Житель с. Липча Степан Вакаров у розмовах з односельцями говорив: «треба перейти, потрібен новий священик, у Римі зіпсували віру, підкупили людей на унію», «зруйнована віра, попи зруйнували, попи випускають з меси, виринають з книги» (Arhivele: 7). Ілля Пірчак, секретар адвоката в Мукачеві говорив «територія до Білої Тиси належала руським і можливо їх і буде, важкий час буде поки не прийдуть руські», «у православній вірі треба втриматися, бо в такому разі територія Угорщини, населена русинами відійде до руського царя», «у цьому випадку з маєтків вроді графа Шенборна будете дешевше отримувати землю» (Arhivele: 8). Іван Рейті з Арда нова заявляв, що «римським попом не треба вірити», «не вірте попу, бо він ще й у п'ятницю м'ясо їсть» (Arhivele: 9).

Згідно § 172 і 173 Карного кодексу, а також § 96 та 97 - 32 підсудних були засуджені:

Олександр Кабалюк – 4 роки 6 місяців ув'язнення та 1000 крон штрафу;

Юрій Воробчук – 1 рік 6 місяців ув'язнення, 150 крон штрафу;

мол. Дмитро Петровцій – 2 роки 6 місяців ув'язнення, 200 крон штрафу;

Олена Глушманюк – 6 місяців ув'язнення, 50 крон штрафу;

ст. Михайло Палканинець – 2 роки ув'язнення, 300 крон штрафу;

Микола Сабов – 3 роки ув'язнення, 400 крон штрафу;

Степан Кемінь – 2 роки ув'язнення, 200 крон штрафу;

Андрій Кемінь – 8 місяців ув'язнення, 100 крон штрафу;

Петро Симулик – 8 місяців ув'язнення, 100 крон штрафу;

Степан Вакаров – 2 роки ув'язнення, 300 крон штрафу;

Іван Фейсак – 8 місяців ув'язнення, 100 крон штрафу;

Ілля Пірчак – 2 роки 6 місяців ув'язнення, 300 крон штрафу;

Іван Газій – 10 місяців ув'язнення, 100 крон штрафу;

Дмитро Раяпинець – 9 місяців ув'язнення, 100 крон штрафу;

Юрій Недзбайло – 8 місяців ув'язнення, 100 крон штрафу;

Юрій Тришинець – 9 місяців ув'язнення, 100 крон штрафу;
Василь Рубіш, мол. – 9 місяців ув'язнення, 100 крон штрафу;
Іван Балог – 6 місяців ув'язнення, 50 крон штрафу;
Росоха Михайло – 1 рік ув'язнення, 100 крон штрафу;
Юрій Чопик – 1 рік і 4 місяці ув'язнення, 200 крон штрафу;
Василь Куцина – 1 рік ув'язнення, 100 крон штрафу;
Федор Мускур – 1 рік ув'язнення, 100 крон штрафу;
Микола Думніцький – 6 місяців ув'язнення, 50 крон штрафу;
Ілько Думніцький – 6 місяців ув'язнення, 50 крон штрафу;
Василина Фіцай – 6 місяців ув'язнення, 50 крон штрафу;
Юрій Ухаль – 10 місяців ув'язнення, 100 крон штрафу;
Дмитро Попович – 2 роки ув'язнення, 300 крон штрафу;
Кирило Прокоп – 1 рік, 8 місяців ув'язнення, 200 крон штрафу;
Марія Сочка (Біро) – 6 місяців ув'язнення, 50 крон штрафу;
Микола Данко – 6 місяців ув'язнення, 50 крон штрафу;
Андрій Броді – 6 місяців ув'язнення, 50 крон штрафу;
Іван Рейті – 6 місяців ув'язнення, 50 крон штрафу (Arhivele: 9).

Суд врахував термін, який засуджені пробули в ув'язненні під час слідства та звільнив внаслідок цього Івана Газія, Дмитра Ряпинця, Юрія Тришинця, мол. Василя Рубіша та Івана Балого (Arhivele: 10). Від засуджених та свідків конфіскували величезну кількість літератури, ікон, інших речей, що фігурували як докази провини та зв'язків з Росією (Arhivele: 10–11). З інших підсудних звинувачення було знято, хоч вони і просиділи під слідством різні строки.

Найбільш об'ємною є третя частина вироку – «Пояснення», що займає більше 35 аркушів. На початку цього розділу проаналізовано етапи розвитку православного руху. Окремо наголошується, що він вперше з'явився у 1903 р. в селах Іза та Великі Лучки. Влада ініціювала процеси в Мараморош-Сиготському та Берегівському королівських карних трибуналах, звинувативши селян у релігійних та антиконституційних заворушеннях (Arhivele: 12). У 1908 р. православний рух набув нових, більших форм. До нього проявили інтерес онуки Адольфа Добрянського – Олексій та Роман Геровські. У вирокі наголошувалося, що брати Геровські та граф Володимир Бобринський через Олександра Кабальюка намагалися відірвати частину угорської території на користь Росії. У другій частині «Пояснення» детально проаналізовано періодичні видання та брошури, поширення та зачитування яких суд вважав злочинним. «Слово православным христианам о календаре старом и новом» – брошура, що поширилася поміж русинами на території Березького, Угочанського та Мараморошського комітатів в 1908–1912 рр. та виступала в першу чергу проти об'єднання календарів. Королівський трибунал виділив наступні тези брошури,

що стосуються проступків відповідно § 172 п. 2 та § 173: «попи свої проступки добре знають, біда тільки в тому, що люблять гроші і за світську владу та заради грошей підуть на все», «є попи, які не йдуть проти церкви, але вони бояться, що мадяри їх розженуть», «і школу змадярюють, щоб діти тільки по угорськи вчилися і забували руську мову. Учителі, попи, єпископи підкуплені мадярськими грошами... не Богу, а мадярському уряду служать... допомагають... Християнську віру, Божу церкву, руську церкву знищувати»; «введення нового календаря тільки інструмент, яким мадяри стараються знищити руський народ»; «Вас роблять жебраками, тепер хочуть відлучити від віри, хочуть зробити католиками, щоб потім мадяризувати» (Arhivele: 14). В іншій брошурі – «Де шукати правду», авторства протоієрея Олексія Товта, згідно тексту вироку, писалося головним чином проти греко-католицької церкви та проти греко-католицьких священників. Разом з тим, автор прославляв російську православну церкву та Російську імперію. «Наступні цитати показують нападки на греко-католицьку віру та священників: «Триста років минуло, як наших предків вороги силою, обманом та всякими інтригами відірвали від прадавньої віри та церкви ...істинного світла... Ісуса Христа. З цього самого часу наш народ, віра, церква піддаються образам з боку наших ворогів». «Ті, хто повинен нас вчити і вести, ще більше вганяють нас у тьму. Наші єпископи, священники кожного дня далі йдуть і хочуть повністю зробити нас папістами та латинами». Підсумки по названій праці – «без сумніву брошура містить у собі антидержавні заклики і тому, поширення між греко-католицькими угорськими русинами викликає заворушення проти греко-католицьких священників, віри, державних установ Угорщини» (Arhivele: 14).

У тексті вироку знаходимо характеристику брошури «Боротьба за православну віру в Угорщині». Королівський суд вважав її зміст таким, що порушує закон в частині § 172 п. 2. «Ця брошура містить наступні твердження і фрази: уніатські священники прийнявши унію, продали свою віру за гроші, а тих православних священників, які цього не робили, латиняни переслідували, кидали до в'язниці – голодом мучили; латиняни переслідували православ'я і православних священників, які не хотіли бути уніатськими і таким чином припинили існування православної релігії на Угорщині» (Arhivele: 14).

Від підсудних та свідків було вилучено сотні екземплярів газет «Русская правда» та «Вера и церковь». Обидва часописи видавалися в Чернівцях братами Геровськими та були дозволені в межах Австро-Угорщини. В ході кримінального провадження поліція вилучила 58 номерів «Русской правды» та 3 номери «Вера и церковь». Після ознайомлення королівський трибунал визнав такими, що мають

дестабілізаційний вплив в Угорщині та Галичині наступні тези газет: «Мукачівський єпископ Юлій Фірцак пообіцяв угорцям, що за 40 років зітре з лиця землі руський народ в Угорщині», цей єпископ «затятий ворог і переслідувач православної віри»; «у тюрмах... для злодіїв уже немає місця, бо ці місця зайняли руські селяни»; «Топчуть нашу руську землю брудними ногами різні противники руського народу»; «Уряд нагадує руському народу, що для нього у Австрії немає місця, немає дому». Суд давав наступну оцінку вищенаведеним вилловлюванням: «Наслідки цих закликів та постійне поширення антидержавних ідей, служать формуванню віри і переконань, що русини мають не тільки національну спільність з Російською імперією, а й земля, на якій мешкають русини – руська земля, і що угорські русини не у своїй країні, а у Російській імперії можуть знайти захист та цінності» (Arhivele: 16).

Окремо у вирокі знаходимо інформацію про поширення серед селян молитовників, привезених з Росії. Їх зміст, на думку королівського суду, також підпадав під § 172 п. 2 Кримінального кодексу, бо містив молитви за російського царя, його родину та військо.

У третій частині «Пояснення» детально викладено вину кожного підсудного, на основі якої було прийнято вирок. Текст цієї частини готувався на основі свідчення самих підсудних, свідків, матеріалів слідства та інших доказів. Найбільше місця у цій частині відведено Олександру Кабалюку (ієромонаху Олексію). Він зізнався, що в 1905 р. познайомився в мешканцями м. Чернівці Олексієм та Романом Геровськими. В 1906 р. на попереднє їх запрошення поїхав до Чернівців, а звідти в Київський монастир. Звідти привіз з собою книжки релігійного змісту. Через деякий час в Сучаві, а також на угорських святах, які відвідували русини, він розповсюджував книжки, агітував людей до вступу в православну церкву. Олександр Кабалюк вів активну діяльність на святах в населених пунктах Мараморошського, Березького та Угочанського комітатів, проживав в общинах і вів активну діяльність частково сам, а частково за допомогою цілого ряду осіб. За пропозицією Олексія Геровського він вступив в Яблочинський російський монастир та декількома місяцями по тому був висвячений в сан священника. З 1908 р. по 1912 р. Кабалюк постійно розповсюджував заборонену літературу, привезену з Росії – книжки «Молитви і літургії», ікони, «Слово до істинно віруючого», журнали «Вера і Церковь» і «Русская правда» (Arhivele: 17). У Маріяповч звертався до людей з такими заявами: «Що людина тільки в тій вірі може бути, яка знаходиться в Росії, а угорська русинська віра вже зіпсована, священники багато випускають під час літургії, не надають потрібної уваги, обманюють народ, оббирають його». Королівський суд визнав

дії Олександра Кабалюка, як порушення § 172 п. 2, а також § 173. Тобто він скоїв злочин проти греко-католицької церкви і проти греко-католицького священства, і також винний в антидержавній агітації.

Зупинимося далі на інформації про кількох засуджених, котрі після Кабалюка отримали найбільші строки ув'язнення. Серед них – Микола Сабов, котрий був засуджений на 3 роки ув'язнення. Він говорив наступні слова: «священники знущаються з народу, обманюють», «греко-католицька церква не добра, православна церква чистіша». За словами свідків, М. Сабов день за днем стояв в оточенні односельців та голосно читав російські газети (Arhivele: 20).

Дмитро Петровцій, солдат імператорського, королівського піхотного полку отримав 2 роки і 6 місяців ув'язнення. Його вина полягала в тому, що підтримував зв'язки з Олексієм Геровським, привозив від нього з Чернівців брошури та газети. «У 1908–1912 рр. Дмитро Петровцій зачитував газету «Вера и Церковь» перед жителями с. Осій». На зборах в будинку Дмитра Андрішко заявив, що «папа римський не є головою церкви, вірувати треба ту релігію, у якій головами є чотири російські патріархи». На зборах біля будинку Марії Сочка Біро говорив: «греко-католицька релігія не добра, її головою є папа римський, нам, русинам, потрібна така релігія, як російська, священники тільки про те думають як наповнити шлунок та кишеню, молитися не вміють, тільки танцюють і веселяться» (Arhivele: 19).

Житель Мукачеве Ілля Пірчак (2 роки і 6 місяців ув'язнення), підтримував тісні зв'язки з Олексієм Геровським, Олександром Кабалюком та іншими активістами православного руху. Протягом 1910–1912 рр. в Мукачеві роздавав брошуру «Русская правда» жителям с. Великі Лучки. Неодноразово висловлював перед селянами наступні слова: «Беріть ці газети, багато чого навчитеся прочитавши їх, ці газети російські, як і ви є росіянами»; «ця земля була російською, і можливо знову буде»; «російський священник не краде, як той що тут, русини будуть щасливими лише тоді, коли росіяни появляться в Карпатах»; «тому треба підтримувати російську грецьку релігію, бо з цим ми досягнемо, що території Угорщини, на яких живуть русини, буде власністю російського царя, а тоді з володіння графа Шенборна, будете отримувати частини дешевше» (Arhivele: 21).

Щодо підсудних були також враховані полегшуючі та обтяжуючі обставини, що вплинули на строк ув'язнення. Було враховано несудимість більшості звинувачених, що вони діяли із-за релігійних переконань та збурюючих брошур.

Серед обтяжуючих обставин суд виділив наступні: підсудні знали, що за ними слідкують і діяли таємно; працювали на чужу державу та вели антиугорську агітацію; поширювали друковані видання у сусідніх

селах і т. д. (Arhivele: 25).

Четверта частина «Пояснення» присвячена селянам, вину яких не було доведено у суді. Іноді затримання та звинувачення базувалося лише на словах свідків, які на суді або відмовлялися від попередніх свідчень, або їх було спростовано. Наприклад, щодо Івана Поповича зазначалося, що він дійсно в 1912 р. на зборах у Дулові читав брошуру «Де треба шукати правду». Однак, через те, що на зборах були присутні лише троє селян, суд не вважав цю подію розповсюдженням. Звинувачена Анна Божук признала, що в 1910 р. розповсюджувала православну брошуру, привезену з Чернівці, але на головному засіданні відмовилася від свідчень. Іншими доказами суд не володів, а тому селянка була звільнена від звинувачень (Arhivele: 27).

У п'ятій частині «Пояснення» подано окремі факти, що були наведені адвокатами. Адвокат др. Артур Клейн просив суд викликати і вислухати як свідків афонського ченця Денасія та братів Оексія та Романа Геровських, просив отримати і прочитати на засіданні документи з судового процесу 1906 р. про заборону зміни релігії та пред'явити документи, котрі забороняють відсилати поштою газети та брошури (Arhivele: 28). Др. Карой Шомло пропонував для захисту дістати документи з хустського окружного суду (1912. В. 251), як доказ, що між звинуваченим С. Вакаров і свідком А. Штефан були ворожі стосунки, що відбулося на свідченнях останнього. Др. Вілмош Імреді пропонував заслухати свідків, які б засвідчили, що звинувачений Іван Газій не вчив дітей російських пісень. Др. Філіп Барна просив дістати книги з молитвами з греко-католицької церкви з с. Нижній Бистрий, котрі також містили молитви за російського царя. Клопотав витребувати документи з хустського окружного архіву (1853/1910), для підтвердження того, що в с. Нижній Бистрий відкривали кримінальні справи за народні збори. Др. С. Хаджі просив прослухати свідків про те, що для греко-католицької церкви також привозять молитовні книги з Росії. Др. Золтан Ронаї просив заслухати свідків, котрі б довели насилля жандармів в с. Іза. Др. Йосиф Редєї клопотав заслухати свідків, для того щоб доказати, що люди в с. Іза вихід з греко-католицької релігії робили за правилами. Наведені клопотання з боку захисту, були відкинуті королівським судом як такі, що не мали вплив на визначення важкості злочинів та потребували додаткового розслідування (Arhivele: 29).

Протягом восьми місяців, у вересні 1914 – квітні 1915 рр., Закарпаття опинилося в зоні боїв союзного австро-угорського і німецького війська з російським. Кілька разів росіяни тимчасово захоплювали загалом третину площі сучасної Закарпатської області – гірські та пригірські місцевості уздовж транспортних артерій (Офіцинський 2015а:

50). У підсумку Карпатської операції (включно з облогою Перемишля) російські війська втратили убитими, пораненими, полоненими майже 1 млн осіб, німці й австро-угорці – майже 800 тис. вояків. Згідно з військовою та соціальною статистикою 1920 р., у Першій світовій війні загинуло більше 30 тис. вихідців із Закарпаття (Офіцинський 2015а: 56). За словами Д. Попа та Т. Волошин, у березні 1915 р. Кошицький військовий трибунал засудив 800 селян з комітатів Берег, Унг і Шаріш за співпрацю з російськими військами до тривалого ув'язнення. 160 селян з мараморощських сіл були кинуті до хустської в'язниці без суду і слідства (Поп 2010: 158). Значну роль у розгортанні масових страт на Закарпатській Гуцульщині відіграв військовий суд 52 дивізії австро-угорської армії. Так, у жовтні 1914 р. в Ясіні за один тиждень було заарештовано 150 селян, з яких 65 було страчено. За цей самий період покарано на смерть п'ять осіб у Верхній Апші та Великому Бичкові (ДАЗО: 34, 43). «Вернувшись, власти стали выявлять людей, оказавших помощь или выражавших симпатии русским войскам. Боясь наказания, староста с. Вел. Бычков с несколькими жителями бежали в горы. Жандармы арестовали за "измену" их близких родственников. Всего же было арестовано около 50 человек. Многие из них оказались за решеткой, а Михаил Братаник и братья Пидмаливские повешены для устрашения» (Разгулов).

Берегівський журналіст та краєзнавець В. Разгулов в одній із публікацій наводить свідчення про с. Підполоззя на Воловеччині, яке опинилося на початку грудня 1914 – кінці січня 1915 р. в руках російських військових. «В конце января 1915 г. в село вернулись жандармы. Начались поиски сочувствующих русским. Забрали Петровича – подковывал русским коней. Забрали и Петра Доганица – показал брод через Латорицу, Ивана Чубирку-Лебака – в церкви молился за царя. Восемь человек осудил военный трибунал, каждого – на 20–25 лет тюрьмы. Всего же в округе власти отдали под суд более 800 жителей за помощь русским войскам. В Нижних Воротах, например, И. Дербаль, А. Демьян и Т. Малильо были брошены в тюрьму, а П. Куштинец казнен» (Разгулов).

Австро-угорські солдати ставилися до населення жорстоко. «Житель Иршавщины Василий Фушич вспоминал: "У нас рассказывали, как в 1915 году через наше село проходили на Восточный фронт венгерские гусары. Наши крестьяне относились к ним враждебно, отказывали им в еде, воде, сене. Гусары расстреляли в Сельце крестьянина Лупака за то, что не дал сена гусарским коням"» (Разгулов).

Положення православного руху на Закарпатті в період Першої світової війни в порівнянні з довоєнним було гірше. У цей час в с. Іза, як центрі православного руху, почалися жорстокі переслідування

православних селян. Люди, які не були взяті на війну, арештовувалися мадярської жандармерією, а інші чоловіки і жінки повинні були щодня відмічатися в жандармської канцелярії. Але, незважаючи на такі жорстокі переслідування з боку влади, православний рух в с. Ізі і її околицях міцнів і поширювався. Однією з причин були постійні зв'язки з православними Будапешта, Мішкольца та Егера, куди часто їздили йшли сповідатися, причащатися, хрестити дітей і вінчатися. Звідти вони приносили православні богослужбові книги, а також елей, антидор, ладан і т. д.

Зважаючи на те, що мадярські жандарми пильно стежили за всіма діями православних ізян, селяни збиралися на молитву не завжди в одному місці, щовечора в іншому будинку. Часто збиралися на околиці села «где в укромных, потаенных местечках – по подвалам, по сараям – за тщательно прикрытыми дверями горел свет и слышны были сдержанные голоса. У дверей таких домов всегда кто-нибудь стоял, это указывало на то, что в этом доме происходит тайное собрание православных» (Алексий 1936: 12).

Майже зразу після вироку у Мараморош-Сиготі до с. Іза повернувся ієромонах Амфілохій (Кемінь), Матфей (Вакаров) та Серафим (Бродій). За сприяння ієромонаха Олексія (Кабалюка) вони у 1911–1913 рр. навчалися у богословській школі Яблочинського монастиря Святого Онуфрія (Бельський повіт Люблінського воєводства, сучасна територія Польщі). В монастирі вони були пострижені в чернецтво та рукоположені в ієродиякони архієпископом Євлогієм (Георгієвським). 15 березня 1913 р. ієродиякони-закарпатці були направлені в розпорядження Константинопольського патріарха Германа. З благословення патріарха вони прибули на о. Халка, де ректор Халкідонської духовної академії митрополит Герман рукоположив їх в ієромонахи. Патріарх забезпечив молодих місіонерів необхідними документами, що засвідчували їх висвячення. Отримали вони також антиминоси, миро та інше церковне начиння й через Італію повернулися на Закарпаття.

27 квітня 1914 р. ієромонахи прибули в с. Іза, однак через 6 годин їх було заарештовано. Після цього шляхи молодих подвижників розходяться. Ієромонаха Амфілохія (Кемінь) було доставлено для допиту до окружного міста Хуст. Вивчивши документи ченця, поліція прийшла до висновку, що він дійсно приїхав із-за кордону, але не з Росії, а з Константинополя. Таким чином, через 21 день ієромонах Амфілохій (Кемінь) повернувся в рідне село. Щоб контролювати діяльність священика, влада поставила його на домашній арешт, змушуючи кожен день відмічатися в локтоні (жандармській станиці). У цей час о. Амфілохій духовно керує православним рухом у с. Іза

та навколишніх селах, таємно здійснює обряди вінчання, хрещення, похорону.

Це не залишилося поза увагою влади – 29 серпня 1914 р. він був заарештований і конвойований до концтабору в м. Домбрат (Угорщина). Через невеликий час увезення було замінено відправкою на фронт. Однак, медична комісія визнає його не придатним до військової служби. Тоді о. Амфілохія переводять до м. Мараморош-Сигот, де він виконував обов'язки ветеринара при військових конюшнях (Данилець 2011: 283).

На великі християнські свята йому вдавалося відпроситися на короткотермінову відпустку, яку чернець використовував для відправлення богослужінь. Саме за ці дії в січні 1915 р. ієромонаха Амфілохія було заарештовано та відправлено до Кошиць, де засуджено військовим трибуналом до чотири з половиною років ув'язнення. Пробувши в ув'язненні три з половиною роки в Кошицях, ієромонаха Амфілохія перевели в листопаді 1918 р. до тюрми в Мараморош-Сиготі, а 20 листопада – відпустили додому.

Матфей (Вакаров) після арешту провів 21 день в Марморош-Сиготській в'язниці, після чого під конвоем був відправлений в Кошиці. Гарнізонний військовий суд засудив його до 3 років тюремного ув'язнення. Гарнізонний військовий суд приговорив його до трьох місяців тюрми. Після початку військових дій з Росією, його було звільнено з-під арешту та направлено рядовим солдатом до саперного полку у м. Комарово. У першій половині серпня 1914 р. полк було відправлено на Східний фронт. Воювати проти своїх одноплемінників ієромонаху Матфею доводилося не довго. 28 жовтня 1914 р. він потрапив до російського полону (Матфей 1949: 269). Перебував у таборі військовополонених в м. Новониколаєвськ (з 1925 р. – Новосибірськ). З табору він пише листи владикам Антонію (Храповицький) та Євлогію (Георгіївський), які за посередництва обер-прокурора Святішого синоду Саблера сприяють його звільненню. За наказом церковної влади направлений на приход у Галичині (Данилець 2012: 128). Однак, з наступом австро-німецьких військ, був переведений до російської армії на посаду перекладача. До завершення війни о. Матфей перебував на румунському фронті. Після військових дій чернець проживав деякий час в Гиржавському монастирі в Бессарабії, а потім в Феофанівському під Києвом. Обслуговував с. Хотово (Список: 2). 28 березня 1919 р. він повернувся до рідного села. Ієромонах Серафим (Бродій) був мобілізований на фронт і з війни не повернувся.

В с. Іза під час війни продовжувала існувати таємна жіноча чернеча громада. Восени 1914 р. керівниця громади Юліанія Прокоп з сорат-

ниціями знову були піддані жорстоким побоям та ув'язнені в хустський в'язниці на шість тижнів. Коли російські війська зайняли Сигот, угорці залишили Хуст. Ігуменя Параскева в 1934 р. згадувала: «Изъ Хуста мадьярское войско бѣжало, даже и тюремщики не остались въ Хустѣ. О насъ трехъ забыли и оставили насъ однихъ; мы за одну недѣлю не выходили изъ тюрьмы; за это время мы, не ѣвши, не пивши, днемъ и ночью молили Господа, чтобы укрѣпилъ нашъ народъ духомъ и силой бороться за православную вѣру. Намъ удалось высвободиться изъ тюрьмы, благодаря тюремщику, который вернулся въ Хустъ. Онъ очень сочувственно отнесся къ намъ» (Іосиф 1934: 3).

Після відступу російських військ на Закарпаття знову повернулася угорська адміністрація. Протягом усього 1917 р. Юліанія Прокоп та інші дівчата мусили три рази на день відмічатися в сільській жандармерії. Закінчувалася війна, Австро-Угорщина та її союзники програвали. Угорці розпочали жорстокий терор проти всіх, хто намагався якимось чином опиратися їх режиму.

Важливі спогади ігумені Параскеви записав М. Упоринець: «Взяли нас с Михаилом и повели в казармы. Привели туда же и Михаила Симулика, у которого в то время был молитвенный дом. Тех двух побили и послали в сумасшедший дом, а меня зачали бить воловьей жилой с оловом на конце. Били по лицу и разбили в носу все косточки, а я всё стою и молчу. Один жандарм говорит: "Молчишь, подожди, змея, будешь ты у меня плакать!"...

Повалил меня на пол. Я упала на бок. Он вскочил на меня обоими ногами и я почувствовала, во в боку у меня что-то хруснуло и я застонала. "Ага, застонала". Я опять молчу. Жандарм мне кричит: "Встань!" Я встала, молчу. Он выдернул саблю и ударил меня по голове. Рассек мне голову, и из раны полилась кровь. Всё как бы закачалось вокруг меня, но я ещё стою. Повели меня к студне и зачали лить на голову воду. Тут я перестала видеть и чувствовать и упала. Отнесли меня в пивницу и зарыли в песок, только голову оставили наверху. На три дня приставили ко мне служанку, чтобы она следила по зеркалу, есть ли на нём от дыхания роса. На третий день хотели меня бросить в воду; вытягли из пивницы и стали смотреть – жива ли я ещё. Каким-то железом стали открывать мне рот и сломали зуб. От боли я как бы немного опам'ятовалася и, не глядя, ударила наотмашь рукой. Тут из головы у меня снова полила кровь и залепила мне очи: я перестала видеть и чувствовать. Отнесли меня, но теперь уж не до пивницы, а оставили на кухне. Начали делать искусственное дыхание, давали чай с ромом, очи мои промыли: на утро я уж стала видеть. Водили меня по кухне – учили ходить, поддерживая под руки.

На пятый день положили меня на носилки и отнесли к нам во

двор. Был вечер, темно, зима лютая. Положили меня во дворе около хаты и ушли. Никто не видел как меня принесли. Отец мой был тогда под оборогом, где молился. Там мы сделали такое тайное место, где всегда молились. Отец меня очень любил и всё время молился о моём спасении. Обещал, что если я буду жива, он меня Богу отдаст. Кончил отец молиться и пошёл до хаты. Когда увидел меня, подошёл и спрашивает: "Ты, дочь?"» (Упоринец).

Кровь из головы у меня всё не унималася. Отец побежал к военному доктору и привел его. Доктор посмотрел и сказал, что буду жить только три часа, потому что кость на голове разрублена и повреждена мозговая оболочка. Отец и все наши начали со слезами молиться. Я тоже молилась. Три часа прошли, я всё живу, и как бы лучше мне стало. Тогда тот доктор начал меня лечить. В носу все косточки разобрал и сложил все снова, как нужно. Стала я выздоравливать, начала ходить...» (Упоринец). Після включення Закарпаття до складу Чехословаччини Юліанія Прокоп було пострижена в чернецтво та очолила перший жіночий монастир в с. Липча. У 1947 р. перейшла з частиною сестер до Мукачівського монастиря (Данилець 2014: 150).

Під час Першої світової війни продовжився процес мадяризації та латинізації церкви. 14 червня 1916 р. на території Мукачівської та Пряшівської греко-католицьких єпархій папа поширив григоріанський календар. Головними ініціаторами цього процесу були єпископи Антоній (Папп) та Стефан (Новак) (Почему 1934: 39). За словами ієромонаха Сергія (Цюка): «Ватикан со своими наймитами, воспользовавшись отсутствием мужчин, ушедших на войну, решил сломить наши православные устои, объявив в 1916–1917 гг. введение нового стиля и латинской пасхалии в нашей церкви.

Угорські жандарми на вимогу греко-католицького духовенства насильно заганяли селян на римсько-католицьку Пасху в уніатський храм. Деяких православних мучили і всіляко знущалися над ними тільки за те, що вони не погоджувалися святкувати латинські свята. Православні селяни таємно освячували самі собі паски в церковній огорожі або ж недалеко від неї. Значна частина священників підтримували зміну календаря. Наприклад, уніатський священник Табакевич з села Нанково на Хустщині, із церковного амвона говорив, що вже ніхто не в силах змінити новий стиль, швидше за вода піде проти своєї течії, ніж повернутися в старий стиль і російські «схизматичного» свята (Сергий 2013: 174).

Одночасно з введенням греко-католиками григоріанського календаря на Закарпатті угорська влада прагнули до того, щоб ввести в школах латинський алфавіт з угорським правописом. Угорський міністр віросповідання і народної освіти видав розпорядження,

що з 1916/1917 навчального року всі шкільні підручники, а також підручники з Закону Божого, обов'язково повинні бути надруковані латинським шрифтом (Закарпатський 1948: 152). 5 серпня 1915 р. в Ужгороді була створена спеціальна комісія, на чолі якої стояв примас, який заявив, що «кирилиця в церковних книгах може довести до схизми» (Закарпатський 1948: 153).

Гоніння на православне населення Закарпаття тривали до закінчення війни. Важливий документ виявлено нами в фондах Угорського національного архіву в Будапешті. Це доповідна записка мараморошського вікарія греко-католицької єпархії до міністрів віросповідання і народної освіти, зовнішніх справ та внутрішніх справ під грифом «надзвичайно таємно». 17 грудня 1917 р. вікарій писав, що православний рух знову розпочався у селах Хустського округу: Іза, Кошельово, Липча, Кіреші, Нижнє Селище, Копашново, Горінчово, Березово. За його спостереженнями, в душі жителів цих сіл, до сих пір жили релігійні погляди і потрібна лише іскра для релігійного вибуху. «Теперішній рух є більш розширений між жінками і дітьми» (Угорський 1917: 11 зв.).

Однією з причин розширення православного руху вікарій вважав діяльність військовий православного священика Миколи Копачука, якого призначили в Хустський округ для підтримання духовного стану військових. Після його появи на Хустщині він почав контактувати з місцевими жителями. Вони їздили до нього і священик відвідував їх у селах. Вікарій звернувся до військового головнокомандувача з проханням зняти з посади Копачука, через підозру що він таємно серед греко-католицького населення розповсюджує православ'я. За словами вікарія, православного священика не усунули так швидко, як хотілось би, і ті декілька тижнів, що він був там, вистачило, щоб зробити нинішню ситуацію. Також церковний функціонер інформував, що просив військове керівництво, щоб на Мараморошині змінили слов'янські бригади на угорські (Угорський 1917: 12).

Згідно виявленого документу, жителі Марамарошу найтяжче прийняли об'єднання календарів. «Коли появились румунські солдати, а також солдати інших націй, які сповідували православну релігію і жителі бачили, що ті спокійно відмічають свята по їхньому календарю, але що було суворо заборонено жителям, звісно багато хто обурился. Вони знову почали святкувати по східному календарю. Звичайно це не можливо було робити відкрито. Багато каплиць було зроблено у людей дома, де вони проводили зібрання. Коли про ці каплиць стало відомо, там були знайдені документи і книжки російською мовою, які підтверджують, що жителі підтримували не тільки релігію, але й російського царя» (Угорський 1917: 12 зв.).

Вікарій заборонив збори у приватних будинках та святкування по старому календарю.

Таки чином, православний рух на Закарпатті в роки Першої світової війни розвивався у важких умовах політичних умов. Православних як і раніше звинувачували в русофільстві, арештовували за проросійську діяльність, страчували. Незважаючи на це, як свідчать документи архівів, в православ'я переходило все більше і більше жителів. Перший чехословацький перепис 1921 р. фіксує збільшення кількості православного населення до 60 986 чол. (Statistický 1928: XV, Данилець 2016: 147). Цей факт дає підстави стверджувати, що політика Угорщини щодо переслідування православних зазнала фіаско.

ЛІТЕРАТУРА

Алексий 1936 - *Алексий (Дехтерев), инок*. Божьи дети (страничка из истории православного движения на Карпатах) // Православный карпаторусский вестник. 1936. № 1 (4). С. 12–13.

Arhivele - Arhivele Naționale ale României, Baia Mare. Fond: Prefectura Jud. Maramures, Parcelul Inn. 1086, Nr. Artului 656. P. 6–29.

Гавриил 1999 - *Гавриил (Кризина), игумен*. Православная церковь на Закарпатье (век XX). Киев, 1999. 200 с., 4 с. ил.

Данилець 2014a - *Данилець Ю.* Антирусинский судебный процесс 1913–1914 гг. в Мараморош-Сиготе на страницах львовских газет «Дело» и «Дело и Новое слово» // Русин. 2014. № 2. С. 249–269.

Данилець 2014b - *Данилець Ю.* К истории православия в Угорской Руси накануне Первой мировой войны (по материалам американской газеты «Свѣтъ») // Русин. 2014. № 3. С. 9–21.

Данилець 2011 - *Данилець Ю.* Архімандрит Амфілохій (Кемінь) // Сповідники та подвижники православної церкви на Закарпатті в XX ст. / Авт. кол.: Ю. Данилець – голова авт. кол., архієпископ Феодор (Мамасуєв), архієпископ Антоній (Паканич), прот. О. Монич, А. Світлинець, Д. Анашкін, С. Канайло, В. Міщанин, ієромонах Пімен (Мацола), прот. В. Юрина. Ужгород, 2011. С. 281–292.

Данилець 2012 - *Данилець Ю.* Із документів особистого архіву архімандрита Матфея (Вакарова) // Русин. 2012. № 3. С. 127–140.

Данилець 2013a - *Данилець Ю.* Обраний Божим Провидінням. Життєпис преподобного Олексія Карпаторуського сповідника. Чернівці: Місто, 2013. 168 с.

Данилець 2013b - *Данилець Ю.* Переслідування русинів за віру в Австро-Угорщині напередодні Першої світової війни (до 100-річчя другого

Мараморош-Сиготського процесу 1913–1914 рр.) // Русин. 2013. № 4. С. 16–31.

Данилець 2014 - *Данилець Ю.* Сповідниця імені Христового. Життєвий шлях ігумені Параскеви (в схімі Ніни) (Прокоп) (30.04.1896–4.04.1967), настоятельки Липчанського та Мукачівського православних монастирів. Ужгород: ПП Мульти Арт, 2014. 294 с.

Данилець 2016 - *Данилець Ю.* Богословська освіта православного духовенства на Закарпатті (1910–1938 рр.) // Русин. 2016. № 1. С. 145–158. DOI: 10.17223/18572685/43/10

ДАЗО - Державний архів Закарпатської області Ф. 63. Оп. 2. Спр. 308.

Европа 2014 - Европа и Россия в огне Первой мировой войны. К 100-летию начала войны. Военная история Российского государства / Под ред. В.А. Золотарева. М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. 864 с.

Житіє 2001 - Житіє преподобного Алексія Карпаторуського, сповідника. Хуст, 2001. 32 с.

Закарпатський 1948 - *Закарпатський П.* Православна церква на Закарпатті // Православний вісник. 1948. № 5. С. 146–157.

Зиновьев 2014 - *Зиновьев В., Фоминых С.* Сибирь как стратегический ресурс России в период Первой мировой войны // Русин. 2014. № 3. С. 48–61.

Іосиф 1934 - *Іосиф В.* Живыя мощи // Русская Земля. 1934. 7 іюня. С. 2–3.

Максимишинец 2004 - *Максимишинец В., протоиерей.* История православной церкви в Карпатской Руси. Ужгород: Лира, 2004. 160 с.

Матфей 1949 - *Матфей (Вакаров), архимандрит.* Із споминів про минуле (на день свята єдності Закарпаття в православії) // Православний вісник. 1949. № 8–9. С. 266–269.

Офіцинський 2015a - *Офіцинський Р.* Перша світова війна на Закарпатті // Тисячоліття – Millennia. Ужгород: Гражда, 2015. Вип. 2. С. 50–67.

Офіцинський 2015b - *Офіцинський Р.* Ужгород у Першу світову війну // Українці й народи Центрально-Східної Європи: культура та історична спадщина / Упоряд. І. Ліхтей. Ужгород: Карпати, 2015. С. 156–167.

Первая 2014 - Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2014. 816 с.

Поп 2010 - *Поп Д., Волошин Т.* История Подкарпатской Руси через призму христианских идей. Ужгород: ПП «Повч Р.М.», 2010. 295 с.

Почему 1934 - Почему я православный. Гонение на православную веру и русский народ перед войной и во время войны // Православный русский календарь. Владимирово на Словенску, 1934. 41 с.

Разгулов - *Разгулов В.* Первая мировая война: русские войска в Карпатах. [Електронний ресурс]. URL: <http://ua-reporter.com/print/144476> (дата обращения: 21.04.2016).

Разгулов 2001 - *Разгулов В., Фролов К.* Апостол Карпатской Руси. Береговская районная типография, 2001. 92 с.

Рачук 2009 - *Рачук Г.* Путь к святости. Преподобный Алексей Карпаторусский. М.: Успенско-Казанский монастырь, 2009. 448 с.

Сергий 2013 - *Сергий (Цюка), иеромонах.* Православие и иноческая жизнь в Закарпатье в первой половине XX столетия. Хуст, 2013. 492 с.

Содоль 2014 - *Содоль В.* Благотворительная деятельность духовенства Кишиневской епархии на начальном этапе Первой мировой войны (по материалам «Кишиневских епархиальных ведомостей») // Русин. 2014. № 3. С. 30–46.

Список - Список и точное описание братии, живущих и живших в монастыре Святителя о. Николая, что при с. Иза, округа Хустского, в Карпатской Руси // Поточний архів Свято-Миколаївського чоловічого монастиря с. Іза Хустського р-ну Закарпатської області.

Statistický 1928 - *Statistický lexikon obcí v republice Československé... na základě výsledků sčítání lidu z 15. února 1921, IV: Podkarpatská Rus.* Praha, 1928. 68 с.

Суляк 2008a - *Суляк С.* Русины: уроки трагической истории // Русин. 2008. № 3–4. С. 7–34.

Суляк 2008b - *Суляк С.* Талергоф и Терезин: забытый геноцид // Русин. 2008. № 3–4. С. 69–75.

Суляк 2015 - *Суляк С.* Геноцид русинов в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Краткий обзор проблематики // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 36, is. 2. С. 359–369.

Суляк 2016 - *Суляк С., Данилец Ю. О.* Кассиан Богатырец на Втором Венском процессе // Библиотека журнала «Русин». 2016. № 1. С. 8–15. DOI: 10.17223/23451734/4/2.

Угорський 1917 - Угорський національний архів. К 26. Архів секретаріату прем'єр-міністра Угорщини. Документи релігійних рухів комітату Марамарош. № 3703/1917.

Упоринец - *Упоринец Н.* Русская вера в Карпатах. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ukrstor.com/ukrstor/uporinez_rusvera.htm (дата обращения: 22.04.2016)

Чучко 2014a - *Чучко М.* Православная церковь на Буковине во время Первой мировой войны // Русин. 2014. № 3. С. 85–108.

Чучко 2014b - *Чучко М.* Православная церковь на Буковине во время Первой мировой войны // Русин. 2014. № 4. С. 7–29.

Чучко 2014c - *Чучко М., Суляк С.* Архипресвитер Кассиан Богатырец – исследователь церковной истории Буковинской Руси // Русин. 2014. № 1. С. 143–164.

Чучко 2015 - *Чучко М., Суляк С.* История Буковинской православной епархии архипресвитера Кассиана Богатырца // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 1. С. 6–28. DOI: 10.17223/23451734/1/1

REFERENCES

Dekhterev, A. (1936) Bozh'i deti (stranichka iz istorii pravoslavnogo dvizheniya na Karpatakh) [God's Children (A page from the history of the Orthodox movement in the Carpathians)]. *Pravoslavnyy Karpatorusskiy Vestnik*. 1(4). pp. 12-13.

National Archives of Romania, Baia Mare. Fund: Prefectura Jud. Maramures, Parcelul Inn. 1086, Nr. artului 656. pp. 6-29.

Krizina, G. (1999) *Pravoslavnaya tserkov' na Zakarpat'e (vek XX)* [The Orthodox Church in Transcarpathia (the 20th century)]. Kiev: [s.n.].

Danilets, Yu. (2014a) Newspapers "Delo" and "Delo and New Slovo" as a source of history trial in Marmarosh-Sigot years 1913-1914. *Rusin*. 2. pp. 249-269 (In Russian).

Danilets, Yu. (2014b) To history of orthodoxy in Ugrian Rus on the eve of the WWI (on materials of american newspaper "Svet"). *Rusin*. 3. pp. 9-21 (In Russian).

Danilets, Yu. (2011) Arkhimandrit Amfilokhiy (Kemin') [Archimandrite Amfilohiy (Kemin')]. In: Danilets, Yu. (ed.) *Spovidniki ta Podvizhniki Pravoslavnoi Tserkvi na Zakarpatti v XX st.* [Confessor and Ascetics of the Orthodox Church in Transcarpathia in the twentieth century]. Uzhgorod: Uzhgorod National University. pp. 281-292.

Danilets, Yu. (2012) From the personal archive of documents of Archimandrite Matthew (Vakarov). *Rusin*. 3. pp. 127-140 (In Ukrainian).

Danilets, Yu. (2013a) *Obraniy Bozhim Providinnyam. Zhittepis prepodobnogo Oleksiya Karpatorus'kogo spovidnika* [Selected by Providence of God. The Biography of St. Alexis Carpathorussian, Confessor]. Chernivtsi: Misto.

Danilets, Yu. (2013b) Persecution of Ruthenians for the faith in Austria-Hungary before World War I (the 100th Anniversary of the Second Marmarosh-Sighet Trial of 1913–1914). *Rusin*. 4(34). pp. 16-31. (In Ukrainian).

Danilets, Yu. (2014c) *Spovidnitsya imeni Khristovogo. Zhitteviy shlyakh igumeni Paraskevi (v skhimi Nini) (Prokop) (30.04.1896–4.04.1967), nastoyatel'ki Lipchans'kogo ta Mukachivs'kogo pravoslavnykh monastiriv* [The Confessor of the Christ's name. The life of Mother Superior Pasraskeva (Nina) (Prokop) (April 30, 1896 – April 4, 1967), Superior of Lypchansk and Mukachevo Orthodox monasteries]. Uzhgorod: PP Mul'ti Art.

Danilets, Yu. (2016) Theological education of Orthodox Clergy in Transcarpathia (1910–1938 years). *Rusin*. 1. pp. 145-158 (In Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/43/10

The State Archives of Transcarpathian region. (DAZO) Fund 63. List 2. File 308.

Zolotarev, V.A. (ed.) (2014) *Evropa i Rossiya v ogne Pervoy mirovoy voyny. K 100-letiyu nachala voyny. Voennaya istoriya Rossiyskogo gosudarstva* [Europe and Russia in the fire of WWI. On the 100th Anniversary of the War. The Military History of Russia]. Moscow: INES, RUBIN.

Anon. (2001) *Zhitie prepodobnogo Aleksiya Karpatorus'kogo, spovidnika* [The

Life of St. Alexis [Carpathorussian, Confessor]. Khust: [s.n.].

Zakarpatskiy, P. (1948) Pravoslavna Tserkva na Zakarpatti [The Orthodox Church in Transcarpathia]. *Pravoslavniy visnik*. 5. pp. 146-157.

Zinoviev, V. & Fominykh, S. (2014) Siberia as strategic resource of Russia in the period WWI. *Rusin*. 3. pp. 48-61 (In Russian).

Iosif, V. (1934) Zhivyya moshchi [Living Relic]. *Russkaya Zemlya*. 7th June. pp. 2-3.

Maksimishinets, V. (2004) *Istoriya Pravoslavnoy Tserkvi v Karpatskoy Rusi* [The history of the Orthodox Church in the Carpathian Rus]. Uzhgorod: Lira.

Archimandrite Matthew. (1949) Iz spominiv pro minule (na den' svyata ednosti Zakarpattya v pravoslavii) [From the records of the past (on the feast of the unity of Orthodoxy in Transcarpathia)]. *Pravoslavniy visnik*. 8-9. pp. 266-269.

Ofitsinskiy, R. (2015a) Persha svitova viyna na Zakarpatti [The First World War in Transcarpathia]. In: Ofitsinskiy, R. et al. (eds) *Tisyacholittya – Millennia*. Uzhgorod: Grazhda. pp. 50-67.

Ofitsinskiy, R. (2015b) Uzhgorod u Pershu svitovu viynu [Uzhgorod in World War I]. In: Likhtey, I. (ed.) *Ukraintsi y narodi Tsentral'no-Skhidnoi Evropi: kul'tura ta istorichna spadshchina* [The Ukrainian and Peoples of Central and Eastern Europe: Culture and Historical Heritage]. Uzhgorod: Karpati. pp. 156-167.

Belousov, L.S. & Manykin, A.S. (2014) *Pervaya mirovaya voyna i sud'by evropeyskoy tsivilizatsii* [The First World War and the Fate of European Civilization]. Moscow: Moscow State University.

Pop, D. & Voloshin, T. (2010) *Istoriya Podkarpatskoy Rusi cherez prizmu khristianskikh idey* [The History of Carpathian Rus in the light of Christian ideas]. Uzhgorod: PP Povch R.M.

Anon. (1934) Pochemu ya pravoslavnyy. Gonenie na pravoslavnyuyu veru i ruskiy narod pered voynoy i vo vremya voyny [Why I am Orthodox. Persecution of the Orthodox faith and Russian people before and during the war]. In: *Pravoslavnyy Russkiy Kalendar'* [Russian Orthodox Calendar]. Vladimirovo na Slovensku.

Razgulov, V. (2013) *Pervaya mirovaya voyna: russkie voyska v Karpatakh* [The First World War: Russian troops in the Carpathians]. [Online]. Available from: <http://ua-reporter.com/print/144476> (Accessed: 21th April 2016).

Razgulov, V. & Frolov, K. (2001) *Apostol Karpatskoy Rusi* [Apostle of Carpathorussia]. Uzhgorod: Beregovskaya rayonnaya tipografiya.

Rachuk, G. (2009) *Put' k svyatosti. Prepodobnyy Aleksiyy Karpatorusskiy* [The Path to Holiness. Rev. Alexis of Carpathian Rus]. Moscow: Uspensko-Kazanskiy monastyr'.

Sergius (Tsoka), Hieromonch. (2013) *Pravoslavie i inocheskaya zhizn' v Zakarpatt'e v pervoy polovine XX stoletiya* [Orthodoxy and the Monastic Life in Transcarpathia in the early 20th century]. Khust: [s.n.].

Sodol, V. (2014) Philantropical activities of Clergy of the Archdiocese of Kishinev at the beginning of the WWI (on the "Kishinev diocesan gazette").

Rusin. 4. pp. 30-46 (In Russian).

The Current Archive of St. Nicholas Monastery of the village Iza, Khust district, Transcarpathian Region. (n.d.) *Spisok i tochnoe opisanie bratii, zhivushchikh i zhivshikh v monastyre Svyatitelya o. Nikolaya, chto pri s. Iza, okruga Khustskogo, v Karpatskoy Rusi* [A list and an accurate description of the brethren who live and lived in the monastery of St. Nicholas, the village of Iza, Khust districts, Carpathian Rus].

Czechoslovakia. (1921) *Statistical Lexicon of Municipalities in the Republic of Czechoslovakia based on the results of the census of February 15, 1921, IV: Ruthenia*. Prague. (In Czech)

Sulyak, S. (2008a) Rusyny: uroki tragicheskoy istorii [Rusyns: the lessons of tragic history]. *Rusin*. 3–4. pp. 7-34.

Sulyak, S. (2008b) Talergof i Terezin: zabytyy genotsid [Talerhof and Terezin: The forgotten genocide]. *Rusin*. 3–4. pp. 69-75.

Sulyak, S. (2015) Genocide of the Rusins in Austro-Hungary during WWI. A Short Review of the Question. *Bylye Gody*. 36 (2). pp. 359-369 (In Russian).

Sulyak, S. & Danilets, Yu.O. (2016) Father Kassian Bogatyrets at the Second Viennese Trial *Rusin Journal Library*. 1. pp. 8-15. (In Russian). DOI: 10.17223/23451734/4/2

The Hungarian National Archives. (1917) K 26. *The Archive Secretariat of the Prime Minister of Hungary. Documents religious movements comitat Maramaros*. № 3703/1917.

Uporinets, N. (n.d.) *Russkaya vera v Karpatakh* [The Russian faith in the Carpathians]. [Online]. Available from: http://www.ukrstor.com/ukrstor/uporinez_rusvera.htm (Accessed: 22th April 2016).

Chuchko, M. (2014a) Orthodox Church in Bukovina during the WWI (I). *Rusin*. 3. pp. 85-108 (In Russian).

Chuchko, M. (2014b) Orthodox Church in Bukovina during the WWI (II). *Rusin*. 4. pp. 7-29 (In Russian).

Chuchko, M. & Sulyak, S. (2014) Archpriest Kassian Bohatyrets - researcher of church history in Bukovinian Rus'. *Rusin*. 1. pp. 143-164 (In Russian).

Chuchko, M. & Sulyak, S. (2015) The History of the Bukovinian Orthodox Diocese by Archpriest Kassian Bogatyrets. *Rusin Journal Library*. 1. pp. 6-28. (In Russian). DOI: 10.17223/23451734/1/1

Данилец Юрий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета (Украина).

Данилец Юрій Васильович – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України Державного вищого навчального закладу «Ужгородський національний університет» (Ужгород, Україна).

Danilets Yuriy – Uzhhorod National University (Ukraine).

E-mail: jurijdanilec@rambler.ru

УДК 94(47)"1916/1917"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/44/10

БЕССАРАБИЯ В 1916 – НАЧАЛЕ 1917 г.: БЛИЖАЙШИЙ ТЫЛ ЮЖНОГО ФАСА ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

М.В. Оськин

Институт законоведения и управления ВПА

Россия, 300028, г. Тула, ул. Болдина, 98

E-mail: maxozv@yandex.ru

Авторское резюме

В период Первой мировой войны на Восточном фронте против Австро-Венгерской монархии действовал российский Юго-Западный фронт. В 1916 г. армии фронта совершили Брусиловский прорыв, ставший последней победой русской императорской армии. Ближайшим тылом Юго-Западного фронта являлись хлеботорговые регионы юга России, в том числе и Бессарабия. На прифронтовые губернии легла тяжелая ноша снабжения фронта. В конце 1916 г. Бессарабская губерния снабжала продовольствием Юго-Западный и новый Румынский фронт. Дополнительным бременем на Бессарабию легло снабжение продуктами румынской армии и беженцев.

Ключевые слова: Бессарабия, Брусиловский прорыв, Румынский фронт, продовольственное снабжение, хлебные заготовки.

BESSARABIA IN 1916 - EARLY 1917: THE NEAREST HOMEFRONT OF THE SOUTH FLANK OF THE EASTERN FRONT

M.V. Os'kin

Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian police
association

98 Boldina Str., Tula, 300028, Russia

Abstract

During WWI the Russian South-Western Front was against the Austro-Hungarian Monarchy on the Eastern Front. In 1916 the armies of the Front conducted the Brusilov

Offensive - the last victory of the Russian Imperial Army. The South-West Front including Bessarabia was a grain-growing region of Southern Russia. The front-line provinces had the heavy burden of providing supplies to the Front. At the end of 1916 Bessarabia was supplying food to the South West and the new Rumanian Front. An additional burden on Bessarabia was to supply food to the Rumanian army and refugees

Keywords: Bessarabia, Brusilov Breakthrough, Rumanian Front, Food Supply, Grain Procurement.

Начало Первой мировой войны 1914–1918 гг., помимо собственно военных действий, почти немедленно вызвало необходимую перестройку тыла на нужды войны. Прифронтовые губернии Российской империи, входившие в состав приграничных военных округов, оказались в статусе регионов в театре военных действий, т. е. тех местностей, где, помимо гражданских властей, определенными полномочиями обладали военные власти. Подчиняясь главным начальникам снабжений фронтов, эти регионы подвергались действию таких военных мер, как войсковые реквизиции, гужевая, подводная и прочие повинности, эвакуационные мероприятия.

Бессарабская губерния, входившая в состав Одесского военного округа, включалась в зону ответственности Юго-Западного фронта, действовавшего против Австро-Венгрии. Положительным моментом именно для Бессарабии стало то обстоятельство, что регион большей своей частью примыкал к Румынии, и лишь Хотинский уезд оказался близ линии фронта, гранича с австрийской Буковиной. Поэтому, с одной стороны, ресурсы Бессарабской губернии с самого начала войны стали активно использоваться для нужд фронта, а с другой – нависала угроза вероятной эвакуации в случае неблагоприятного хода войны. Так, 22 июля МВД разослало телеграммы киевскому генерал-губернатору и виленскому, лифляндскому, бессарабскому, ковенскому, курляндскому и эстляндскому губернаторам с разрешением «раздать населению общественные хлебные запасы» в случае вторжения неприятеля (РГИА 7: 65об.). В свою очередь, 28 июля 1914 г. сорокский исправник доносил бессарабскому губернатору, что в некоторых селениях «стали возникать толки о необходимости приготовиться к выселению ввиду предстоящих военных действий и о готовности лиц, владеющих запасами хлеба, уделить часть его неимущим». И лишь постепенно наступило успокоение (ГАРФ 1: 2). Соответственно, бессарабские губернаторы М.Э. Гильхен, а затем М.М. Воронович должны были работать совместно с военными властями, не забывая и о повседневных нуждах населения.

С объявлением мобилизации МВД, которому подчинялись гражданские власти, сделало распоряжения (циркуляр от 27 июля) об оказании помощи семьям мобилизованных. Мобилизация запасных, прошедшая накануне полевой страды, разбудила небывалый всплеск попечительства государства и общества над крестьянством (ГАРФ 2: 8). Спустя 3–4 дня после начала войны губернаторы обратились к уездным предводителям дворянства, земствам, сельским старостам и волостным старшинам с предложением организовать благотворительные сборы и помощь семьям мобилизованных «дровами, теплой одеждой, квартирами, призрения в случае нужды детей и обеспечения их заработком». Уже к началу сентября – времени отчета – были израсходованы не только первые благотворительные тысячи, но и окончена уборка полей призывников (ЦГА 2: 6–7 об.). Постепенно к делу поддержки солдатских семей подключались и прочие государственные ведомства. 4 августа 1914 г. Межведомственное совещание по продовольственному делу приостановило дело «взыскания долгов во все продовольственные источники, числящихся за призванными в войска запасными и ратниками ополчения», что 22 августа было объявлено в действующей армии. К началу войны продовольственный долг составлял свыше 300 млн руб., а после приостановки взыскания долгов поступления почти прекратились. По инициативе императора Министерство земледелия 11 августа разрешило «отпускать беднейшим семьям нижних чинов запаса и ратников ополчения, призванных на действительную военную службу, лес из валежника для топлива бесплатно, а сухостойный и растущий дровяной лес на льготных условиях» в деревне (ЦГА 2: 7 об.–8), распространив в сентябре 1915 г. это правило и на городские семьи.

Что касается частной благотворительности, то, помимо индивидуальных усилий, был организован Комитет Ее Императорского Высочества великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. На местах отделения комитета, как правило, возглавлялись губернаторами. На заседании 20 октября 1914 г. бессарабский губернатор доложил, что «после объявления мобилизации мерами на местах были произведены надлежащие обследования, все наличные семьи запасных были приведены в известность, и все имеющие по закону право удовлетворяются пособием из казны, а семьям крестьян сельские общества широко пришли на помощь уборкой хлебов и производством для них посевов» (ЦГА 1: 6). В городах было назначено каждой семье солдата пособие в размере 2,50–4,50 руб. в месяц на найм и отопление. Помимо того, «в некоторых местах города оказывают нуждающимся материальную помощь отпуском топлива

или хлеба натурой, причем внебрачные жены и их дети получают денежное вспомоществование из сумм города или пожертвования в размере казенного пайка» (ЦГА 1: 27–30). Упущение – пайковых денег не получают семьи солдат, уже состоявших в армии к началу войны. Кишиневское городское попечительство решило открыть в городе 3 столовых по 150 бесплатных обедов ежедневно, а также ясли и приюты для детей солдат. Также земства и города жертвовали немалые суммы на помощь семьям солдат.

Одной из основных задач Бессарабской губернии в военный период стало выполнение нарядов на заготовку продовольствия и фуража для фронта. Бессарабская губерния относилась к числу наиболее «хлебных» регионов Российской империи, где сельское хозяйство было сильно развито, в том числе работая и на экспорт. Средний годовой сбор зерновых в Бессарабии перед войной составлял 145 млн пуд – 6-е место в России по валовому сбору зерна и 4-е – по его производству на душу сельского населения. Впереди находились только Кубанская и Донская области, Херсонская, Самарская и Екатеринославская губернии. Объемы товарного хлеба в регионе составляли более 70 млн пуд., причем задача заготовителей облегчалась тем обстоятельством, что львиная доля товарного хлеба находилась в крупных хозяйствах, в руках помещиков (Шемяков 1963: 521–522). За заготовку хлеба в Бессарабской губернии отвечала «Организация Гербеля» – гофмейстер С.Н. Гербель стал уполномоченным Министерства земледелия в губерниях Одесского военного округа. Средние заготовительные цены из урожая 1914 г. в Бессарабской губернии: ячмень – 0,76 руб. за пуд; овес – 0,97; кукуруза – 0,74; рожь – 1,00; пшеница – 1,25; горох – 1,28; пшеничная мука – 1,50; ржаная мука – 1,15; отруби – 0,62 руб. за пуд (ГАРФ 8: 8).

В кампании 1915 г., характеризовавшейся неудачами русской армии, ввиду кризиса вооружений и начавшегося Великого отступления Бессарабия также предполагалась к эвакуации, как это было в Польше, Галиции, Белоруссии и Литве. Телеграмма главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала Н.И. Иванова от 25 июня 1915 г. предписывала Бессарабской губернии провести «немедленную уборку в пределах 100-верстной полосы от границы излишних для населения хлебов на корню (зерновых запасов фуража) и скота к Днепру в интендантские склады». Завершить данные меры предписывалось не позже 15 июля (РГВИА 3: 6–7, 13). Однако 9-я армия генерала П.А. Лечицкого сумела закрепиться в районе Черновиц в Южных Карпатах, а главный удар австро-германцы перенесли в Польшу. Поэтому непосредственная угроза губернии миновала, и эвакуация остановилась, едва успев начаться.

Все увеличивающиеся нужды фронта постепенно требовали усиления заготовок продфуража с претензией на большую часть товарного хлеба. Конечно, часть зерна шла с юга России в центральные и северные регионы, нуждавшиеся в привозном хлебе. Тем не менее 30 марта 1915 г. С.Н. Гербель телеграфировал в Отдел заготовок Министерства земледелия (Заготосель), что он рекомендует «Киевский, Одесский и Донской округа и Северный Кавказ оставить исключительно для нужд армии, исключив возможность посторонних заготовок». Помимо того, видя, в каких масштабах армия потребляет фураж, Гербель настаивал «на заготовках в больших размерах кукурузы, годной на продовольствие и корма лошадей» (РГИА 8: 115). Интересно, что Бессарабская губерния, наряду с Донской областью и Туркестаном, служила поставщиком сушеных фруктов. Если сушеные овощи заготавливались во многих регионах страны, то фрукты – лишь в нескольких. Фрукты Северного Кавказа шли на Кавказский фронт, а вот Бессарабия давала этот продукт западным фронтам. Цена сушеных фруктов в 1916 г. составила (руб. за пуд): груша – 10,5; яблоки – 12; абрикосы – 18; вишня – 22; чернослив – 26; изюм – 35; алыча – 13; слива – 23,5 (ГАРФ 6: 11).

В 1916 г., с увеличением численности армии и наступательного характера предстоящей кампании, использование ресурсов прифронтовых регионов должно было лишь усиливаться. Так, в апреле 1916 г. Подкомиссия по рассмотрению ходатайств городских и земских учреждений о выдаче ссуд на закупку предметов первой необходимости докладывала в Особое совещание по обороне государства, что «Бессарабская губерния находится на особом положении, эта губерния в значительной мере обслуживает продовольственные и фуражные нужды армии; при таких условиях возможное, вследствие недостатка сельскохозяйственных орудий, сокращение посевов представляется крайне нежелательным», а уже теперь на окопных работах находится около 72 тыс. чел. Подкомиссия просила обеспечить губернию сельскохозяйственными орудиями (РГВИА 2: 448 об.). Урожай 1916 г. в Бессарабии оказался очень неплох: 141,2 млн пудов хлебов против 159,3 в 1913 г., 128,5 – в 1914 и 130,8 в 1915 г. (Революционное 1964: 60), а потому встал вопрос его рационального использования, так как часть хлеба отправлялась в Центральную Россию.

Наступление Юго-Западного фронта в мае–октябре 1916 г., также известное как Луцкий (Брусиловский) прорыв, потребовало увеличения грузовых перевозок продфуража. Брусиловский прорыв потребовал от тыла Юго-Западного фронта напряжения всех возможностей по обеспечению действующих армий. В середине августа 1916 г. на уполномоченного по землеустройству юго-западного района

Б.Ф. Григоренко была возложена должность уполномоченного Министерства земледелия при главнокомандующем армиями Юго-Западного фронта генерале А.А. Брусилове. Григоренко должен был принимать урожай в Галиции и Буковине от организаций, закупавших хлеб в пределах этих регионов (РГИА 2: 3–4). В свою очередь теперь гофмейстер Гербель был обязан сотрудничать не только с главным начальником снабжений фронта генералом А.А. Мавриным, но и с Б.Ф. Григоренко.

С нарастанием накала военных операций, когда Луцкий прорыв приостановился под Ковелем, а прорыв к Львову не получился, ближайший тыл активно работал над задачами снабжения армии, эвакуации людей и грузов, приемом беженцев из районов, охваченных войной, исполнением различных военных повинностей (дорожная, строительная, гужевая и пр.). Население прифронтовых районов несло больше нагрузки, нежели районы глубокого тыла, причем ситуация на южном фланге усугубилась во второй половине 1916 г., с вступлением в войну Румынии на стороне Антанты.

Вступление Румынии в войну в середине августа 1916 г. неимоверно усилило нагрузку на Бессарабию, теперь оказавшуюся полностью прифронтовым районом. Через Бессарабскую губернию пошли массированные железнодорожные перевозки, усиливавшиеся с каждым месяцем. Согласно русско-румынской конвенции российская помощь новому союзнику заключалась в отправке в Добруджу русского корпуса численностью до 50 тыс. чел., снабжение которого возлагалось на организацию Гербея. Однако по мере ухудшения обстановки в Румынии с октября 1916 г. туда перебрасываются все новые и новые русские силы, к концу года составившие Румынский фронт, включавший в себя более 1 млн штыков. Иными словами, за три месяца русский контингент в Румынии увеличился на 1 млн чел. Основная тяжесть по снабжению этих войск зимой 1917 г. легла на Бессарабскую губернию.

Невзирая ни на что, заготовки хлеба в Бессарабии осенью 1916 г. проходили довольно успешно: например, в октябре 1916 г. Гербель был готов ежедневно давать армиям 340 вагонов зернофуража (РГИА 1: 127). Тогда же, для образования запасов для армий Юго-Западного фронта и Добруджанской армии в Румынии, в октябре Ставка Верховного главнокомандования запретила вывоз хлеба с правого берега Днестра: из Бессарабской, Подольской, Киевской, Херсонской и Волынской губерний плюс Екатеринославского и Верхнеднепровского уездов Екатеринославской и Днепровского уезда Таврической губерний.

Для успешной работы бессарабских мельниц, теперь работавших с максимально возможным напряжением, 7 ноября начальник канцеля-

рии ставки А.А. Лодыженский возбудил ходатайство, чтобы получить разрешение румын на вывоз нефтяных продуктов в Бессарабию, где «ощущается ныне острый недостаток в нефтяных продуктах для нужд местной промышленности» (РГИА 6: 4), хотя сами же румыны просили дать им 5 тыс. вагонов угля «ввиду недостатка топлива для румынских железных дорог, вызванного отсутствием запаса нефти в Молдавии» (ГАРФ 5: 16). Такие трения не были благом в ситуации, когда румынская армия стала терпеть крушение на фронте.

После падения Бухареста и отступления русско-румынских войск к границе вновь встал вопрос о возможности эвакуации населения, скота, зерна, сельскохозяйственных орудий и машин, правительственных учреждений, промышленных предприятий из Бессарабии. Еще в 1915 г. особая комиссия камергера Н.П. Муратова по эвакуации северной части Бессарабской губернии пришла к выводу, что местная администрация не сможет самостоятельно справиться с такой задачей. Теперь же за решение данного вопроса отвечало Особое междуведомственное совещание для ближайшего соображения вызываемых возможностью эвакуации Румынии мероприятий во главе с сенатором гофмейстером Д.И. Засядко (РГВИА 1: 6). Впрочем, фронт удалось удержать, и эвакуация опять не понадобилась.

С отступлением румын к границе с Россией и увеличением русской группировки, вскоре выросшей до трех армий и составившей новый, Румынский, фронт, положение дел со снабжением огромных масс людей ухудшилось. Во-первых, Бессарабия служила конечным отправным пунктом для войск, вступавших на территорию Румынии. То есть в Бессарабии получал питание новый миллион ртов. Во-вторых, с отступлением русско-румынских войск на северо-восток Румынии, к границе с Россией, снабжение Румынского фронта ввиду расстройств транспорта также легло в первую голову на Бессарабию, откуда только и было возможно подтянуть продфураж гужевым транспортом. Румыния была разорена, а из прочих регионов продукты следовало сначала подвезти по железной дороге. Следовательно, приоритет снабжения русских войск Румынского фронта, румынской армии и румынских беженцев – общим числом дополнительных потребителей до 2 млн чел. – лег на Бессарабию.

27 ноября 1916 г. генерал-квартирмейстер ставки генерал М.С. Пустовойтенко сообщал главному полевому интенданту генералу К.Н. Егорьеву: «Необходимо иметь в виду, что с отходом всей армии и значительной части населения в Молдавию местные средства столь быстро истощаются, что на сколько-нибудь широкое пользование ими наших войск рассчитывать нельзя» (РГВИА 4: 97). Действительно, по декабрьским нарядам на Румынский фронт Гербель должен

был погрузить 10 075 вагонов зернофуража, но недовоз составил 4 896 вагонов, или 48% (РГВИА 6: 34). В целом за декабрь 1916 г. херсонская организация Гербеля погрузила 6 217 вагонов хлеба; бессарабская – 1 804 (РГИА 3: 171–172).

Как известно, в декабре 1916 г. новый министр земледелия А.А. Риттих ввел такую закупочную систему для снабжения армии, как разверстка, от которой прифронтовые регионы, и без того с надрывом работавшие по снабжению армии, отнюдь не освобождались. Риттих согласился лишь несколько снизить задания для этих губерний. Согласно ведомости разверстки хлебов, Бессарабская губерния должна была поставить 3 424 пуда ржи, 13 109 – пшеницы, 4 986 – овса, 15 065 – ячменя, итого – 36 584 пуда хлебов. Гофмейстер Гербель отказался от принудительных методов разверстки, продолжая практику свободной покупки. На 6 февраля 1917 г. в Бессарабской губернии было закуплено 5 080 600 пудов овса (цена – 1,63 руб. за пуд), 12 738 200 ячменя (1,28), 1 919 600 ржи (1,40), 6 418 000 пшеницы (1,81), 48 000 пшеничной муки (2,06), 4 528 300 кукурузы (1,25), 4 500 пшени (2,80), 104 000 перловки (3,40), 3 000 ячневой крупы (3,40), 64 100 гороху (2,20), 18 600 фасоли и бобов (2,20), 158 804 отрубей (0,80) (ГАРФ 7: 167). Цена же травяного фуража составила: сено – 0,80 руб. за пуд и солома – 0,40 (РГВИА 7: 191).

Вторым основным продуктом, поставлявшимся армии, являлось мясо. Бессарабская губерния находилась вблизи от фронта, а потому регион поставлял не само мясо, а живой скот, шедший к войскам гоном (свинина – в консервированном виде) (ГАРФ 3: 188). В 1914–1915 гг. в Бессарабии военными властями проводились самостоятельные закупки скота, в чем им содействовали губернатор М.М. Воронович, уполномоченный Министерства земледелия по закупкам хлеба для армии К.А. Мими, уполномоченный по заготовке скота, сена и сала в Бессарабской губернии В.С. Коссович и координировавший их действия С.Н. Гербель.

С 1916 г. Министерство земледелия, стремясь сберечь отечественное животноводство от истощения, переходит к планированию поставок мясных продуктов. В 1916 г. Бессарабская губерния должна была поставить 60 тыс. голов скота, что не явилось чрезмерно тяжелой задачей. В годы войны численность крупного рогатого скота в Бессарабии не изменилась: 1914 г. – 525 тыс. голов, 1915 г. – 479 тыс., 1916 г. – 544 тыс. (114 % от 1914 г.) (Нефедов 2011: 129). Поэтому наряд на 1917 г. должен был увеличиться. Представление об этом дает Журнал Совещания уполномоченных Министерства земледелия в полосе Юго-Западного фронта 22 сентября 1916 г. в Харькове под председательством Гербеля, в район ответственности которого

именно по закупке скота для армии зимой 1917 г. входили Киевская, Подольская, Волынская, Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, Харьковская, Полтавская, Черниговская, Курская и Воронежская губернии (ГАРФ 4: 144 об.).

Представляя совещанию выработанный профессором А.Н. Челинцевым план разверстки скота на 1917 г., главноуполномоченный Министерства земледелия Н.А. Мельников привел в качестве примера именно Бессарабскую губернию. По расчетам выходило следующее: в Бессарабии насчитывалось 31 тыс. волов и 354 тыс. коров; ежегодный брак волов – 5 тыс., коров – 35 тыс., итого – 40 тыс. голов. Брак пополнялся нетелями и бычками до 1,5 лет, коих по переписи 1916 г. было 106 тыс., и свободный остаток молодняка – 66 тыс. минус 800 голов на падеж = 65 200 голов. Плюс естественный брак – 40 тыс. Следовательно, в Бессарабии можно было отчуждать 105 200 голов. Уже взяли 25 тыс. голов, значит, на 1917 г. можно было назначить наряд в 70,2 тыс. голов крупного рогатого скота (ГАРФ 4: 103).

«Момент истины» для Российской империи наступил зимой 1917 г., когда под метелями встал железнодорожный транспорт, до предела обострился продовольственный кризис и рухнула российская монархия. Большую часть продуктов на Юго-Западный и Румынский фронты давали уполномоченные губерний правого берега Днепра, объединявшиеся организацией Гербеля. Зимой 1917 г. дороги не справлялись с подвозом, и министр земледелия телеграммой от 13 февраля просил Гербеля усилить подвоз (РГИА 4: 29). В тот же день французский посол в России М. Палеолог записывал в дневнике: «Продовольственное положение в Молдавии с каждым днем ухудшается: румынская армия получает рацион ниже нормы, а гражданское население умирает от голода» (Палеолог 1991: 328). Если это и было преувеличением, то небольшим. В пределах Румынского фронта в начале 1917 г. оказалось более 900 тыс. русских солдат, румынская армия – свыше 400 тыс., беженцы – около 3,5 млн чел.

Телеграмма Брусилова министру земледелия от 17 февраля 1917 г. сообщала, что столь тяжелого положения не было с начала войны, особенно в отношении фуражного довольствия конского состава действующей армии. Недовоз в январе понизил запасы в базисных магазинах до минимума, а теперь недовоз продолжался. За первые 13 дней февраля фронту не довели 468 (20 %) вагонов муки, 71 (35 %) жиров, 2096 (45 %) зернофуража, 1122 (34 %) сена.

Между тем продолжался подвоз пополнений и 50 тыс. лошадей, «крайне нужных для приведения армий в боевую готовность». По распоряжению Риттиха 19 февраля Гербель должен был усилить подвоз фуража Юго-Западному фронту, но без ущерба снабжения

Румынского фронта. Как ни парадоксально, военные власти не смогли или не захотели помочь тылу в его усилиях. Так, 23 февраля Гаврилов сообщил Брусилову, что, «по сообщению гофмейстера Гербеля, им закуплены большие количества продуктов, но нет возможности за отсутствием лошадей и рабочих рук подвезти их к станциям, почему усердно прошу оказать Гербелю содействие путем предоставления в его распоряжение возможно большего числа автомобилей» (РГИА 4: 20, 31 – 33, 90). Однако еще 17 марта Егорьев телеграфировал Брусилову, что 6 марта он подтверждал просьбу помочь Гербелю вывезти имеющиеся у него 35 млн пудов продфуража, но Брусилов ничего не сделал до сих пор.

В свою очередь 25 января 1915 г. Гербель сообщил Егорьеву, что его организация может подать на фронт продфуража 4,5 млн пудов, хотя «Министерство произвольно увеличило наряд вдвое, что, конечно, я выполнить не могу, несмотря на все усилия» (РГВИА 5: 279). Вдобавок «по Херсонской и Бессарабской губерниям положение становится критическим; купить почти нечего. 30 млн разных грузов, уже купленных, подвезти к станциям и пристаням невозможно, ввиду мобилизации лошадей и досрочного призыва новобранцев».

Кроме того, помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта генерал В.В. Сахаров «разрешил румынам свободную покупку по всей Бессарабии всех зерновых продуктов, скота и сена. Такое распоряжение ставит в невозможность бессарабскую организацию выполнять назначенные ей заготовки, и я хочу просить министра прекратить нашу деятельность в Бессарабии, которая давала нам ежемесячно свыше 2 млн пудов» (РГВИА 5: 280). Иными словами, русское командование «рассчитывалось» с румынами. В период боев в Румынии русские войска широко пользовались румынским хлебом, так как эшелоны из России не успевали подвозить подкрепления, не говоря уже о продовольствии и фураже.

Теперь, со стабилизацией фронта, румынские представители должны были получить хлеб для своих войск и беженцев, а ближайшим районом к изголодавшимся союзникам стала как раз Бессарабия. Уже после Февральской революции румыны требовали ежедневной поставки в течение 15 дней по 6 поездов фуража, затем до 15 июля – 15 тыс. вагонов ржи, 12 тыс. зернофуража и 5 мыла, масла и проч. Иначе «в Румынии будет голод и связанные с ним болезни». Временным правительством было дано указание «удовлетворять румынские войска в мере имеющихся у нас на местах продовольственных и вещевых запасов наравне с русскими войсками, ведя отдельно учет все выданному румынам» (РГИА 5: 4–8).

Таким образом, в кампании 1916 – начала 1917 г. Бессарабская

губерния оказалась на самом остром снабжении фронта, как в 1915 г. Белоруссия. Сравнительно стабильная ситуация лета 1916 г., когда на Юго-Западный фронт работали все правобережные губернии, сменилась чрезвычайной обстановкой осени, когда создавался Румынский фронт. Военная разруха не коснулась Бессарабии непосредственно, так как враг не дошел до нее, застряв в Буковине и Северной Румынии, однако статус ближнего тыла Юго-Западного, а затем Румынского фронтов поставил регион в столь нелегкое положение, что выходить из него пришлось экстраординарными мерами.

ЛИТЕРАТУРА

- ГАРФ 1 - Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ).
Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1914. Д. 138. Ч. 7.
ГАРФ 2 - ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1914. Д. 108. Ч. 16.
ГАРФ 3 - ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 592.
ГАРФ 4 - ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 605.
ГАРФ 5 - ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 653.
ГАРФ 6 - ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 388.
ГАРФ 7 - ГАРФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 37.
ГАРФ 8 - ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 43.
Нефедов 2011 - *Нефедов С.А.* Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции. Статья вторая // *Общественные науки и современность*. 2011. № 3.
Палеолог 1991 - *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991.
Революционное 1964 - Революционное движение в 1917 году и установление советской власти в Молдавии. Кишинев, 1964.
РГВИА) 1 - Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 369. Оп. 6. Д. 281.
РГВИА 2 - РГВИА. Ф. 369. Оп. 12. Д. 6.
РГВИА 3 - РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 39.
РГВИА 4 - РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 30.
РГВИА 5 - РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 123.
РГВИА 6 - РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 131.
РГВИА 7 - РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 70.
РГИА 1 - Российский государственный исторический архив (далее – РГИА).
Ф. 273. Оп. 10. Д. 3485.
РГИА 2 - РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 201.
РГИА 3 - РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 246.
РГИА 4 - РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 579.

- РГИА 5 - РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 488.
РГИА 6 - РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1555.
РГИА 7 - РГИА. Ф. 1284. Оп. 250. Д. 44.
РГИА 8 - РГИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8.
ЦГА 1 - Центральный государственный архив Москвы (далее – ЦГА Москвы). Ф. 113. Оп. 1. Д. 42.
ЦГА 2 - ЦГА Москвы. Ф. 113. Оп. 1. Д. 172.
Шемяков 1963 - *Шемяков Д.Е.* К вопросу о товарности зернового хозяйства Бессарабии в эпоху империализма (конец XIX в. – 1917 г.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. Рига, 1963.

REFERENCES

- The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 1914. File 138. Part 7.
The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 1914. File 108. Part 16.
The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1783. List 2. File 592.
The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1783. List 2. File 605.
The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1783. List 2. File 653.
The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1797. List 1. File 388.
The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 6809. List 1. File 37.
The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 6831. List 1. File 43.
Nefedov, S.A. (2011) Uroven' potrebleniya v Rossii nachala XX veka i prichiny russkoy revolyutsii. Stat'ya vtoraya [The level of consumption in Russia in the early twentieth century and the causes of the Russian Revolution. Article Two]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 3.
Paléologue, M. (1991) *Tsarskaya Rossiya vo vremya mirovoy voyny* [The Tsarist Russia during World War II]. Translated from French. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
Aftenyuk, S.Ya., Esaulenko, A.S., Itkis, M.B., Roytman, N.D. & Shemyakov, D.E. (1964) *Revolutsionnoe dvizhenie v 1917 godu i ustanovlenie sovetskoy vlasti v Moldavii* [The revolutionary movement in 1917 and the establishment of Soviet power in Moldova]. Chisinau: Kartya moldovenyaskie.
The Russian State Military History Archives (RGVIA). Fund 369. List 6. File 281.
The Russian State Military History Archives (RGVIA). Fund 369. List 12. File 6.
The Russian State Military History Archives (RGVIA). Fund 2005. List 1. File 39.
The Russian State Military History Archives (RGVIA). Fund 2009. List 1. File 30.

The Russian State Military History Archives (RGVIA). Fund 2009. List 1. File 123.

The Russian State Military History Archives (RGVIA). Fund 2009. List 1. File 131.

The Russian State Military History Archives (RGVIA). Fund 2086. List 1. File 70.

The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 273. List 10. File 3485.

The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 456. List 1. File 201.

The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 456. List 1. File 246.

The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 456. List 1. File 579.

The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 457. List 1. File 488.

The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1276. List 12. File 1555.

The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1284. List 250. File 44.

The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 96. List 1. File 8.

The Central State Archives in Moscow (TsGA Moskvyy). Fund 113. List 1. File 42.

The Central State Archives in Moscow (TsGA Moskvyy). Fund 113. List 1. File 172.

Shemyakov, D.E. (1963) K voprosu o tovarnosti zernovogo khozyaystva Bessarabii v epokhu imperializma (konets XIX v. – 1917 g.) [On the marketability of grain in the Imperial Bessarabia (the late 19th – 1917)]. In: Yatsunskiy, V.K. (ed.) *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy 1961 g.* [The Yearbook of Agrarian History of Eastern Europe in 1961]. Riga: Academy of Sciences of Latvian SSR.

Оськин Максим Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин Института законоведения и управления ВПА (Россия).

Os'kin Maxim – Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian police association (Russia).

E-mail: maxozv@yandex.ru

УДК 94(437.6)“1914/1919”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/44/11

THE STATUS OF GREEK CATHOLIC RUSYNS IN SLOVAKIA DURING WORLD WAR I (ECONOMIC, CULTURAL AND RELIGIOUS ASPECTS)

Ja. Coranič

University of Prešov

Street of bishop Gojdič 2, 08001 Prešov, Slovak Republic

E-mail: jaroslav.coranic@unipo.sk

Abstract

Political, economic, cultural and social development of Greek Catholic Rusyns in Slovakia was greatly influenced by the events of World War I., at the end of the Austro-Hungarian Empire. The present study is devoted mainly to economic, cultural and religious aspect of that period. The poor economic situation caused the emigration of high number of population to overseas, especially to the USA. This status of one of the poorest parts of Hungary has significantly worsened after the outbreak of the World War I. The north-eastern Slovakia, inhabited mainly by Rusyns, became a place of heavy combat operations for a few months at the turn of 1914–1915. After the final retreat of the front there was desolate landscape remained, marked by military graves. A large part of the population was evacuated from threatened area. Many villages have been partially or completely burned. During the duration of World War I. this population was severely tested also in cultural and religious matters. Several proposals of the Hungarian government meant the visible interference with the Eastern tradition of the Greek Catholic Church. Gradually a number of reforms was forcibly introduced by the state authorities, such as the sacral ceremony reform, the church calendar reform, the script reform (the Cyrillic alphabet removing), the reform of education of the priests in seminaries, the reform of Order of St. Basil the Great. These reforms, however, were refused to accept by the Ruthenian Greek Catholic population. Due to the approaching end of World War I. the Hungarian government did not have enough time to undertake this reforms. Ruthenian Greek Catholic faithful in Czechoslovakia (in the Diocese of Mukachevo and Presov) decided to stay with the old Julian calendar and Cyrillic script after the collapse of Austria-Hungary in 1918. The partial improvement of the status of the Rusyns in Slovakia became after the establishment of the new Czechoslovak

state in 1918, although many of the hopes and aspirations of this nation were not fulfilled yet.

Keywords: Rusyns in Slovakia, Greek Catholic church on Slovakia, WWI, economic question, cultural-religious question.

ПОЛОЖЕНИЕ РУСИНСКИХ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКИХ ВЕРУЮЩИХ В СЛОВАКИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, КУЛЬТУРНЫЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТЫ)

Я. Цоранич

Прешевский университет

08001, Словацкая республика, г. Прешев, ул. епископа Гойдича, 2

E-mail: jaroslav.coranic@unipo.sk

Авторское резюме

Данное исследование посвящено в основном экономическому, культурному и религиозному аспектам рассматриваемого периода. Неблагополучная экономическая ситуация привела к эмиграции значительной части населения преимущественно в США. Ситуация в одном из самых бедных районов Угорской Республики значительно ухудшилась после начала Первой мировой войны. Северо-восточная область Словакии, где жили русины, стала в течение нескольких месяцев 1914–1915 гг. местом тяжелых боевых действий. После окончательного отступления фронта остались лишь разоренная земля и могилы воинов. Значительная часть населения деревень, находившихся под угрозой, была эвакуирована. Многие деревни были полностью или частично сожжены. Во время Первой мировой войны население испытывало давление со стороны греко-католической церкви. Государственные органы постепенно насильно ввели ряд реформ (например, реформу богослужебных церемоний, церковную реформу календаря и реформу письма (удаление кириллицы и ее замена латиницей)). Русинское греко-католическое население эти реформы отказалось принять. В связи с приближавшимся концом Первой мировой войны угорскому правительству не хватало достаточно времени, чтобы реализовать эти реформы. После распада Австро-Венгрии в 1918 г. русинские верующие решили остаться со старым

юлианским календарем и кириллицей (в Прешовской и Мукачевской епархии). Частичное улучшение положения русинов в Словакии наступило только после создания нового Чехословацкого государства в 1918 г., хотя многие надежды и желания народа не сбылись до сих пор.

Ключевые слова: русины в Словакии, греко-католическая церковь в Словакии, Первая мировая война, экономический вопрос, культурно-религиозный вопрос.

Economic and financial situation in regions inhabited by Rusyns significantly worsened in the last three decades of 19th century and at the beginning of 20th century. This region had been one of the poorest in the Hungarian Kingdom and it remained basically unchanged. The situation was further complicated by growing population, lack of farmland, and primarily by poorly developed industry unable to provide enough job opportunities. As a result, the end of the 19th century witnessed the emigration boom. Agricultural labourers, servants and small farmers, that is, all those hardly employable in their home country, predominated among the emigrants. Women, children and elderly people generally stayed home. In the beginning, Rusyns migrated to work only within the country, settling mostly in southern parts of the Hungarian Kingdom, in the region of Bacska /Vojvodina/ (Magocsi 2007: 61). In the late eighteen seventies the first Rusyn families started to migrate to the USA. It is estimated that roughly 150 000 Rusyns left the Hungarian Kingdom by the year 1914, and about half of them came from the Prešov region. (Magocsi 1994: 149).

Rusyn population in the north-east of Slovakia was confronted with very bleak reality in the years 1914–1918, and that was a very difficult social and economic situation. At the turn of the years 1914–1915, the North-east Slovakia, inhabited mainly by Rusyns, became for a few months a scene of heavy battles that broke out on 20 November 1914. Part of the Russian army crossed the Carpathian Pass Ruské sedlo and in a hasty attack seized the four villages Ruské, Veľká Poľana, Smolník, and Zvala. In the following days, the Russian army succeeded in taking other villages in the Cirocha river valley. Snina was seized on 23 November and Humenné on 24 November.

Only after regrouping of the Austro-Hungarian army, was this Russian offensive halted. In the end, the Russian army withdrew back to the ridges of the Carpathian Mountains after heavy fightings on 26–28 November 1914. (Buraľ 2010: 11–12). At the same time, however, the Russian army launched an attack in the area of Dukla Pass. On 30 November they took Zborov and on 1 December Bardejov, too. By the 3 December 1914 the Russian army seized one third of all villages

in Šariš county, 58 villages in Bardejov district, 60 villages in Svidník district and 7 villages in Giraltovec district (Slepčov 2005: 20).

On 8 December, before the approach of the Austro-Hungarian army, the Russian troops started the unexpected retreat from Bardejov. Even here the front line was moved to the ridges of the Carpathian Mountains. In January 1915 the Russian army fought their way back to Slovak territory for the second time in the pursuit of the Austro-Hungarian army which made a failed counter-offensive attempt. German and Austro-Hungarian armies launched a counter-offensive on 22 January 1915. The Russian troops, however, fended off the attack towards the end of January and then they seized Medzilaborce in a counter-attack through Čertižné a Habura (Kováč 2008: 57). While at the turn of the months November and December 1914 the clashes were rather light, battles in 1915 were mostly heavy artillery and trench fightings.

The turning point came with the break-through the Russian defence line, near the Polish village of Gorlice in early May. The attack of German and Austro-Hungarian troops began on 2 May. The Russian armies were forced to retreat from the Slovak territory fearing the siege. And so on 7 May 1915 the Russian troops left a few last villages in the area of the Ľupkov Pass. (Kováč: 58).

After the full retreat of the Russian army, the country was left ravaged and strewn with soldiers graves. A large part of the population was evacuated from the threatened villages. Yet many villages were partially or completely burnt down. Multiple damage was caused to the property of inhabitants not only by fighting alone, but also by retreat and movement of all the front line armies, and tactical strategies of the military command. It was mainly the Austro-Hungarian army which was forced to ravage those villages in the front line that could possibly serve as a shelter for enemy troops.

This way around twenty villages “disappeared” from the foothills of the Carpathian Mountains, which were reduced to rubble as they were almost entirely made up of wooden houses (Kováč: 176). After the Russian troops had left, the Rusyn population returned back to their devastated and burnt out villages. Because men in the most productive age were conscripted into the army, it was mostly women, children and elderly men who came back. Military mobilization of the most productive workforce showed poverty and a tragic nature of this region even more.

The forced requisitions carried out either by official local authorities or Russian forces sparked an outrage during the war.

People were forced to hand in every horse and supply the army with foodstuff. 192 bells were requisitioned from many Greek Catholic churches. The most valuable bells dated back to the 17th century

((Dubová – year 1623 a 1654, Jedľová – 1642, Jastrebo – 1645, Soboš – 1649, Borov 1651, Čičava – 1654). The heaviest requisitioned bell was a bell from the Cathedral of St. John the Baptist in Prešov and weighed 1 500 kg (other large requisitioned bells: Šumiac – 830 kg, Hostovice – 765 kg, Osadné – 587 kg, Prešov – 575 kg, Čierne – 560 kg, Torysky – 475 kg, Olšavica – 469 kg, Černina – 450 kg, Slanské Nové Mesto – 424 kg, etc.).

From the beginning of the war, prices of all goods and foods started to rise. With every day of bloody battles on the front, the numbers of widows, orphans, mutilated and dependent people increased (Lipták 1998: 55–56). Even the Greek Catholic Eparchy of Prešov was forced to take out a war loan from the state in order to cope with the difficult situation. The Eparchy, or the consecutive parishes received support from the state «project» intended for restoration of villages destroyed in war. More and more individuals applied for the state support, too.

Greek Catholic clergymen and teachers from the most affected areas of the districts of Medzilaborce, Stropkov, Humenné and Snina turned to a Zemplín county office for financial aid. The county office granted the request and 42 priests and 66 teachers were paid the compensation for the damages caused by the Russian invasion in a total sum of 40 000 krone. The most affected were the districts of Medzilaborce, where the financial aid was distributed to 19 priests (in a total sum of 11 350 K) and 31 teachers (9 050 K), and the district of Snina, where 12 priests (5 550 K) and 19 teachers (4 550 K) received the aid. 9 priests (4 350 K) and 11 teachers (3 400 K) received the compensation in the district of Stropkov and 2 priests (800 K) and 5 teachers (1 000 K) in the district of Humenné (AGAP Bežná agenda 1917: 4240).

Greek Catholic priests and teachers from other districts addressed similar requests to their consecutive county offices too, and not only in 1915 but also in the following years. The most requests came in the second half of the year 1917 and then in 1918, the last year of the war (AGAP Bežná agenda 1917: 4240).

Many Greek Catholic churches and parish buildings were damaged, or more or less destroyed during the military operations. As the individual parishes did not have sufficient financial resources to repair these church buildings, they turned with their requests directly to the Bishop's office in Prešov (AGAP Bežná agenda 1917: 1953) or to Šariš and Zemplín county offices (Štátny archív v Prešove 1917: 5226) because the eparchy did not have the necessary funds at their disposal either.

In 1915, two independent reports were compiled including data about the damaged church buildings (mainly churches and parish houses), amount of damages, and estimate of the funds needed for their repair.

Both reports were considerably undervalued, most likely to minimise possible future claims from the villages, or parishes to the state. A report compiled by the State Building Authority of Šariš county divided the sacral objects into four main categories. The first three categories included only Greek Catholic churches and parish houses, objects of other Churches were included in the fourth group.

In the first group, we can find the objects that were destroyed completely (no distinction was made into whether they were destroyed by own or the Russian army; such as churches in the following parishes: Nižná Pisaná /Alsóhimes/, Nižná Polianka /Alsópagony/, Vyšná Polianka /Felső Pagony/, Nižný Komárnik /Alsókomárnok/, Vyšný Komárnik /Felsőkomárnok/, Kurimka /Kiskurima/, Nižný Mirošov /Alsómerse/ alebo Hutka /Hutás/). The second group included all the buildings that were extensively damaged and had to be demolished either for safety reasons or because they could not be repaired. Third, and the biggest group was made up of churches damaged only partially. Every entry of this report (every church, parish house and farm building) also contained estimated total repair costs (Štátny archív v Prešove 1915: 112).

Nº	Village	Sum for a church repair (K)	Sum for a parish house repair (K)	Nº	village	Sum for a church repair (K)	Sum for parish house repair (K)
1	Andrejová	170	2 090	20	Nižný Svidník	180	–
2	Becherov	160	11 480	21	Ondavka	190	–
3	Bodružal	460	5 960	22	Pstrina	830	–
4	Cernina	670	2 690	23	Regetovka	300	–
5	Cigľa	400	–	24	Roztoky	40	–
6	Čirč	700	2 920	25	Stebník	11 000	–
7	Hrabovčík	17	3 470	26	Stročín	7 600	9 500
8	Chmeľová	1 010	4 380	27	Šarišský Štiavnik	90	2 620
9	Jurková Voľa	7 900	–	28	Šemetkovce	–	1 600
10	Kečkovce	550	4 320	29	Vápeník	370	9 200
11	Krajná Bystrá	460	6 440	30	Varadka	5 600	14 100
12	Krajna Porúbka	290	–	31	Vyškovce	280	490
13	Kružľová	30	3 430	32	Vyšná Jedľová	140	5 670
14	Ladomírová	–	19 490	33	Vyšná Pisaná	3 000	–
15	Medvedzie	480	2 600	34	Vyšná Polianka	9 000	–
16	Mlynárovce	1 350	3 900	35	Vyšný Mirošov	520	4 210
17	Niklová	770	1 830	36	Vyšný Orlík	4 300	13 410
18	Nižná Pisaná	860	20 500	37	Vyšný Svidník	1 400	13 100
19	Nižný Mirošov	1 200	–				
Total						62 317	169 400



By the end of the 19th century there were hardly any Rusyn cultural organizations and there were no publications or newspapers printed in the Prešov region. Only two educational institutions were founded here – the Greek Catholic Theological Seminary (1880) and the Teacher's Seminary (1895), although from the beginning the language of instruction used in both of the institutions was Hungarian (Šturák 1999: 32–33). The established educational system promoting the one and only, Hungarian language prevented development of new leading figures of Rusyn national revival. It also prevented building and development of national consciousness in the masses of Rusyn nationality (Magocsi 1994: 146). Rusyns started to publish their first magazine in the Prešov region *Naše otecsestvo* in 1916. This cultural weekly (published in Prešov in the years 1916–1918) was written in Rusyn, but in the Latin alphabet with Hungarian transcription. Apart from fostering the Greek Catholic faith, the purpose of the weekly was mostly to encourage the faithful in their love for the Hungarian Kingdom (Magocsi 1994: 150).

In keeping with the official magyarization policy, the Hungarian government directly interfered in a management of Greek Catholic eparchies. In 1915, the "Central Committee for Byzantine Catholic Eparchies" was established in order to help maintain, monitor and coordinate their official policy in all Greek Catholic eparchies in Hungarian Kingdom. The founding meeting took place on 27 May 1915. On that day, all Hungarian Greek Catholic bishops were invited by the Ministry of Culture and Public Education in Budapest "to discuss the defence of Greek Catholic faith and nationhood" (AGAP Prezidiálne spisy 1915: 4; AGAP Bežná agenda 1915: 704).

Primate of Hungary and Archbishop of Esztergom János Csernoch was appointed a chairman of the Committee and he also presided its meetings. A representative of the Hungarian government – the Secretary of the Ministry of Culture and Public Education, became a vice-chairman, and the Prešov, Mukachevo a Hajdúdorog eparchies had their representatives in respective subcommittees (four members for each eparchy approved by the primate).

The Central Committee eventually agreed to adopt these principal reforms:

- reform of liturgical ceremonies;
- adoption of the Gregorian calendar;
- abolition of Cyrillic alphabet;
- education reform of young priests in seminaries;
- reformation of the Order of Saint Basil the Great (Lacko 1982: 15).

One of the reforms that was met with great disapproval by the Rusyn faithful was the reform of script, that is the change of Cyrillic alphabet (azbuka) to Latin. Bishop Štefan Novák of Prešov Eparchy contributed significantly to the elimination of Cyrillic from practice, especially from schools and its replacement by Latin with Hungarian phonetics.

The Hungarian government made sure that this process was under a constant supervision, especially from the Ministry of Culture and Public Education (extensive correspondence between the two institutions). The Hungarian prime minister sent several official letters to the Prešov bishop concerning the Greek Catholic population, their education and a new concept in educating them, as early as the end of 1914. In these official letters, the prime minister wanted to specify the language education and cultural development of the Greek Catholics. The main objective was to eliminate the Cyrillic alphabet from the practice which would "prevent any possible propaganda from the hostile Russia which could result in Rusyns seceding from their home country - Hungary" (AGAP Prezidiálne spisy 1915: 2). Bishop Štefan Novák went along with this proposal and in order for the process to be put into practice, he proposed to publish new Catechism and the Holy Scripture in shortest time possible, because "it would not be possible to eliminate the Cyrillic without publishing these books printed in Latin script and without religious education in mother tongue" (AGAP Prezidiálne spisy 1915: 2).

On 9 August 1915, the Central Committee for Byzantine Catholic eparchies issued an order for the Greek Catholic bishops to implement Latin script into all church elementary schools from the school year of 1915–1916. The Ministry of Culture and Public Education took this matter even further and ordered bishop Štefan Novák to arrange that the Cyrillic would be "eliminated" not only from textbooks, but also from prayer books (AGAP Prezidiálne spisy 1915: 5). Bishop of Esztergom and the primate of Hungary established a special committee for that purpose. The committee was to prepare publishing of liturgical books for the Greek Catholic Church in Latin script (AGAP Prezidiálne spisy 1915: 10). The bishop was to follow the guidelines that the Ministry had already sent to him on 1 July 1915 – the guidelines concerned a character and phonetic transcription of Cyrillic into Hungarian alphabet, previously approved by members of the committee (AGAP Prezidiálne spisy 1915: 12). Bishop Štefan Novák took this order into account and ordered to print it out (Slovenský denník 1915: 4; Slovenské ľudové noviny 1915: 3).

Although the majority of Church hierarchy and Greek Catholic priests had already been strongly magyarized, there were still some priests and schoolmasters who did not follow this order. That was the reason why the head of Šariš county sent a letter to bishop Štefan Novák in which

he urged him to push for the change of script among his clergymen. In his letter the head of county states that the elimination of Cyrillic followed by proper patriotic education will help to increase patriotic consciousness. Elimination of "Russian alphabet" will then protect the faithful from harmful Slavic ideas (e.g. in schools various commemorations of Saints Cyril and Methodius, Saint Basil the Great or other Eastern saints were forbidden, among other things). He concludes that this goal will not be achieved unless the Greek Catholic Church cooperates with the state authorities (AGAP Prezidiálne spisy 1916: 33).

In his letter to a minister of trade, baron János Harkányi, concerning the usage of Rusyn language of instruction in church schools, bishop Štefan Novák reminds the minister a known fact that: "in schools of my eparchy I have ordered teaching in Rusyn language based on written Hungarian phonetics. For that reason it is necessary to rewrite the currently used textbooks or to have the new books printed" (AGAP Prezidiálne spisy 1916: 2). The following books in Rusyn language, but written in Latin script were to be gradually published: Šlabikár s čítankou pre III ročník (Primer with a reading-book for Year III), Obrázkový katechizmus pre III–V ročník (s prípadným liturgickým doplnkom) (The Catechism in Pictures for Year III–V (with possible liturgical supplement)), Obrázková biblia pre III–V ročník (The Bible in Pictures for Year III–V), Malý modlitebník pre IV–VI ročník (Little prayer book for Year IV–VI), Čítanka pre IV–V ročník (Reading-book for Year IV–V), Zborník pre dospelých (spevník a modlitebník zozbieraných a aj liturgických modlitieb) (Anthology for Adults (hymnbook and prayer book of collected and liturgical prayers)), Denník a ľudový kalendár (Daily and calendar) (Székely 2004: 35–36).

From the above mentioned textbooks only "Šlabikár s čítankou pre III. ročník" (Primer with a reading-book for Year III) and "Čítanka pre IV–V ročník" (Reading-book for Year IV–V) were published in the end. Both books followed the characters of Hungarian phonetics. The former was composed of two-thirds of various readings and one-third of alphabet recognition. The latter contained sections selected from Rusyn books and sections from Hungarian translations. Minister of Culture and Public Education Dr Béla Jankovich showed a personal interest in these books and prior to their publications he sent a letter to bishop Štefan Novák informing him about his position.

Particularly interesting is the closing part of the letter which reads: "Readings with religious connotation can naturally be acceptable, especially if it meant breaking away from the idea of Pan-Slavism. Poetical works of foreign Slavs are absolutely undesirable, works of local Slavic poets are acceptable provided that they are flawless from the national

standpoint or irreplaceable for their artistic value. Acceptable are also simple works of Rusyn poetry" (AGAP Prezidiálne spisy 1915: 13).

There were also other textbooks considered for publication but their final publishing and distribution was halted by several circumstances related to the war events of the First World War.

To endorse the policy of magyarization, the Hungarian government decided to print a newspaper and calendar for the Greek Catholic faithful but in Latin script. Prešov bishop Štefan Novák endorsed this initiative. He sent a letter to the prime minister István Tisza in which he notes that «omission of commonly used Cyrillic would weaken and exclude the Russian influence on our faithful and thus prevent our people from abandoning the union with Rome. It can also boost Hungarian patriotism from the religious and moral point of view» (AGAP Prezidiálne spisy 1915: 1). In January 1916 a new Greek Catholic cultural weekly *Naše otecsestvo* was founded (published in Prešov in the years 1916–1918). It was written in Rusyn, but in the Latin alphabet with Hungarian transcription. Apart from fostering the Greek Catholic faith, the purpose of the weekly was mostly to encourage the faithful in their love for the Hungarian state.

Proposals put forward by the Hungarian government (through Archbishop of Esztergom and the Central Committee for Byzantine Catholic Eparchies) concerning the publication of new liturgical books were perceived as an interference in Eastern tradition of Greek Catholic Church. János Csernoch, Archbishop of Esztergom and primate of Hungary, notified Štefan Novák in an official letter that the Central Committee was going to republish texts of liturgical books in Church Slavonic. It concerned five books: "Liturgikon" (book of divine services), "Evanjelijum" (the Gospel), "Apoštol" (Apostle (Acts of the Apostles and letters of St. Peter, Paul and Jacob)), "Euchologion" (Trebnik – service book) and "Oktoich" (osmohlasnik – contains changeable portions of canonical hours for a day of a week cycle) (AGAP Prezidiálne spisy 1915: 26).

The Central Committee raised also numerous objections concerning primarily the Byzantine-Slavic Church tradition. Namely they were various terminological objections (to replace words such as *Carja*, *so-bornaja*, *pravoslávnyj*, *ruskaja vira*, etc. with other words), or objections to paying respect to some of the Eastern Saints who were venerated by the Orthodox Church, too (e.g. St. Anton, St. Paraskiev, St. Boris and Gleb, St. Vladimir, St. Ol'ga or St. Gregory Palamas). Feast of the Protection of the Most Holy Mother of God was also unacceptable because it was considered far too pro-Russian by the Hungarian authorities. That is why the government requested to change the lyrics of songs which were sung during this holiday. They apparently insulted the national

consciousness of Magyars in Hungary. Celebration of Saints Cyril and Methodius was also deemed unacceptable because "it could grow into Slavic national holiday, which in fact is not necessary within the Hungarian territory" (AGAP Prezidiálne spisy 1915: 14–15).

Such "unsuitable" holidays were to be soon replaced by different holidays commemorating adherents of the Arpad family or some other prominent Hungarian saints (AGAP Prezidiálne spisy 1915: 30).

Adoption of the liturgical calendar reform, that is a change from the Julian to Gregorian calendar brought mostly negative feelings in the Greek Catholic Church (mainly in the Eparchy of Mukachevo and largely in the Eparchy of Prešov, too).

This proposal was approved on 9 August 1915 by the Central Committee of Byzantine Catholic Eparchies. The chairman of the Committee, Archbishop of Esztergom János Csernoch informed Greek Catholic bishops, Štefan Novák of Prešov (AGAP Prezidiálne spisy 1915: 25), Anton Papp of Mukachevo and Štefan Miklósy of Hajdúdorog and asked them to take a stand on this issue. Bishops of Prešov and Hajdúdorog replied in favour for the calendar reform. In Hajdúdorog, the clergy took a positive stand too, whereas in the Eparchy of Prešov neither clergy nor the faithful followed the example of their bishop and majority opposed the change. In the Eparchy of Mukachevo, bishop, clergy and the faithful collectively rejected the reform. On 22 June 1915, the officials of the Eparchy of Mukachevo prepared a memorandum in which they protested against the proposed change of the calendar even before it was approved. Then they delivered the memorandum to the apostolic nuncio in Vienna. After reviewing all facts, the nuncio agreed with the claims of memorandum and exercising his rights, he vetoed the government's decision. The reform had to be abandoned for some time (Lacko 1982: 15).

Although the reaction of the Eparchy of Prešov to the calendar reform was largely rejecting (AGAP Prezidiálne spisy 1916: 33), priests in some of the deaneries supported it. For instance, priests of Cserhát deanery, demanded the implementation of the reform. On 14 November 1915 they sent a letter to bishop Novák requesting him to follow an example of the Eparchy of Hajdúdorog (where the calendar reform was already implemented in autumn 1915) and make an agreement with the bishop of Mukachevo and adopt the reform.

On 4 May 1916 the Central Committee of Byzantine Catholic Eparchies held another round of talks in Nyiregyháza where the definite calendar reform was decided. The Committee informed the Apostolic nunciature in Vienna as well as the imperial court about the results (AGAP Prezidiálne spisy 1916: 34). Greek Catholic bishops also notified the prime minis-

ter. In the joint letter they expressed hope for the influential support from legislative bodies, should they need some. Since the unification of calendars had not been previously consulted with either the Holy See or the faithful, the bishops pleaded with the prime minister to support their intention through diplomatic channels, should the Holy See take an opposing stance (AGAP Vária 1910–1924: 949).

The most appropriate time for the change of the calendar came in 1916 when the Easter, the determining "date" of liturgical calendar, was celebrated on the same day according to the "old" and the "new" calendar. The Hungarian government, though, did not wait for the opinion of Rome and ordered the bishops of Mukachevo, Hajdúdorog and Prešov to implement the Gregorian calendar in their eparchies on 24 June 1916 (Nativity of Saint John the Baptist) (AGAP Bežná agenda 1916: 730). The official proclamation of the new calendar came after the release of a joint pastoral letter of the three bishops (letter was published in the newspaper *Magyar Kurir* on 23 May 1916). In the newspaper the bishops explained the scientifically verified inaccuracy of the Julian calendar and stated that its usage is "untenable on cultural level" which could result in Greek Catholics lagging behind in social area. The main drawback was asynchronism in celebration of holidays in comparison to the faithful of Latin rite. There was some degree of isolation that showed mainly in social and economic sphere of the Greek Catholics. The everyday reality, bishops claimed, for more and more Greek Catholics was loss of faith in their rite due to inconvenience of the Julian calendar. Therefore they decided to express their mutual opinion that "the Julian calendar does not represent an organic creative part that is in any way uplifting for the Greek Catholic rite and therefore any further usage of this calendar is unjustified. It is then advised to abandon the calendar for the sake of preserving loyalty to the Greek Catholic rite and for the better understanding of good and progress" (AGAP Vária 1910–1924; *Magyar Kurir* 1916: 1–2).

When introducing the calendar change, bishop Štefan Novák collaborated with the heads of respective counties who often used the state apparatus to repress any protests. Resistance of the faithful in the eparchies of Prešov and Mukachevo to the state order manifested itself in 1917. People had to be forced to celebrate Easter holiday according to the new calendar (the Easter Sunday fell on 8 April in 1917) by the police (Birčák 1938: 154–155). Similar situation repeated the following year (31 March 1918). The situation gave rise to several movements of Greek Catholics who were protesting against the transition to the Gregorian calendar. Many organisers of these movements were then subjected to criminal prosecution and some of the members were arrested (AGAP Bežná agenda 1918: 1095).

To calm the situation in his eparchy in early November 1918, bishop Štefan Novák ordered to use the Gregorian calendar as an option. According to this order, some kinds of plebiscites were held in the parishes in November and December 1918. The faithful were to decide either for the new calendar or the old one. The absolute majority of parishes in the Eparchy of Prešov rejected the new calendar and requested return to the Julian calendar.

Another interesting thing is worthy of notice in relation to these reports. The huge majority of them were recorded in Hungarian language despite the fact that the independence of the Czechoslovak republic had been proclaimed a month before (AGAP Vária 1910–1924; AGAP Bežná agenda 1918: 4122).

Return to the old calendar was carried out in the heart of the eparchy, in Prešov on 7 December 1918. Vicar General Mikuláš Russnák ordered to serve Vesper (večiereň) from 24 November and from the previous VII. ordinary tone on 8 December (AGAP Vária; Székely 2004: 55).

The end of the First World War meant that the Hungarian government did not have enough time to implement the reforms so that they became established. After the dissolution of Austro-Hungary in 1918, the faithful in a successor state of Czechoslovakia (Eparchies of Prešov and Mukachevo) decided to keep the old Julian calendar and Cyrillic script. In Hungary (the Eparchy of Hajdúdorog and since 1923 also in the newly established Apostolic Exarchate in Miskolc) the faithful opted for the Gregorian calendar and Latin script. Moreover, besides Church Slavonic, Hungarian language became another official liturgical language there.



Following the end of the First World War in November 1918 and subsequent fall of the Habsburg empire, the Slavic nationalities of the former Austro-Hungarian empire began to form their own national councils that were to decide their future. Rusyn politicians, represented mainly by emigrants residing in the USA and by Rusyns living in the Carpathian region supported either the idea of independent Rusyn state, or fully autonomous Rusyn state within larger unspecified state. Newly established government of the post-war Hungarian republic was informed about these Rusyn claims. In an effort to maintain the Rusyn territory within the borders of their state, Hungary established autonomous region *Ruská Krajina* with an administrative seat in Mukachevo in December 1918 (Magocsi 1999). At the same time (November 1918 – January 1919) Rusyn political leaders kept meeting in their councils endorsing union either with Hungary, Russia, Ukraine

or Czechoslovakia. In May 1919, the Central Rusyn National Council "Centralna rus'ka narodna rada" in Uzhhorod decided that Rusyns, inhabiting territories south of the Carpathian Mountains, would join with Czechs and Slovaks. New Czechoslovak state brought a slight improvement for Rusyns and their status in Slovakia. On the other hand, certain hopes of this nation were dashed again. Despite the original plans for federal system of government, the state adopted a centralist model with the main political and cultural centre in Prague. The question of Rusyn autonomy, which Czechoslovakia embedded in the Constitution from 29 February 1920 but never brought into effect, has become a priority in all political activities of Rusyn politicians.

REFERENCES

Archive of Greek Catholic archbishop in Presov (AGAP). (1915) Fund: Bežná agenda. Inventory number 431. Signature 704.

Archive of Greek Catholic archbishop in Presov (AGAP). (1916) Fund: Bežná agenda. Inventory number 432. Signature 704.

Archive of Greek Catholic archbishop in Presov (AGAP). (1917a) Fund: Bežná agenda. Inventory number 433. Signature 1953.

Archive of Greek Catholic archbishop in Presov (AGAP). (1917b) Fund: Bežná agenda. Inventory number 433. Signature 4240.

Archive of Greek Catholic archbishop in Presov (AGAP). (1918a) Fund: Bežná agenda. Inventory number 434. Signature 1095.

Archive of Greek Catholic archbishop in Presov (AGAP). (1918b) Fund: Bežná agenda. Inventory number 434. Signature 4122.

Archive of Greek Catholic archbishop in Presov (AGAP). (1915a) Fund: Prezidiálne spisy. Inventory number 58. Signature 1.

Archive of Greek Catholic archbishop in Presov (AGAP). (1915b) Fund: Prezidiálne spisy. Inventory number 58. Signature 2.

Archive of Greek Catholic archbishop in Presov (AGAP). (1915c) Fund: Prezidiálne spisy. Inventory number 58. Signature 4.

Archive of Greek Catholic archbishop in Presov (AGAP). (1915d) Fund: Prezidiálne spisy. Inventory number 58. Signature 5.

Archive of Greek Catholic archbishop in Presov (AGAP). (1915e) Fund: Prezidiálne spisy. Inventory number 58. Signature 10.

Archive of Greek Catholic archbishop in Presov (AGAP). (1915f) Fund: Prezidiálne spisy. Inventory number 58. Signature 12.

Archive of Greek Catholic archbishop in Presov (AGAP). (1915g) Fund: Prezidiálne spisy. Inventory number 58. Signature 13.

Archive of Greek Catholic archbishop in Presov (AGAP). (1915h) Fund: Prezidiálne spisy. Inventory number 58. Signature 25.

- Archive of Greek Catholic archbishop in Presov (AGAP).* (1915i) Fund: Prezidiálne spisy. Inventory number 58. Signature 14–15.
- Archive of Greek Catholic archbishop in Presov (AGAP).* (1915j) Fund: Prezidiálne spisy. Inventory number 58. Signature 30.
- Archive of Greek Catholic archbishop in Presov (AGAP).* (1916a) Fund: Prezidiálne spisy. Inventory number 59. Signature 2.
- Archive of Greek Catholic archbishop in Presov (AGAP).* (1916b) Fund: Prezidiálne spisy. Inventory number 59. Signature 33.
- Archive of Greek Catholic archbishop in Presov (AGAP).* (1916c) Fund: Prezidiálne spisy. Inventory number 59. Signature 34.
- Archive of Greek Catholic archbishop in Presov (AGAP).* (1910–1924) Fund: Vária – obežníky, Pastierske listy, reči. Inventory number 1275. Signature 1–3.
- The State Archive in Presov.* (1915) Fund: Šarišská župa – hlavný župan. Inventory number 173/1915. 112.
- The State Archive in Presov.* (1917) Fund: Šarišská župa – hlavný župan. Inventory number 175/1917. Signature 4665, 5256.
- Birčák, A. (1938) *Na Novych Zemľach* [On New Lands]. Lviv. pp. 154–155.
- Buraľ, M. (2010) Osem dní, ktoré otriasli Uhorskom. Zabudnuté 95. výročie bojov prvej svetovej vojny o Sninu [Eight days that shocked Hungary. The Forgotten 95th Anniversary of the Battles of World War I for Snina]. *Naša Snina*. 10. p. 11–12.
- Kováč, D. et al. (2008) *Prvá svetová vojna 1914 – 1918* [World War I of 1914–1918]. Bratislava: Veda.
- Lacko, M. (1982) Z našej minulosti: Biskup Anton Papp [From Our History: Bishop Anton Papp]. *Mária* č. 6. p. 15.
- Lipták, Ľ. (1998) *Slovensko v 20. storočí* [Slovakia in the 20th century]. Bratislava: Kalligram.
- Magocsi, P.R. (2007) *Národ znikadiaľ* [The nation from nowhere]. Prešov: Rusín a Ľudové noviny.
- Magocsi, P.R. (1994) *Rusíni na Slovensku* [The Rusyns in Slovakia]. Prešov: Rusínska obroda.
- Magocsi, P.R. (1999) Mapovanie národov bez štátu: východní Slovania v Karpatoch [Mapping the stateless nations: Eastern Slavs in the Carpathian Mountains]. *Čas a spoločnosť – The Time and Society*. 2(2).
- Magyar Kurir.* (1916) 6(2). pp. 1–2.
- Slovenský denník.* (1915) 6, 29. 9.
- Slovenské ľudové noviny.* (1915) 6, 1. 10.
- Národné noviny.* (1921) 52, 19. 10. n. 236.
- Slepcev, I. (2005) Prvá svetová vojna na východnom Slovensku v rokoch 1914–1915 [World War I in Eastern Slovakia in 1914–1915]. In: Mikita, M. (ed.) *Prvá svetová vojna. Pozabudnuté cintoríny* [World War I. The Forgotten Cemeteries]. Svidník: Regionálna rozvojová agentúra Svidník. p. 20.

Székely, P. (2004) *Biskup Dr. Štefan Novák (život a dielo)* [Bishop Dr. Stefan Novak (Life and Work)]. Prešov: GTF PU.

Šturák, P. (1999) *Dejiny gréckokatolíckej cirkvi v Československu v rokoch 1945 – 1989*. [The History of the Greek Catholic Church in Czechoslovakia in 1945 – 1989]. Prešov: Petra.

Цоранич Ярослав - кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой исторических наук греко-католического теологического факультета Прешовского университета, заместитель декана греко-католического теологического факультета по образованию и аккредитации.

Coranič Jaroslav - University of Prešov (Slovak Republic).

E-mail: jaroslav.coranic@unipo.sk

УДК 94(571.1/.5)“1915-1916”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/44/12

4-Й СИБИРСКИЙ ТОМСКИЙ ПЕРЕДОВОЙ ВРАЧЕБНО-ПИТАТЕЛЬНЫЙ ОТРЯД НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ (1915–1916 гг.)*

С.А. Некрылов, С.Ф. Фоминых

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: medicinahistory@yandex.ru

² E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Авторское резюме

В статье на основе исследовательской литературы и публикаций в томской газете «Сибирская жизнь» реконструируется история создания и деятельности 4-го Сибирского томского передового врачебно-питательного отряда на Юго-Западном фронте в 1915–1916 гг. Созданный по инициативе Сибирского общества помощи раненым и на деньги, собранные обществом в качестве пожертвований разных учреждений и частных лиц, Всероссийским союзом городов, он занимался оказанием врачебной помощи раненым воинам на фронте и улучшением общего и санитарного состояния воинских частей. Врачебная помощь, как и продовольственная, оказывалась и местному населению, в том числе и русинам. Личный состав отряда включал в основном уроженцев Томской губернии и Сибири. Общественность Томска постоянно поддерживала связь с отрядом. Неоднократно организовывался сбор пожертвований, белья, медикаментов и подарков. Делается вывод, что работа томского врачебно-питательного отряда, как и других таких же отрядов на Юго-Западном фронте, несомненно, способствовала поддержанию боеготовности воинских частей и успешному наступлению русской армии в ходе Брусиловского прорыва в 1916 г.

Ключевые слова: Первая мировая война, Юго-Западный фронт, Брусиловский прорыв, Сибирское общество помощи раненым, Томск, врачебный отряд.

* Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности», № 14.В25.31.0009 и в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

THE 4TH SIBERIAN ADVANCED MEDICAL- NUTRITIONAL DETACHMENT OF TOMSK ON THE SOUTH-WESTERN FRONT (1915–1916)*

S.A. Nekrylov¹, S.F. Fominykh²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: medicinahistory@yandex.ru

² E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru

Abstract

In the article, on the basis of research literature and publications in the Tomsk newspaper "Siberian Life", there is reconstructed the history of the creation and activity of the 4th Siberian Advanced Medical and Nutritional Detachment of Tomsk on the South-Western front in 1915-1916. Created at the initiative of the Siberian Society, which helped the wounded, the money collected from donations by various institutions and individuals, the All-Russian Union of Cities provided medical assistance to the wounded soldiers at the front and improved the overall health and sanitary conditions of military units. Medical care as well as food was provided to the local populace including the Rusins. The personnel of the detachment consisted mainly of the inhabitants of the Province of Tomsk and Siberia. The Tomsk public was kept in constant touch with the unit. It organized the collection of donations, clothes, medicines and gifts. It is concluded that the work of the Tomsk Medical and Nutritional detachment as well as other such groups at the South-Western Front undoubtedly contributed to the maintenance of the combat readiness of military units and the successful offensive of the Russian Army during the Brusilov Breakthrough in 1916.

Keywords: WWI, South-Western Front, Brusilov Breakthrough, Siberian Society of Help to the Wounded, Tomsk, Medical detachment.

В ходе Первой мировой войны, повлекшей огромное число раненых и больных среди солдат и офицеров русской армии, наряду с мерами по линии Санитарного ведомства для оказания помощи больным и раненым потребовалось привлечь общественную инициативу и благотворительность, в том числе и в Сибири. В этом важном деле участвовали как структуры Российского Красного Креста, так и

* This research was supported by the project "Man in a Changing World. Problems of identity and Social Adaptation in History and at Present" (the RF Government grant Nr. 14.B25.31.0009) and Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

различные общественные организации, занимавшиеся сбором денежных пожертвований, белья, одежды, медикаментов, инструментов, перевязочных материалов, созданием именных коек для раненых, открытием «питательных и ночлежных пунктов» по пути следования эвакуированных больных и раненых воинов и оказанием им помощи на местах, домов раненых и реабилитацией воинов после их оздоровления.

9 сентября 1914 г. в Петрограде на заседании Совета старшин Петроградского Сибирского собрания была высказана идея создать организацию, которая объединила бы усилия сибирской общественности по оказанию помощи воинам-сибирякам непосредственно на фронте. 28 сентября на квартире депутата Государственной Думы от Енисейской губернии С.В. Востротина при участии видных сибирских деятелей состоялось организационное собрание Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны (далее – Сибирское общество помощи раненым).

Уставом определялись задачи общества, в том числе устройство госпиталей и забота об эвакуированных больных и раненых воинах. Финансирование общества осуществлялось за счет членских взносов, а также пожертвований, сборов по подписным листам, доходов от устройства различного рода мероприятий (Тишкина).

Комитет Сибирского общества помощи раненым возглавил председатель Общества содействия учащимся в Петрограде сибирякам В.П. Сукачев, секретарем был избран член правления Общества изучения Сибири и улучшения ее быта И.А. Кириллов. В состав комитета из 11 человек вошел член Государственного Совета профессор Е.Л. Зубашев (Горелов 2014: 161).

Организаторы общества энергично занялись созданием местных отделов. С этой целью член Государственного Совета, бывший профессор Томского технологического института Е.Л. Зубашев, например, посетил ряд сибирских городов, в том числе и Томск.

В его задачу входило «побудить городские управления присоединиться к Всероссийскому союзу и открыть в крупных местах Западной Сибири отделения Сибирского общества для подачи помощи раненым». Уже в 1914 г. общество открыло 14 отделов, к 1 октября 1915 г. их насчитывалось 34, а в августе 1916 г. – уже 52 (Харусь 2014: 16).

Одной из важных форм деятельности Сибирского общества помощи раненым явилось создание и направление на театр военных действий врачебно-питательных отрядов.

В газете «Сибирская жизнь» за 8 ноября 1914 г. сообщалось об организации Сибирского санитарного отряда, который предполагалось уже 15–20 ноября отправить на передовые позиции на Вислу. В беседе с

корреспондентом газеты Е.Л. Зубашев сообщил, что Сибирское общество помощи раненым, не располагая необходимыми для этой цели средствами, обратилось за помощью к Всероссийскому союзу городов, который «взял на себя расходы по оборудованию (до 80 тыс. руб.) отряда и его содержание с тем, чтобы впоследствии расходы по оборудованию были возмещены обществом хотя бы в половинном размере их».

Первый Сибирский врачебно-питательный отряд в качестве уполномоченных возглавили депутат Государственной Думы от Томской губернии, профессор Н.В. Некрасов и депутат Государственной Думы от Забайкальской области, председатель Сибирской парламентской группы Н.К. Волков. Заведование хозяйственной деятельностью отряда осуществляла жена Зубашева Ольга Александровна (Тишкина 2014: 101).

К середине 1915 г. по инициативе Сибирского общества на фронте действовало уже шесть передовых врачебно-питательных отрядов (Ерёмин 2006: 203).

Основными задачами деятельности отрядов на фронте были оказание врачебной помощи раненым воинам при условии ее приближения к месту боев (поднятие раненого и наложение ему повязки в линии передовых позиций, доставка его в ближайший эвакуационный пункт и приведение раненого в состояние, позволявшее дальнейшую эвакуацию в тыл) и улучшение общего и санитарного состояния воинских частей.

Одним из таких отрядов, действовавших на Юго-Западном фронте в 1915–1916 гг., был 4-й Сибирский томский передовой врачебно-питательный отряд, организованный Томским отделением Сибирского общества помощи раненым при содействии Всероссийского союза городов по инициативе того же профессора Е.Л. Зубашева.

Идея организации отряда возникла еще в конце 1914 г. Однако осуществить ее на практике удалось лишь в мае следующего года. Задержка объяснялась отсутствием необходимых средств на приобретение оборудования (порядка 100 тыс. руб.).

К маю 1915 г. эта сумма была собрана: 40 тыс. руб. предоставил Томский отдел Сибирского общества помощи раненым, большая часть которых была получена от пожертвований разных учреждений и лиц на именные койки в передовом лазарете отряда. Всероссийский союз городов выделил 60 тыс. руб. После этого в Москве приступили к формированию отряда.

Еще в январе член Государственного Совета Е.Л. Зубашев и томский купец С.В. Горохов отказались от обязанностей уполномоченных, а вместо них на эти должности были избраны гласный Томской городской думы А.А. Евсеев и член правления Общества изучения Сибири и улучшения ее быта И.А. Кириллов (Сибирская жизнь 1).

В самом начале формирования отряда в адрес уполномоченных поступили предложения от Бийского отделения Сибирского общества помощи раненым и Императорского Вольно-экономического общества присоединить к Томскому отряду два передовых перевязочных пункта: один - имени города Бийска, другой - имени В.Я. Богучарского. В свою очередь Бийск пожертвовал 40 лошадей алтайской породы, 20 из них были с волокушным снаряжением и предназначались для перевозки раненых по горным тропам. Денежные пожертвования составили 4 500 руб.

К этой сумме Всероссийский союз городов добавил 10 тыс. руб. на закупку оборудования. Второй перевязочный отряд имени В.Я. Богучарского выделил на оборудование 15 тыс. руб. Таким образом, общее оборудование 4-го Сибирского томского передового врачебно-питательного отряда должно было обойтись в 129 500 руб. В действительности же создание отряда из-за роста к тому времени цен обошлось в 145 тыс. руб. (Сибирская жизнь 1).

Содержание отряда на фронте взял на себя Всероссийский союз городов, который обязался ежемесячно выделять 20 тыс. руб. на основной отряд и по 7 500 руб. на примкнувшие к нему передовые перевязочные пункты.

Личный состав отряда состоял в основном из уроженцев Томской губернии и Сибири. Он включал трех уполномоченных. Кроме упомянутых выше Евсеева и Кириллова, это был профессор Е.Л. Зубашев, отказавшийся выехать с отрядом на фронт «из-за недостатка времени», но согласившийся навещать его и быть представителем внутри страны. Персонал отряда состоял из двух товарищей уполномоченных, заведующего хозяйством, заведующего складом, 6 врачей (из них 2 хирурга), зубного врача, 6 фельдшериц, 22 сестер милосердия, 9 братьев милосердия, 26 студентов-санитаров, а также заведующего автомобильной колонной, 4 шоферов (один из них механик), бухгалтера и 140 нижних чинов. Старшим врачом отряда был назначен Н.С. Челнавский, заведующим хозяйством отряда - И.Л. Ярошевский, занимавший до этого должность помощника проректора Томского университета.

Среди сестер милосердия преобладали курсистки, а среди братьев милосердия и санитаров – студенты медицинского факультета (Сибирская жизнь 1).

В октябре 1916 г. старшим врачом 4-го Сибирского томского врачебно-питательного отряда был утвержден выпускник медицинского факультета Томского университета Н.М. Буторин, работавший до этого в отряде врачом-хирургом и заслуживший высокую оценку, а уполномоченным был избран начальник Томского железнодорожного телеграфа А.В. Кац (Сибирская жизнь 2).

Что касается медицинского оборудования, то отряд имел возможность развернуть в полевых условиях хирургический госпиталь на 150 тяжелораненых и до 300 легкораненых. Во время затишья на фронте госпиталь мог быть преобразован из хирургического в терапевтический. Перед отправкой отряд сумел запастись довольно полной терапевтической аптекой.

Кроме того, предвидя большую нужду на фронте в зубной помощи, отряд пригласил зубного врача вместе с оборудованным кабинетом.

При отряде имелась также санитарно-гидротехническая лаборатория, оборудованная на средства выпускников медицинского факультета Томского университета 1915 г. Ее задача заключалась в исследовании качества воды, употреблявшейся как отрядом, так местным населением (Сибирская жизнь 3).

Отряд располагал 4 походными кухнями и одной переносной плитой для приготовления пищи, 5 кипяtilьниками для воды, 2 аппаратами «Гелиос» для дезинсекции и дезинфекции белья и одежды, паровой прачечной, шорной, сапожной, портняжной, столярной и кузнечно-слесарной мастерскими, а также оборудованием для устройства бань.

Наконец, на пожертвованные Томским отделом 500 руб. была приобретена походная палатка-церковь для выполнения религиозных нужд военных чинов частей армии, обслуживаемых отрядом. Священником был приглашен о. Иоанн Крестин из Красноярска (Сибирская жизнь 3).

Транспортные средства отряда состояли из 4 автомобилей, 38 двуколок для перевозки раненых, 2 санитарных двуколок и 36 телег для перевозки груза, а также 180 лошадей (Сибирская жизнь 3).

В таком виде отряд выступил из Москвы 28 июня 1915 г., в 13.00, после напутственного молебна и речей представителей Союза городов и Сибирского общества (Сибирская жизнь 1).

В железнодорожном составе, который был подан для отправки отряда на театр военных действий, насчитывалось 32 товарных, 4 классных и 3 людских вагона. Персонал состоял из 80 классных чинов и 90 человек команды. В товарные вагоны разместили 22 лошади, а остальные 159 лошадей были отправлены к месту назначения непосредственно из Киева.

После полуторадневной остановки в Киеве отряд двумя эшелонами направился до Тарнополя (с 1944 г. Тернополь), где по предварительному соглашению с главноуполномоченным Российского общества Красного Креста сенатором Б.Е. Иваницким должен был начать свою работу на Юго-Западном фронте (Сибирская жизнь 4).

Утром 4 июля отряд прибыл в город Волочиск, откуда должен был идти походным порядком до Тарнополя. Расстояние в 44 км отрядом

было пройдено в два перехода. Уже 6 июля он расположился в заранее подготовленном под госпиталь здании местного реального училища (школы) на улице Коперника, 14 (Сибирская жизнь 1, 4).

Отряд оказался на фронте, когда на участке, закреплённом за ним, наблюдалось затишье. Он был довольно тепло встречен начальниками войсковых частей и лечебных учреждений, оказавшими всяческое содействие в размещении на месте.

После ознакомления с состоянием медицинской помощи на фронте отряд приступил к работе. Она прежде всего состояла в борьбе со вспышками холеры и желудочными заболеваниями. Для этой цели было сформировано четыре летучих врачебно-питательных пункта. В состав каждого из них входили врач, фельдшерница, несколько сестер и студентов-санитаров. При каждом передовом пункте, или летучке, были открыты небольшие полевые лазареты на 20–30 больных, которые наряду с лечением предоставляли и диетическое питание.

Когда выяснилось, что летучки оказались не в состоянии обслуживать всех больных, то по соглашению с корпусным врачом в 10 верстах от позиций, в местечке Козово, был развернут сводный передовой госпиталь, куда стали доставлять всех больных, нуждавшихся в более длительном лечении.

В первых числах августа 1915 г. уполномоченные отряда Евсеев и Кириллов направили телеграмму в адрес председателя Томского отдела Сибирского общества помощи раненым профессора Томского университета Н.Н. Топоркова, в которой сообщалось о начале работы отряда на фронте. В ней говорилось об устройстве госпиталя на 75 человек, развертывании летучек, оказании зубо врачебной и амбулаторной помощи, обследовании гидротехниками колодцев в районе расположения воинских частей, выяснении нужд местного населения в медицинской помощи и т.д. Послание в Томск заканчивалась словами «Все здоровы».

На фронт была направлена ответная телеграмма за подписью Н.Н. Топоркова следующего содержания: «Лучшие чувства томичей, лучшие пожелания принадлежат нашему отряду. Пусть любовь к страждущим будет вашим путеводителем, удача – спутницей. Бодрые, невредимые возвращайтесь в Томск и расскажите нам о ваших подвигах» (Сибирская жизнь 5).

Несмотря на некоторое затишье на фронте, только с 26 июля по 1 августа 1915 г. через лазареты-летучки и Козовский лазарет прошли 400 больных и 22 раненых, зарегистрировано 347 амбулаторных посещений, из которых около 30 % составило местное население. Таким образом, одновременно с предоставлением врачебной помо-

щи больным нижним чинам она оказывалась и местному населению (Сибирская жизнь 1).

Наряду с этим велось строительство бань, при посещении которых солдатами грязное белье заменялось чистым, а верхнее платье при помощи аппарата «Гелиос» дезинфицировалось.

Обследование сел и деревень в районе расположения отряда заставило последний оказывать помощь питанием и обедневшему местному населению, состоявшему исключительно из русинов. Причем в сутки выдавалось до 500 порций горячей пищи (Сибирская жизнь 1).

Наряду с этим отряд занимался улучшением качества местной питьевой воды. С этой целью исправлялись старые колодцы, рылись новые. Имевшиеся в составе отряда студенты-медики направлялись в окопы, где наблюдали за их санитарным состоянием. В окопах были установлены кипятильники по 20 ведер каждый.

Однако в ночь на 15 августа обслуживавшиеся отрядом воинские подразделения стали отходить на реку Стриву. Козовский лазарет, преобразованный в летучку, оправил в Тарнополь все свое оборудование. Когда в ночь на 16 августа 1915 г. русские части перешли в наступление, каждому полку было предоставлено по одной летучке с необходимым медицинским персоналом и перевязочным материалом. Уже в первый день боев на всех передовых пунктах было сделано до 1 200 перевязок как своим раненым, так и военнопленным. За это же время на санитарных двуколках было перевезено около 1 000 раненых. Тарнопольский лазарет, в котором скопилось около 800 человек, к тому времени был уже переполнен.

За время боев, продолжавшихся около двух недель, через отряд прошло 4 900 человек раненых. Было сделано около 7 тыс. перевязок, 60 разрезов и операций, с боевых позиций на двуколках отряда перевезено около 3 тыс. раненых (Сибирская жизнь 1).

Уходом за ранеными пришлось заниматься не только всему медицинскому персоналу отряда, но даже и лицам, ничего общего с медициной не имевшим. Санитары делали перевязки и вывозили раненых нередко под артиллерийским, а порой и ружейным огнем.

С отходом наших войск госпиталь из Тарнополя 19 августа был переведен в г. Скалат, где отряду пришлось заниматься также организацией питания беженцев (около 5 тыс. чел.), большинство из которых были лишены всяких средств к существованию. Помощь в этом оказал начальник Скалатского уезда граф Белевский-Жуковский, предложивший отряду 120 дойных коров и 80 для убоя из реквизированного скота в тех местах, откуда отступала русская армия. Причем большинство беженцев оказались евреями. Им пища выдавалась в сыром виде, а беднейшим - также чай и сахар. Для питания детей

была организована молочная ферма. Под руководством одной из сестер для них отпускалось в день до 25 ведер молока. Только за неделю местному населению было выдано 32 714 порций (печеный хлеб, мясо и крупа) (Сибирская жизнь 1).

В таких же формах проявлялась деятельность отряда и в последующие месяцы пребывания его на фронте.

За время работы на фронте состав отряда сильно изменился. Несколько молодых людей перешли вольноопределяющимися в артиллерию, часть возвратилась в города, откуда они прибыли, чтобы завершать высшее образование. Замена происходила за счет сибиряков, главным образом томичей.

В октябре 1915 г. передовой перевязочный отряд имени А.Я. Богучарского выделился в самостоятельный отряд под наименованием 9-го Сибирского передового врачебно-питательного отряда.

С первых же месяцев работы на фронте отряду пришлось, благодаря затишью на фронте во время зимнего и весеннего периода, уделить большое внимание банно-прачечному делу в целях гигиены личного состава и предотвращения эпидемий инфекционных заболеваний, прежде всего холеры и сыпного тифа.

Для помывки в банях нижних чинов, обслуживавшихся отрядом частей, хотя бы два раза в месяц пришлось увеличить количество бань, а для солдат, находившихся в окопах, построить бани-землянки. Они состояли из мыльной, раздевальной, склада белья и отдельной одевальной. Для нагрева такой бани устраивалась печь-каменка, в которую вделывались змеевики от бочек для нагрева воды. Холодная вода подавалась из близости вырытого колодца с помощью насоса или натаскивалась ведрами в бочку, размещенную снаружи. Из нее при помощи железных труб вода подавалась в баню. Грязная вода отводилась по закрытой кирпичной трубе на расстояние как можно далее от расположения войск.

Такая баня пропускала до 300 человек в сутки при 12-часовой работе. При каждой бане строилась камера-дезинфектор для обработки верхнего платья. Температуру такой камеры можно было поднимать до 130° с тем, чтобы в то время, когда солдаты моются в бане, их верхнее платье можно было обработать от насекомых.

В процессе работы отряду пришлось заняться и расширением мастерских. Так, мастерские от изготовления отдельных частей экипажей и повозок перешли к постройке повозок полностью. Причем стоимость такой повозки обходилась отряду в два раза дешевле по сравнению с рыночными ценами. Одновременно были расширены и слесарные мастерские. В них из оцинкованного железа изготавливались кипяtilьники вместимостью до 16 ведер. Наряду с этим

мастерские обслуживали и банно-прачечный отряд, поставляя для бань трубы, скамьи, рамы и другой необходимый инвентарь.

Трудности с поставкой белого и черного хлеба, а главное, его дороговизна заставили отряд завести собственную хлебопекарню. Это позволило выпекать хлеб гораздо лучшего качества, всегда свежий и вдвое дешевле против рыночных цен. Так, пуд белого хлеба обходился отряду около 3 руб., а пуд черного – 1 руб. 60 коп. Хлебопекарня могла выпекать в сутки до 6 тыс. полуфунтовых (200 г) булок и 70 пудов черного хлеба. Кроме того, к Рождеству, благодаря хлебопекарне, персонал, раненые и команда отряда имели сдобный хлеб, а к Пасхе – куличи собственного приготовления (Сибирская жизнь 1).

Среди нижних чинов отряда нашлось несколько человек разных профессий, оказавших отряду неоценимую помощь. Так, благодаря одному из них при отряде была устроена небольшая колбасная, которая смогла «удовлетворить и побаловать раненых и больных, а также команду отряда свежими колбасами и даже окороками». Принимались также заказы от всех лечебных заведений корпуса, для которых было изготовлено до 30 пудов колбасы. Мастер-кожевник из нижних чинов занялся выделкой сыромятной кожи, крайне необходимой в большом хозяйстве отряда для починки обуви. В итоге количество нижних чинов в отряде к середине 1916 г. пришлось увеличить до 300 чел., но и их во время интенсивных боев едва-едва хватало (Сибирская жизнь 1).

В ходе наступления Юго-Западного фронта, начавшегося в 20-х числах мая 1916 г., количества лазаретных коек, имевшихся в отряде, оказалось недостаточно. Потребовалось развертывать свой госпиталь на 800 раненых.

Подведем некоторые итоги деятельности отряда за период с июля 1915 г. по 15 июня 1916 г. В первую очередь, это медицинская помощь. С 16 июля 1915 г. по 15 мая 1916 г. через отрядный лазарет прошли 27 942 чел., амбулаторный прием был оказан 8 491 чел., зубо-врачебный кабинет посетили 4 337 чел. За этот же период было сделано 42 380 перевязок, 702 операции и разреза, 43 556 больничных дней, 4 164 прививки и 62 посещения на дому. Санитарная помощь с 15 июля 1915 г. по июнь 1916 г. выразилась в том, что в банях перемылись 160 211 чел. Кроме того, была выдана 137 441 единица белья, выстирано 154 886, продезинфицированы 99 824 единицы. Питательная помощь с 15 июля 1915 г. по июнь 1916 г. состояла в выдаче 146 042 порций горячей пищи, 138 492 порций чая, 25 474 порций молока и 71 551 порции хлеба (белого и черного) (Сибирская жизнь 1).

Общественность Томска постоянно поддерживала связь с отрядом. Неоднократно организовывался сбор пожертвований, белья, медикаментов и подарков. Так, только в январе 1916 г. от разных лиц

поступило 511 руб. 28 коп., предназначенных на именные кровати при отряде, 405 руб. 93 коп. – на нужды воинов сибирских полков, находившихся на передовых позициях, и Томского передового отряда. Всего 2 428 руб. 2 коп. (Сибирская жизнь 6).

Кружечный сбор для оказания помощи воинам, сражавшимся на фронте, а также больным и раненым воинам, выписывавшимся из госпиталей, был организован и по инициативе горного кружка при Томском технологическом институте. Часть закупленных вещей и припасов была направлена в действующую армию, в том числе и для 4-го Сибирского томского врачебно-питательного отряда (Сибирская жизнь 7).

Представители томской общественности неоднократно выезжали в расположение отряда. Так, профессор Томского университета П.Н. Лашенков побывал в отряде в октябре 1915 г., когда на фронте было затишье. Н.С. Кучашев ездил в отряд с рождественскими подарками. Отчеты о деятельности отряда заслушивались на заседании Томского отдела Сибирского общества помощи раненым (Сибирская жизнь 8).

Работа отряда получила высокую оценку со стороны воинских начальников. Так, командир одного из финляндских стрелковых полков в письме на имя уполномоченного 4-го Сибирского томского отряда в годовщину прибытия на фронт отметил «самоотверженную и патриотическую деятельность» сотрудников отряда.

В телефонограмме командира N-й финляндской стрелковой дивизии генерала В. приветствовался «весь состав 4-го Сибирского томского отряда, с пожеланием полного успеха и здоровья, столь нужных для дальнейшей трудовой деятельности по оказанию помощи раненым и больным воинам».

В письме корпусного врача N-го армейского корпуса от 10 августа 1916 г., адресованного на имя товарища уполномоченного отряда, говорилось: «Четвертый сибирский отряд <...> идя навстречу потребностям, вызываемым настоящей войной, развился и теперь являет собой мощную, сплоченную организацию, с лазаретом на 150 и более мест, с лётчиками, дезинфекционными камерами, чайными, столовыми, строительным отрядом, обслуживающим войсковые части банями и прачечной, перебивающей в неделю белье целой дивизии. Высокополезная деятельность отряда, направленная на эвакуацию раненого, на лечение как его, так и заболевшего, на питание здоровых, обмывание их и снабжение чистым бельем и т.д., словом сказать, обнимающая почти все стороны жизни воина, немало способствовала санитарному благополучию корпуса и вызывает чувство глубокой благодарности ко всему беззаветно трудящемуся персоналу отряда <...>» (Сибирская жизнь 1).

Таким образом, работа 4-го Сибирского томского врачебно-питательного отряда, как и других таких же отрядов на Юго-Западном фронте, несомненно, была направлена на поддержание боеготовности воинских частей и способствовала успешному наступлению русской армии в ходе Брусиловского прорыва в 1916 г.

ЛИТЕРАТУРА

Горелов 2014 - Горелов Ю.П., Гусева О.В., Еремин И.А., Ростов Н.Д. Западная Сибирь в мировых войнах XX века. Кн. 1: Западная Сибирь в Первой мировой войне. Барнаул: Алтайский Дом печати, 2014. 238 с.

Ерёмин 2006 - Ерёмин И.А. Забота о больных и раненых воинах в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Известия Томского политехнического института. 2006. Т. 309, № 6. С. 202–206.

Сибирская жизнь 1 - Сибирская жизнь. 1916. 15 окт.

Сибирская жизнь 2 - Сибирская жизнь. 1916. 30 окт.

Сибирская жизнь 3 - Сибирская жизнь. 1915. 2 июля.

Сибирская жизнь 4 - Сибирская жизнь. 1915. 19 сент.

Сибирская жизнь 5 - Сибирская жизнь. 1915. 8 авг.

Сибирская жизнь 6 - Сибирская жизнь. 1916. 11 февр.

Сибирская жизнь 7 - Сибирская жизнь. 1916. 19 мая.

Сибирская жизнь 8 - Сибирская жизнь. 1916. 8 марта.

Тишкина - Тишкина К.А. Деятельность Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам на фронтах Первой мировой войны. [Электронный ресурс]. URL: <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=178> (дата обращения: 1.05.2016).

Тишкина 2014 - Тишкина К.А. Роль Е.Л. Зубашева в организации отделов Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в 1914 г. // Сибирь и войны XIX–XX веков: сб. материалов междунар. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2014. С. 99–104. [Электронный ресурс]. URL: <http://sibistorik.ru/project/voyny/13-Tishkina.pdf> (дата обращения: 2.05.2016).

Харусь 2014 - Харусь О.А. СИБИРТЕТ как организационная форма актуализации региональной идентичности в условиях Первой мировой войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. 2014. № 1 (29). С. 15–23.

REFERENCES

Gorelov, Yu.P., Guseva, O.V., Eremin, I.A. & Rostov, N.D. (2014) *Zapadnaya Sibir' v mirovykh voynakh XX veka* [Western Siberia in the world wars of the twentieth

century]. Book 1. Barnaul: Altayskiy Dom pečhati.

Eremín, I.A. (2006) *Zabota o bol'nykh i ranenyykh voynakh v Zapadnoy Sibiri v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1918 gg.)* [Caring for the sick and wounded soldiers in Western Siberia in World War I (1914–1918)]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo instituta*. 309(6). pp. 202–206.

Sibirskaya zhizn'. (1916a) 15th October.

Sibirskaya zhizn'. (1916b) 30th October.

Sibirskaya zhizn'. (1915a) 2nd July.

Sibirskaya zhizn'. (1915b) 19th September.

Sibirskaya zhizn'. (1915c) 8th August.

Sibirskaya zhizn'. (1916c) 11th February.

Sibirskaya zhizn'. (1916d) 19th May.

Sibirskaya zhizn'. (1916f) 8th March.

Tishkina, K.A. (n.d.) *Deyatel'nost' Sibirskogo obshchestva podachi pomoshchi bol'nykh i ranenym voynam na frontakh Pervoy mirovoy voyny* [The activity of Siberian Society For Aid to Sick and Wounded Soldiers in World War I]. [Online]. Available from: <http://mkonf.iran.ru/papers.php?id=178> (Accessed: 1st May 2016).

Tishkina, K.A. (2014) [The role of E.L.Zubashev in the organization of branches of Society For Aid to Sick and Wounded Soldiers in 1914]. *Sibir' i voyny XIX–XX vekov* [Siberia and Wars of the 19th – 20th centuries]. Proc. of the International Research Conference. Novosibirsk. pp. 99–104. [Online]. Available from: <http://sibistorik.ru/project/voyny/13-Tishkina.pdf> (Accessed: 2nd May 2016).

Kharus, O.A. (2014) SIBIRTET as an organizational form of regional identity actualization during World War I. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki. Istoriya – University proceedings. Volga region. Humanities. History*. 1(29). pp. 15–23 (In Russian).

Некрылов Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры современной истории исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Nekrylov Sergey – Tomsk State University (Russia).

E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Фоминих Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой современной отечественной историей исторического факультета Томского государственного университета.

Fominykh Sergey – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

УДК 94(477.87)"1914/1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/44/13

ТЕМАТИКА «ВІЙНИ І МИРУ» В ЛИСТУВАННІ ТА ДІЛОВІЙ ДОКУМЕНТАЦІЇ ВАСИЛІАН УГОРСЬКОЇ РУСИ (1914–1918)

В.В. Кічера

Ужгородський національний університет
Україна, 88000, м. Ужгород, пл. Народна, 3
E-mail: vkichera@ukr.net

Авторське резюме

Чернецтво чину св. Василя Великого (ЧСВВ) за даними листування і протоколів засідань, незважаючи на досить значну інституційну замкнутість, в часи Першої світової війни намагалося приймати участь у суспільному житті. При цьому не завжди з власної волі монахи долучалися до вирішення військових проблем (надавали приміщення під госпіталь та інші військові потреби, приймали участь у державних військових кредитах, обговорювали руйнування і фінансові втрати у війні). З іншого боку існує цілий ряд документів, котрі регулювали повсякденне релігійне життя монастирів і Мукачівської греко-католицької єпархії – звільнення від постів, дарування, вирішення дисциплінарних проблем тощо.

Ключові слова: василіани, ЧсВВ, Перша світова війна, листування, греко-католицька церква.

ТЕМАТИКА «ВОЙНЫ И МИРА» В ПЕРЕПИСКЕ И ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ВАСИЛИАН УГОРСКОЙ РУСИ (1914–1918)

В.В. Кичера

Ужгородский национальный университет
Украина, 88000, г. Ужгород, пл. Народная, 3
E-mail: vkichera@ukr.net

Авторское резюме

Монашество ордена св. Василия Великого, по данным переписки и протоколов заседаний, несмотря на довольно значительную институ-

циональную замкнутость, во времена Первой мировой войны пытались принимать участие в общественной жизни. При этом не всегда по своей воле монахи участвовали в решении военных проблем (предоставляли помещения под госпиталь и другие военные нужды, принимали участие в государственных военных кредитах, обсуждали разрушения и финансовые потери в войне). Существует целый ряд документов, которые регулировали повседневную религиозную жизнь монастырей и Мукачевской греко-католической епархии – освобождение от постов, решения дисциплинарных проблем и т. п.

Ключевые слова: василиане, монашеский орден, Первая мировая война, переписка, Греко-католическая церковь.

THE THEME "WAR AND PEACE" IN THE CORRESPONDENCE AND BUSINESS DOCUMENTS OF THE BASILIANS IN HUNGARIAN RUS' (1914-1918)

V.V. Kichera

Uzhgorod National University
3 Narodna Square, Uzhgorod, 88000, Ukraine
E-mail: vkichera@ukr.net

Abstract

According to the correspondence and protocols of the OSBM, during WWI the Basilians sought to participate in public life despite the significant institutional isolation. Although not always their own choice the monks participated in decisions of military questions, provided space for hospital and other military needs, participated in the military governmental loans and discussed the destruction and financial losses in the war). On the other hand there are many documents which regulated the religious life of the Mukachevo Greek Catholic Diocese and monasteries - exemption from the fasts, resolutions of disciplinary problems and more.

Keywords: Basilian, OSBM, WWI, Correspondence, Greek Catholic Church.

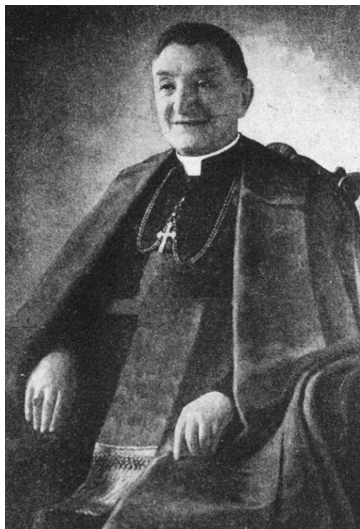
У 1733 р. на теренах Угорської Русі виникає провінція монахів чину святого Василя Великого (ЧсВВ). Ченці на капітулах (соборах) обирали собі керівника (протоігумена), а місцеві ігумени (насто-

ятелі) монастирів спільно вирішили підпорядковуватися мукачівському ігуменові, котрий одночасно був і єпископом мукачівським (фото 1). Це був пік розвитку василіанських обителей. Незважаючи на церковнослов'янську традицію і східний обряд, наприкінці XIX – початку XX ст. ЧсВВ був ледь не повністю мадяризований. Це викликало проблеми для ордену із покликаннями серед місцевого населення. Додавалися ще й виклики модернізму. Про модернізм і виклики для католицької церкви на сході Європи детальніше висвітлено у Ліліани Гентош, котра подає загальні проблеми, що виникали між папами і модерними течіями тогочасного суспільства (Гентош 2006: 122–150). Необхідність ефективної реформи, в напрямку відкритості ЧсВВ для суспільства, залишалася вкрай актуальною. Проте розпочалася Перша світова війна.

Тема церкви в добу Першої світової війни неодноразово порушувалася на сторінках міжнародного історичного журналу «Русин». Про русинів в добу Першої світової війни подає Сергій Суляк. Цікаво, що автор подає детальний екскурс в передісторію війни, наголошуючи, що русинський рух в значній мірі підтримувало духовенство – зокрема Касіан Богатирець та інші, вказується на репресії австрійської влади щодо православного релігійного руху в тому числі й в рамках Мараморош-Сиготських процесів (Суляк 2006: 46–47). Хоч нарис стосувався загального становища русинів, репресій проти них і табори ув'язнення Талергоф і Терезин, в статті зустрічаємо і становище православної церкви в добу війни.

Про благодійну діяльність духовенства у часи Першої світової війни на основі «Кишиневских епархиальных ведомостей» пише В'ячеслав Содоль із Придністровського державного університету. Зокрема детально описано організацію в межах єпархії допомоги вірників, котрі мали займатися збором одягу і пожертв для бідних, опікуватися хворими і пораненими, організовуючи «Духовные отряды» тощо (Содоль 2014: 34). Так, Юрій Данилець в одному з останніх номерів журналу «Русин» подає відомості про православну освіту на Закарпатті, охоплюючи період 1910–1938 рр., проте саме про освіту в часи війни тут інформації небагато, зокрема говориться про школи при монастирях на початку війни, при яких навчали в тому числі і богослов'я (Данилець 2016: 147).

Щодо греко-католицької церкви в добу Першої світової війни, то досить розлогий нарис мають Андрій Заярнюк та Василь Расевич. На думку авторів, греко-католицька церква виступала в чотирьох площинах: 1) як релігійна організація, що забезпечує своїм вірним доступ до трансцендентної правди і є в їхніх очах єдиним шляхом до спасіння; 2) як ієрархічно збудований соціальний інститут, інтегрований у державу



Антоній Пап, єпископ
Мукачівський (1912–1924).



Йоаким Хома, протоігумен ЧсВВ
(1906–1931).

та суспільство і задіяний у найважливіших політичних та соціальних процесах; 3) як окремий культурний феномен, що тісно пов'язаний з ідентичністю українського населення Галичини, а через це фігурує в усіх політичних комбінаціях, у яких розігрувалася українська карта; 4) нарешті, греко-католицьке духовенство виступало як окрема соціальна група, що мала першорядне значення для українського галицького суспільства, – група, з якою була тісно пов'язана доля української галицької інтелігенції та середнього класу і яка й далі перебувала в безпосередньому контакті з селянськими масами, справляючи на них сильний вплив (Заярнюк, Расевич). Безумовно, такий концепт частково можна застосувати до церкви в Угорській Русі, хоча виключення становить хіба третій пункт, адже Угорська Русь залишалася поліетнічною, де проживали русини, угорці, румуни та інші національності, і церква виступала для них усіх об'єднуючим чинником, незважаючи на національні переконання. Але у випадку із ЧсВВ, то в часи війни монахи частково стояли на позиціях угорського патріотизму, приймаючи участь у військових позиках, надаючи приміщення військовим тощо, про що йтиметься нижче. В статті, окрім того, говорилося про переслідування, репресії проти митрополита Андрея Шептицького, арешти духовенства і заслання тощо (Заярнюк, Расевич).

Що стосується уданому випадку монахів василіан греко-католицької церкви на теренах Угорської Русі монархії Габсбургів, то на відміну від

православних, котрих переслідувала австро-угорська адміністрація, василіани займали подеколи і лояльну позицію до воюючої сторони – Австро-Угорщини. Владикою був Антоній Пап, котрий, незважаючи на своє угорське походження, намагався протистояти мадяризації, проте це не завжди давало успіх. У цей час керівником ордену ЧсВВ був Йоаким Хома (фото 2), котрий був обраний прортоігуменом на засіданні генеральної капітули, яка відбувалась 6 червня 1906 р. в Маріяповчі. Народився 6 березня 1870 р. в Тирнаві, у сім'ї столяра (Хома 1907: 46). Після свого приходу до керівництва ЧсВВ Йоаким Хома взявся активно відновлювати орден. Але на його керівництво випадали і важкі часи для ЧсВВ в Угорщині так як розпочалася Перша світова війна.

Аналізуючи документи і переписку ченців під час війни, не можна не помітити в ній елементи військових тем. Тут треба наголосити, що безумовно монахи не вирішували питання оголошення війни чи підписання миру, проте в умовах війни діяльність монастирів ЧсВВ змінюється – це помітно по листуванні та протоколах засідань. Також необхідно підкреслити, що більшість листування і переписки міститься в Державному архіві Закарпатської області у фонді 64 «Монастирь ордена василиан г. Мукачево». Звичайно, що більшість питань у епістоляріях та діловодних документах стосувалися внутрішньомонастирських поточних справ по господарству, дисципліні, дотримання постів та інших важливих тем.

Перед війною зустрічаємо лист-розпорядження протоігумена Йоакима Хоми від 6 лютого 1913 р., де вказується, що керівники монастирів не подають договори на затвердження голові ордену, а тому надалі усі договори необхідно узгоджувати з керівництвом Чину (ДАЗОе: 5). Тобто йшла мова про певні дисциплінарні моменти, коли монахи на місцях дозволяли собі вирішувати фінансові питання без згоди з керівництвом, що заборонено правилами (Кічера 2014: 148–169). Вже напередодні війни катастрофічно не вистачало монахів. У одному з прохальних листів від 29 червня 1914 р. ужгородського настоятеля Атаназія Максима до протоігумена Йоакима Хоми перший просить чотиритижневу відпустку для ієромонаха ЧсВВ Теофана Скиби, котрий через виснаження і важку працю не здатний ефективно виконувати свою роботу (ДАЗОб: 4). Тобто напередодні війни монастирі жили цілком звичним життям, а тематика питань, що вирішувалися у листах, була пов'язана із вирішенням внутрішньомонастирських поточних справ.

Досить позитивно можна охарактеризувати допомогу монахів Ужгородського монастиря в особі ігумена Атаназія Максима в організації госпіталю для поранених військових в межах Ужгородського монастиря, про що довідуємося із листа секретаря Червоного Хреста Тиводара Гуловича від 12 серпня 1914 р. (ДАЗОа: 4). В листі представники Червоного Хреста дякують голові ордену василіан за підтримку добрих

справ. Безумовно допомога потребуючим і зокрема хворим є однією із важливих євангелічних завдань церкви, незважаючи на те, хто був серед поранених, тобто хворих. А тому опіка над хворими і пораненими можна віднести до важливої функції монастирів в непрості часи війни.

Але з початком війни у листуванні монахів переважає саме військова тематика. Очевидно, що монахи, хотіли вони цього чи ні, були втягнуті у вирішення певних військових питань. Найперше непроста ситуація складається для Маріяповчанського монастиря, ігумен якого у листі від 17 серпня 1914 р. на ім'я голови ордена Йоакима Хоми, погоджується з пропозицією Ужгородського монастиря василіан, ігуменом якого був Атаназій Максим, за якою до початку навчального року, зважаючи на військовий стан варто припинити господарство і навчання, перевівши монастир у більш прийнятне і безпечне місце (ДАЗОа: 7).

Проте проблеми з Маріяповчанським монастирем пов'язані переважно з об'єктивними причинами і просуванням лінії фронту. Але монахи й самі приймали участь у військових заходах чи радше були втягнуті у їх вирішення. Так, 23 вересня 1914 р. мер міста Мукачева просить у протоігумена (керівника усіх монастирів в Угорщині) повідомити про наявність вільних кімнат Мукачівського монастиря для надання з цього приводу інформації військовим. Причому наголошувалося головою міста Мукачева, щоби монахи дали інформацію про розміри приміщень, котрі, як можна припустити, мали би використовуватися військовими (ДАЗОа: 14). Безумовно, лист керівництва міста до протоігумена не означає, що монахи самі запропонували свою допомогу, але змушені були давати відповідь, таким чином приймаючи участь у вирішенні військових справ у місті.

Очевидно що чин був втягнутий у вирішення певних військових питань й у сфері фінансів. Наприклад, у листі від 13 листопада 1914 р. протоігумен Йоаким Хома звертається до ігумена Маріяповчанського монастиря про необхідність запису останнього на військову позику. Загалом за цей час існує кілька листів з банківськими установами про військову позичку. У наведеному листі можна помітити і ноти патріотизму, так як заклик до монахів у перекладі з угорської звучав так: «Наша дорога Угорська Батьківщина потребує матеріальну допомогу, щоб у Великій війні, яка ведеться за наші кровні інтереси, забезпечили потреби армії» (ДАЗОа: 21).

13 листопада 1914 р. на ім'я голови ордену надійшла відповідна пропозиція від «Загального банку», і в той же день протоігумен подав відповідне розпорядження, процитоване вище (ДАЗОа: 18). Більше того, наприкінці листа він подає інформацію про запис на військову позику Мукачівським монастирем, який він очолював. Фактично держава запровадила військові позики під державні гарантії, а керівник ордену

інформував монастирі про можливу участь у фінансовій підтримці держави.

Тут необхідно підкреслити одразу кілька моментів: по-перше, помітний неприхований угорський патріотизм Йоакима Хоми; по-друге, протоігумен фактично закликає до участі у фінансовій підтримці держави, що перебуває в стані війни; по-третє, сам протоігумен своїм прикладом показує, що він уже записав свій Мукачівський монастир на позику в сумі по мірі можливостей. Та заради справедливості треба підкреслити, що такий лист голови одена не містив примусові зобов'язання монастирів приймати участь у військових позиках для держави. За своїм призначенням епістолярії, листи не мають розпорядчої сили. Більше того, частково ці кроки угорського протоігумена можна зрозуміти з позицій сили, так як австро-угорські війська перебували в цей час на території Угорської Русі. Але неприхований угорський патріотизм, підтверджує загальну кризу моралі тогочасного суспільства пов'язану з патріотичними переконаннями, а тому модерністські ідеї проникають і в середовище монахів ЧСВВ. Навряд чи можна виправдовувати спільноту, котра існує на основі братської любові, в фінансовій участі на воєнні потреби, котрі теоретично, в перспективі, могли закінчуватися братовбивством.

Окрім участі керівника ордену Йоакима Хоми в особі Мукачівського монастиря у військових зайомах, допомоги пораненим та наданням інформації міській владі інформації про приміщення для військових, існує ціла справа про скарги протоігумена в адрес держави про зловживання військовими. Про це засвідчує і вирішення цієї справи про порушення з боку військових на рівні єпископа Антонія Папа, котрий у листі на ім'я голови ордену від 21 грудня 1914 р. відсилає прохання подати інформацію про ті військові структури, котрі поводитися образливо по відношенню до монахів при обшукові, звинувачуючи їх в «руській зраді», щоби подати справу до відповідного міністерства (ДАЗOf: 6). З цього зрозуміло, що єпископ, навіть в часи воєнного стану намагався захищати своїх підлеглих ченців, над якими мав релігійний нагляд в єпархії, інформуючи про порушення вищі державні органи влади.

Але поряд із цим існують і цілком звичні листи, котрі стосуються поточних релігійних чи дисциплінарних справ. Так, 11 січня 1917 р. єпископ просить протоігумена Йоакима Хому, щоби ієромонах Пал Бігарі 6 тижнів служив у Хусті, так як не має кому проводити служби серед світського духовенства (ДАЗОс: 1). Але вже 27 березня 1917 р. той таки єпископ Антоній Папп скаржитья протоігумену, що Пал Бігарі забрав з церковної каси гроші незважаючи на платню і щоденні пожертви в 5 австрійських крон (ДАЗОс: 9). Тобто вирішувалися цілком внутрішньоцерковні релігійно-дисциплінарні питання.

Так, в виписці з протоколу від 13 лютого 1917 р. йдеться про дарування грошей монахам від Дубінські Михайла та його дружини в декілька монастирів – Маріяповч, Ужгород, Мукачево, Малий Березний – по 220 австрійських крон (ДАЗОс: 5–6).

Іншими листами владики звільняють монахів від постів. Так, листом від 28 січня 1918 р. єпископ Гайдудорога Іштван звільняє від посту ченців Маріяповчанського монастиря (ДАЗОс: 3); тоді ж і владику Мукачівської єпархії Антоній дозволяє вживати непісну їжу для Мукачівського, Ужгородського, Імстичівського та Боронявського монастирів (ДАЗОс: 4).

Ще одним поширеним діловим документом були протоколи засідання капітул (соборів) ЧсВВ. Так протокол від 1916 р. мав таку назву: «Протокол відвідувань голови Василіанського ордену греко-католицьких монастирів королівської Угорщини». Але відвідування монастиря в Маріяповчі відбулося 3–4 травня 1917 р. тобто пізніше ніж в заголовку. Цікаво, що лише в Маріяповчанському монастирі на 6 монахів припадало 44 особи обслуговуючого персоналу (наприклад візник, муляр, мельник, тютюнник, дзвонар, кухарка, прибиральниця тощо), що зважаючи на період війни і кризу немало, а загалом Маріяповчанський монастир залишався найбагатшим. У монастирі із 44 осіб допоміжного персоналу на монахів працювали 10 полонених, які окремо забезпечувалися кухаркою (ДАЗОа: 21). У Мукачівському монастирі, згідно протоколів, відвідань нараховувалося 18 осіб обслуговуючого персоналу (ДАЗОа: 27). Згідно протоколу, василіани провінції обговорювали питання боргів обителів, їх активи тощо. Загалом подано переписи здійснені по усіх монастирях, зокрема, описано обителі в Буковці, Красноброді (обидва сучасна Словаччина), останній перебував на лінії вогню, Мукачівський, Ужгородський, Малоберезнянський, Імстичівський, Боронявський, Біксадський (Румунія) та Маріяповчанський (Угорщина) (ДАЗОа: 21). За протоколом найгірша ситуація була з Краснобрідським монастирем – стіни розвалені, а керівник монастиря Пал Бігарі продживає у Мукачівській обителі. Більше того, будапештський будівельник Янош Бобул оцінив збитки обителі в 474 700 австрійських крон; ідентична ситуація була і щодо земельного фонду, зокрема, зважаючи на стан війни поля обробляти неможливо (ДАЗОа: 28–29).

Досить детальним є також протокол про реформу монастирів від 23 серпня 1918 р., коли відбувалися загальні збори капітули. Починається документ із катастрофічних результатів для ордену. Так повсюдно було розорення, шкода, а найгірше – зруйнування монастиря в Красному Броді, котрий був на лінії вогню і відновленню не підлягав (ДАЗОд: 2–3). У протоколі фактично подано катастрофічні наслідки війни, одним з яких стало повне руйнування внаслідок бойових дій Краснобрідського монастиря.

Загалом чернецтво ЧсВВ, незважаючи на досить значну інституційну замкнутість, в часи Першої світової війни намагалося приймати участь у суспільному житті і не завжди з власної волі намагалося долучатися до вирішення військових проблем (надавали приміщення під госпіталь та інші військові потреби, приймали участь у військових кредитах, обговорювали руйнування і фінансові втрати у війні). З іншого боку існує цілий ряд документів, котрі регулювали повсякденне релігійне життя монастирів і єпархії – звільнення від постів, дарування, вирішення дисциплінарних проблем тощо.

ЛІТЕРАТУРА

Гентош 2006 - *Гентош Л.* Ватикан і виклики модерності. Східноєвропейська політика папи Бенедикта XV та українсько-польський конфлікт у Галичині. Львів: ВНТЛ-КЛАСИКА, 2006. 456 с.

ДАЗОа - ДАЗО. Ф. 64. Монастырь ордена василиан г. Мукачево. Оп. 3. Спр. 953. Переписка настоятеля Мария-Повчанского монастыря с игуменом о проведении подписки на военный заем, о призыве монахов на военную службу и по другим военным вопросам.

ДАЗОб - ДАЗО. Ф. 64. Монастырь ордена василиан г. Мукачево. Оп. 3. Спр. 955. Прошения священников о перемещениях по должности, о представлении отпуска и др. по личному составу.

ДАЗОс - ДАЗО. Ф. 64. Монастырь ордена василиан г. Мукачево. Оп. 3. Спр. 1047. Циркуляры и распоряжения епископов Мукачевской и Гайдудорожской епархии по церковно-административным вопросам.

ДАЗОд - ДАЗО. Ф. 64. Монастырь ордена василиан г. Мукачево. Оп. 3. Спр. 1077. Предложения генерального настоятеля ордена василиан собранию монахов в г. Ужгород по реформе ордена.

ДАЗОе - ДАЗО. Ф. 64. Монастырь ордена василиан г. Мукачево. Оп. 5. Спр. 388. Циркуляры протоигумена василианских монастырей по административным, церковным и хозяйственным вопросам и переписка с Ужгородским монастырем об открытии интерната для гимназистов при вновь построенном монастыре.

ДАЗОф - ДАЗО. Ф. 64. Монастырь ордена василиан г. Мукачево. Оп. 5. Спр. 392. Доклады протоигумена министру культов и просвещения о злоупотреблениях австрийских военных властей при проведении обыска в монастыре на Чернечей горе по подозрению в русофильстве.

Данилець 2016 - *Данилець Ю.* Богословська освіта православного духовенства на Закарпатті (1910–1938 рр.) // Русини. 2016. № 1. С. 145–158. DOI: 10.17223/18572685/43/10.

Заярнюк, Расевич - *Заярнюк А., Расевич В.* Галицьке греко-католицьке духовенство у Першій світовій війні. [Електронний ресурс]. URL: <http://shron.org.ua>

chtyvo.org.ua/Zaiarniuk_Andrii/Halytske_hreko-katolytske_dukhovenstvo_u_Pershii_Svitovii_viini_politychni_kulturni_i_sotsiialni_asp.pdf (останній перегляд: 18.04.2016).

Хома 1907 - Іоакимъ Хома – новый протоигумень чина св. Василия Вел. // Месяцеслов на 1907 годъ. С. 46–48.

Кічера 2014 - Кічера В. «Проекти» реформ отців василіян та практики їх реалізації в Австро-Угорщині напередодні та в роки Першої світової війни // Наукові записки БІНДЦ імені архімандрита Василя (Проніна) [Ужгород, 8–9 лютого 2014 р.]. 2014. № 3. С. 148–169.

Содоль В. 2014 - Содоль В. Благотворительная деятельность духовенства Кишиневской епархии на начальном этапе Первой мировой войны (по материалам «Кишиневских епархиальных ведомостей») // Русин. 2014. № 4. С. 30–46.

Суляк 2006 - Суляк С. Русины в период Первой мировой войны и русской смуты // Русин. 2006. № 1. С. 46–65.

REFERENCES

Gentosh, L. (2006) Vatikan i vikliki modernosti. Skhidnoevropeys'ka politika papi Benedikta XV ta ukrains'ko-pol's'kiy konflikt u Galichini [Vatican and the Challenges of Modernity. Eastern European Politics of Pope Benedict XV and Ukrainian-Polish Conflict in Galicia]. Lviv: VNTL-KLASIKA.

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund 64. *Monastyr' ordena Vasilian g. Mukachevo* [The Order Basylyan Monastery in Mukachevo]. List 3. File 953. *Perpiska nastoyatelya Mariya-Povchanskogo monastyrya s igumenom o provedenii podpiski na voennyi zaem, o pryzve monakhov na voennuyu sluzhbu i po drugim voennym voprosam* [Correspondence of the Mariapovchanskii Monastery Abbot with the hegumen to hold a subscription to war loan, on recruiting monks to military service and other military matters].

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund 64. *Monastyr' ordena Vasilian g. Mukachevo* [The Order Basylyan Monastery in Mukachevo]. List 3. File 1047. *Tsirkulyary i rasporyazheniya episkopov Mukachevskoy i Gaydudorozhskoy eparkhii po tserkovno-administrativnym voprosam* [Circulars and Orders of Mukachevo and Gaydudorg Diocese Bishops in Church Administration].

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund 64. *Monastyr' ordena Vasilian g. Mukachevo* [The Order Basylyan Monastery in Mukachevo]. List 3. File 1077. *Predlozheniya general'nogo nastoyatelya ordena Vasilian sobraniyu monakhov v g. Uzhgorod po reforme ordena* [The proposals of the Rector of the Order of Basilian congregation of monks in Uzhgorod on the reform of the Order].

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund 64. *Monastyr'*

ordena Vasilian g. Mukachevo [The Order Basylyan Monastery in Mukachevo]. List 3. File 955. Prosheniya svyashchennikov o peremeshcheniyakh po dolzhnosti, opredstavlenii otpuska i dr. po lichnomu sostavu [The petitions of the priests about promotion, granting leave, etc.].

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund 64. *Monastyr' ordena Vasilian g. Mukachevo* [The Order Basylyan Monastery in Mukachevo]. List 5. File 388. Tsirkulyary protoigumena Vasilianskikh monastyrey po administrativnym, tserkovnym i khozyaystvennym voprosam i perepiska s Uzhgorodskim monastyrem ob otkrytii internata dlya gimnazistov pri vnov' postroennom monastyre [The circulars of Basilian monasteries protoigumen for administrative, ecclesiastical and economic issues and correspondence with Uzhgorod monastery on the opening of boarding school for high school students at the newly built monastery].

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund 64. *Monastyr' ordena Vasilian g. Mukachevo* [The Order Basylyan Monastery in Mukachevo]. List 5. File 392. Doklady protoigumena Ministru kul'tov i prosveshcheniya o zloupotrebleniyakh avstriyskikh voennykh vlastey pri provedenii obyska v monastyre na Chernech'ey gore po podozreniyu v rusofil'stve [Reports from the protoigumen to the Minister of Cults and Education on the abuses of the Austrian military authorities during the search in a monastery on Mount Chernecha on suspicion of Russophilia.].

Danilets, Ju.V. (2016) Theological education of the Orthodox clergy in Transcarpathia (1910–1938). *Rusin*. 1(43). pp. 145-158 (In Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/43/10

Zayarnyuk, A. & Rasevich, V. (n.d.) *Galits'ke greko-katolits'ke dukhovenstvo u Pershiy svitoviy viyni* [Galician Greek Catholic Clergy in World War I]. [Online]. Available from: http://shron.chtyvo.org.ua/Zaiarniuk_Andrii/Halytske_hreko-katolytske_dukhovenstvo_u_Pershii_Svitovii_viini_politychni_kulturni_i_sotsiialni_asp.pdf (Accessed: 18th April 2016).

Anon. (1907) Ioakim Khoma – novyy protoigumen China Sv. Vasiliya Vel [Ioakim Homa, a new protohegumen of St. Basil the Great]. In: *Mesyatseslov na 1907 god* [Menology for 1907]. pp. 46-48.

Kichera, V. (2014) "Proekti" reform Ottsiv Vasiliyan ta praktiki ikh realizatsii v Avstro-Ugorshchyni naperedodni ta v roki Pershoi svitovoi viyni [The "projects" of reforms of Basilian Fathers and practices of their implementation in Austria-Hungary before and during World War I]. *Naukovi zapiski BINDTs imeni arkhimandrita Vasiliya (Pronina)*. 3. pp. 148-169.

Sodol, V. (2014) Philantropical activities of Clergy of the Archdiocese of Kishinev at the beginning of the WWI (on the "Kishinev diocesan gazette"). *Rusin*. 4. pp. 30-46 (In Russian).

Sulyak, S.G. (2006) Rusins in World War I and the Russian turmoil. *Rusin*. 1. pp. 46-65 (In Russian).

Кичера Виктор Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета (Ужгород, Украина).

Кічера Віктор Васильович – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України Державного вищого навчального закладу «Ужгородський національний університет» (Ужгород, Україна).

Kichera Victor – Uzhgorod National University (Ukraine).

E-mail: vkichera@ukr.net

УДК 94(470)"1914/1917"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/44/14

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСКОГО СОЮЗА И СОЮЗА ГОРОДОВ НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ В 1914–1917 гг.

В.О. Магась

Житомирский военный институт им. С.П. Королева

Украина, 10004, г. Житомир, пр. Мира, 22

E-mail: vomagas@gmail.com

Авторское резюме

Рассмотрена общественная и политическая деятельность Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов на Юго-Западном фронте в годы Первой мировой войны. В сфере помощи армии и пострадавшему от войны гражданскому населению эти организации достигли больших успехов. Их деятельность имела огромное значение для укрепления обороноспособности страны. В политическом отношении союзы постепенно переходят от сотрудничества первого года войны к конфликту и конфронтации с властью. Важную роль в этих процессах имел Прогрессивный блок Государственной Думы, который стал выразителем политических идей союзов, требовавших вслед за ним переформатирования правительства и образования «министерства народного доверия». Пользуясь своим авторитетом среди населения, союзы вносили политическую составляющую в свою деятельность и всячески дистанцировались от органов государственной власти, став одной из сил, которая поспособствовала падению самодержавия.

Ключевые слова: Первая мировая война, Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, благотворительность, Прогрессивный блок Государственной думы, Конституционно-демократическая партия.

THE SOCIAL AND POLITICAL ACTIVITY OF THE ZEMSKY UNION AND THE UNION OF CITIES ON THE SOUTH-WESTERN FRONT IN 1914-1917

V.O. Magas

Zhytomyr Military Institute after S.P. Korolev
22 Mira avenue, Zhitomir, 10004, Ukraine,
E-mail: vomagas@gmail.com

Abstract

The article considers the social and political activities of the All-Russian Zemsky Union and the All-Russian Union of the Cities on the South-Western Front during WWI. These organizations made great progress in the sphere of assistance to the army and war-affected civilian population. Their work was of great importance for the country and its defense strengthening. Politically, the unions moved from cooperation during the first year of the war to conflict and confrontation with the authorities. An important role in these processes was the Progressive Bloc of the State Duma which became the mouthpiece of the political ideas of the unions which required the formation of the "National Trust Ministry" following the reformatting of the government. Using its authority among the population, the unions brought about the political component in its activities and in every way distanced themselves from public authorities, becoming one of the forces which contributed to the fall of the autocracy.

Keywords: WWI, All-Russian Zemsky Union, Russian Union of Cities, Charity, Progressive Bloc of the State Duma, Constitutional Democratic Party.

В годы Первой мировой войны на Юго-Западном фронте большую роль в обеспечении армии и пострадавшего от войны гражданского населения играли общественные организации, среди которых особое место занимали Всероссийский земской союз (ВЗС) и Всероссийский союз городов (ВСГ). Они аккумулировали и направляли на благотворительность огромные средства, поступавшие от собственных сборов, из государственной казны, а также частных пожертвований. Деятельность указанных союзов имела также важную политическую составляющую, поскольку они учреждались оппозиционно настроенной интеллигенцией.

В современной украинской историографии традиционно рассматривалась благотворительная сторона деятельности исследуемых организаций, в то же время в российской исторической науке в последнее десятилетие появляется все больше работ, в которых авторы отслеживают политическую составляющую в деятельности ВЗС и ВСГ. Целью этой публикации является комплексная характеристика деятельности вышеперечисленных союзов на Юго-Западном фронте в годы Первой мировой.

Всероссийский союз городов был создан в годы Первой мировой войны впервые. В свою очередь во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. был создан Общероссийский земский союз с целью координации усилий для помощи больным и раненым воинам. Он пережил войну, но в 1909 г. самоликвидировался (Литвин 2014: 192). Была также предпринята попытка утверждения специального законодательства: 4 июня 1913 г. в Государственную Думу (ГД) поступил проект закона о земских и городских союзах и съездах, который так и не был рассмотрен (Трутовский 1915: 135–136). В начале 1914 г. земские деятели по всей империи начали отмечать пятидесятилетие учреждения земств в России. Была предусмотрена широкая программа празднований и проведения разнообразных мероприятий (ЦГИАУК 7: 66). В честь этого события была выпущена и распространена на местах литература, которая подчеркивала преимущества деятельности земств перед органами центральной власти (ЦГИАУК 7: 62–62 зв.). Одновременно среди так называемого третьего земского элемента (служащих, работавших в земстве по найму: агрономов, статистиков, техников, врачей, ветеринаров, учителей и др.) возникла идея организации общероссийского съезда и учреждения профессионального союза служащих в земстве по найму (ЦГИАУК 4: 122).

Инициатива исходила от земских деятелей Самарской и Уфимской губерний и получила определенную поддержку на местах. Например, служащие Волынского губернского земства разослали по уездам губернии обращение, в котором знакомили коллег с названными инициативами. Помимо этого, они указывали на огромную роль «третьего земского элемента», который, по их словам, «вынес на своих плечах громадную долю организационного труда и всю исполнительную часть земской работы» и поэтому должен «в чествовании и ознаменовании земского юбилея выступить вполне самостоятельно» (ЦГИАУК 6: 7). Несмотря на то что среди задач организации не было политических целей, по мнению волынского губернатора, «пропагандируемое единение, несомненно, направлено всецело против правительства и при осуществлении организации грозит разными осложнениями», поскольку «третий элемент земских

служащих является наименее уравновешенным, а следовательно, не-благожелательным правительству» (ЦГИАУК 6: 1–1 об.). На крайнюю неблагонадежность в политическом отношении всех категорий земских служащих Херсонского уезда указывал помощник начальника Херсонского губернского жандармского управления в апреле 1914 г. (ЦГИАУК 5: 1 об.).

Таким образом, на фоне общественного подъема, связанного с празднованием пятидесятилетия земства, в первой половине 1914 г. среди земских деятелей уже наблюдалась определенная тенденция к объединению, которая так и не была реализована в виде первоначального замысла в связи с недоверием правительственных учреждений к политической благонадежности работников земства, а также началом Первой мировой войны.

Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов как объединение земств и городов, а не отдельных деятелей, были созданы на волне патриотического подъема в июле–августе 1914 г. Уже первые месяцы войны продемонстрировали существование ряда масштабных проблем, решение которых требовало участия общественности. Это и объясняет ту легкость, с которой власть в этот раз согласилась с созданием указанных организаций. Правовой основой для создания ВЗС и ВСГ стали соглашения земств (городов) и санкционирование этого соглашения в порядке верховного управления: деятельность ВЗС была разрешена высочайшим повелением от 12 августа 1914 г., а ВСГ – 16 августа 1914 г. (Туманова 2014: 93–94). Высочайшая санкция имела в данном случае значение специального утверждения соглашения, выработанного земским съездом (Мацузато и др. 2001: 127). Впоследствии министр внутренних дел Б.В. Штюрмер в своей докладной записке Совету министров указывал, что учредители союзов приступили к работе прежде, чем вопрос о пределах и самой допустимости подобной работы мог остановить внимание власти. Министр внутренних дел, продолжает записка, был поставлен перед необходимостью оформить уже сложившееся явление и, вместе с тем, уточнить и по возможности сузить предназначение новых организаций (Шевырин 2003: 41). Таким образом, в законодательном отношении существование объединенных общественных учреждений не было предусмотрено законом.

Неопределенность правового статуса давала союзам некоторые преимущества и придавала их деятельности заметную независимость. Не будучи связанными рамками Городового и Земского положений, союзы создали свои учреждения без указаний правительства, пригласили, не оглядываясь на цензы, наиболее полезных для дела работников, оперативно решали поставленные задачи (Туманова 2014: 95).

На Юго-Западном фронте ВЗС и ВСГ начали действовать осенью 1914 г. А.А. Брусилов, который в то время командовал 8-й армией Юго-Западного фронта, в своих воспоминаниях отдавал должное представителям земства, которые «по собственной инициативе оказали громадные услуги раненым и больным воинам. Было создано много летучих отрядов, перевязочных пунктов и лазаретов. И все это – с энергией и распорядительностью, поистине достойными истории» (Брусилов 1983: 82).

С лета 1915 г. Комитет ВСГ Юго-Западного фронта и Юго-Западный комитет ВЗС стали базироваться в Киеве. Город, приближенный к линии фронта, был опорным пунктом при эвакуации больных и раненых, являлся одним из крупнейших госпитальных центров, здесь формировались и направлялись в различные местности отряды, которые открывали пункты питания для беженцев, кроме того, комитеты заботились о детях-сиротах (Донік 2014: 27–28). Также ВЗС собрал урожай и засеял 50 тыс. десятин земли летом 1916 г. в Буковине, отошедшей России в результате Брусиловского прорыва на Юго-Западном фронте (Туманова 2014: 102).

Фронтные комитеты обоих союзов постепенно стали чрезвычайно развитыми структурами. В сентябре 1916 г. Комитет ВЗС Юго-Западного фронта имел такие отделения: передовых отрядов (25 учреждений), этапные (134), медико-санитарные (323), помощи пострадавшему в войне населению (257), окопных работников (530), механических мастерских (23), автомобильного дела (14), кожаные (93), солдатских магазинов (40), заводские (6), строительные (13), заготовительные (41), сохранения и использования поголовья лошадей (9), закупочную и приемную комиссии и пр. В общем в составе комитета функционировало 23 отделения с подчиненным ему 1 571 учреждением. Комитет союза городов Юго-Западного фронта по объемам своей деятельности уступал Комитету Земского союза. Тем не менее в конце 1916 г. под его руководством находилось 592 учреждения, в том числе 36 госпиталей и больниц, 33 амбулатории, 23 стоматологических кабинета, 19 эпидемических отрядов, 3 военно-санитарных поезда, 29 дезинфекционных пунктов, 77 пунктов питания, 16 мастерских, 21 детское убежище и другие учреждения (Литвин 2014: 196).

Количество задействованных в структурах союзов лиц по всей империи измерялось сотнями тысяч. Так, в апреле 1917 г. только на Юго-Западном фронте личный состав ВЗС составлял 49 тыс. чел., а ВСГ – 14 тыс. чел. (Литвин 2014: 192).

Некоторую особенность имела деятельность Комитета ВСГ Юго-Западного фронта, который на начальном этапе возглавлял бывший бессарабский губернатор князь С.Д. Урусов. С приходом на его место

осенью 1915 г. барона Ф.Р. Штейнгеля почти на все руководящие должности в комитете были расставлены украинцы (Кузьміна 2013: 331). Барон Штейнгель добился их утверждения через Москву. Русские деятели, находившиеся в такой компании, постепенно выходили из комитета и переводились на другие фронты (Дорошенко 1969: 60). При содействии комитета после Брусиловского прорыва для детей Галичины и Буковины были созданы школы с преподаванием украинского языка, которые обеспечивались украинскими учебниками (Донік 2014: 33). Указанные школы были сформированы при детских приютах Всероссийского союза городов, во главе которых стояла С.Н. Луначарская. Образовательные планы без согласования с администрацией переводились на украинский язык, обучение осуществляли приглашенные и местные учителя. Данная инициатива Комитета ВСГ Юго-Западного фронта имела некоторое противодействие со стороны представителей официальных властей на местах, но благодаря тому, что Луначарской удалось повлиять на принятие постановления Центрального комитета ВСГ об обучении детей на родном языке, местная администрация не чинила особых препятствий этой работе, вынужденная считаться с внутренними директивами Союза городов (Дорошенко 1969: 70–71).

Политическая составляющая в деятельности союзов проявилась не сразу. На начальном этапе войны все политические распри отошли на второй план, а земцы и представители городского самоуправления сплотились вокруг императора. Оппозиция активизировалась лишь после крупных неудач на фронте летом 1915 г. (Щербін 2011: 101–102).

Видное место в местных отделах ВЗС и ВСГ в 1915 г. заняла либерально настроенная интеллигенция, которая ориентировалась на кадетскую фракцию Государственной Думы (ЦГАГОУ: 70). Ее настроение начальник Киевского губернского жандармского управления характеризовал как вполне патриотическое, но указывал, что, добиваясь участия в широком фактическом контроле над всеми мероприятиями правительства по обеспечению боевой готовности армии, она, вместе с тем, продолжает вносить политическую составляющую в круг своих требований (ЦГИАУК 1: 19–19 об.). Среди деятелей союзов важное место занимал «третий элемент», который насчитывал до $\frac{2}{3}$ состава их местных отделений (Шевырин 2003: 69). По данным начальника Киевского губернского жандармского управления, в течение 1914–1915 гг. в настроениях этой категории служащих не отмечалось стремления к подрыву существовавшего государственного строя, но в то же время среди «третьего элемента» из местных уроженцев наблюдалась сильная тенденция «к усвоению

идеи украинской обособленности», которая проявилась во введении украинской речи в служебный обиход и в распространении украинской литературы (ЦГАГОУ: 69, 70).

Выразителем политических идей союзов стал Прогрессивный блок Государственной Думы, который на основе широкой программы объединил все силы парламента, кроме правых. Блок стал апогеем кадетского влияния, поскольку думское большинство вынуждено было признать кадетское лидерство в новорожденном блоке в силу их способности к тактическим ходам и четкому формулированию требований «настоящего момента» (Гайда 2002: 103, 104).

Декларация объединенного Прогрессивного блока была принята на совещании в Петрограде 23 августа 1915 г. В ней был изложен итоговый вывод межфракционного совещания о необходимости формирования так называемого правительства народного доверия и расширения возможностей для проявления общественной самостоятельности (соблюдение законности; устранение разногласий между военной и гражданской властью в вопросах, не имеющих непосредственного отношения к ведению военных операций; обновление состава местной администрации и др.). Также был разработан ряд управленческих и законодательных мер, направленных на осуществление такой политики. В частности, предусматривались прекращение дел, возбужденных по обвинению в чисто политических и религиозных преступлениях (освобождение от наказания, возвращение высланных и восстановление в правах, включая право участия в выборах в Государственную Думу, земские и городские учреждения), решение польского, еврейского и финляндского вопросов, восстановление украинской печати и профессиональных союзов, уравнивание крестьян в правах с другими сословиями, введение волостного земства, изменение Городового положения 1892 г., введение земских учреждений на окраинах, принятие законодательства о земских и городских съездах и союзах и пр. (ЦГИАУК 1: 1–2).

В начале сентября 1915 г., вскоре после образования думского большинства, потребовавшего создания «министерства народного доверия», последовал роспуск императором сессии Государственной Думы. Земский и Городской союзы экстренно созвали съезды (Туманова 2014: 261). Незадолго до них в секретном совещании Совета министров 2 сентября 1915 г. в ходе полемики по поводу общественно-политического значения союзов министр внутренних дел Н.Б. Щербаков заявил, что «Земский и Городской союзы... являются колоссальной правительственной ошибкой... Из благотворительного начинания они превратились в огромные учреждения с самыми разнообразными функциями, во многих случаях чисто государственного

характера, и заменяют собою правительственные учреждения». Кроме того, министр назвал их личный состав «сосредоточием, помимо уклоняющихся от фронта, оппозиционных элементов и разных господ с политическим прошлым» (Яхонтов 1926: 133). Несмотря на это, по его мнению, невозможно было прекратить деятельность данных организаций, поскольку они работали на армию и их закрытие имело бы большой политический резонанс. По этой же причине нельзя было запретить и съезды союзов. Вместе с тем Щербатов высказался за установление политической цензуры печати, «чтобы суждения и постановления съездов не могли служить предметом агитации в газетах» (Яхонтов 1926: 134), что и было исполнено. Так, 8 сентября 1915 г. харьковским губернатором была получена шифрованная телеграмма от министра внутренних дел с распоряжением воспрепятствовать с помощью военной цензуры появлению в периодической печати политических резолюций и речей московских съездов (ЦГИАУК 8: 89).

7 сентября 1915 г. одновременно в Москве начали работу съезды ВЗС и ВСГ, которые 9 и 10 сентября соответственно приняли резолюции, повторявшие в общих чертах требования Прогрессивного блока о необходимости формирования «правительства народного доверия» и возобновления работы парламента. Вместе с выдвинутыми политическими требованиями союзами декларировались их приверженность служению Отечеству, забота о судьбе Родины и желание поддержания внутреннего единства.

Так, в постановлении ВСГ говорилось, что «внутренний мир, духовное единство в стране, эти верные условия победы, должны быть обеспечены примирением» (ЦГИАУК 1: 4). В свою очередь резолюция съезда представителей земств гласила: «...мы с тревогой видим надвигающуюся опасность губительного разрушения того внутреннего единства, которое было провозглашено в самом начале войны с высоты престола как верный залог победы. Опасность эта устранима лишь обновлением власти» (ЦГИАУК 1: 5). Таким образом, указанные скоординированные политические решения союзов засвидетельствовали использование общественных организаций в качестве инструмента политического давления на власть в интересах Прогрессивного блока.

К политическим требованиям ВСГ незадолго до начала съезда представителей городов России присоединилась Киевская городская дума. Это стало возможным благодаря активности присяжного поверенного, члена Кадетской партии Д.Н. Григоровича-Барского, который в течение нескольких заседаний пытался поставить на обсуждение и голосование соответствующую резолюцию. В итоге на третьем очередном заседании 2 сентября 1915 г. указанное учреждение местного самоуправления поддержало требования ВСГ, однако без

проведения необходимой процедуры голосования, одним заявлением большинства без чтения резолюции и дебатов. По мнению начальника Киевского губернского жандармского управления, не склонная по своему составу к излишнему политиканству Киевская городская дума пошла на этот половинчатый шаг «только с целью покончить с назойливостью этого надоедливго кадета» (ЦГИАУК 1: 14).

В сентябре 1915 г. после съездов наметился раскол между властью и рассматриваемыми общественными организациями, после того как монарх отказался принять от них депутацию с политическими резолюциями съездов. Отказ Николая II не означал полного разрыва. Это была попытка вернуть союзы в рамки благотворительной деятельности. Царь и далее являлся сторонником такого вида сотрудничества правительства и союзов (Куликов 2008: 24), несмотря на постоянное давление правых партий и своего окружения, поскольку понимал, что действия, направленные против ВСГ и ВЗС, будут иметь негативные последствия для страны, находившейся в состоянии войны (Шевырин 2003: 73).

После сентябрьских съездов 1915 г. правительство стало предпринимать меры, направленные на сужение деятельности союзов земств и городов. Они были обвинены в расточительстве и создании хозяйственной разрухи в стране (Шевырин 2003: 85), в связи с чем был установлен правительственный контроль за расходованием ими средств, а также опубликованы данные о финансировании государством мероприятий ВСГ и ВЗС (что должно было поднять авторитет правительства у населения). Кроме того, всячески ограничивались выполняемые ранее союзами функции, а их фронтовые комитеты были взяты под наблюдение разведывательными отделами армии (Мацузато и др. 2001: 141, 142).

В свою очередь общественность на местах по-разному отреагировала на отказ императора принять депутацию. Так, в начале октября 1915 г. отдельными студентами Киева была выработана резкая резолюция с призывом к забастовке для поддержки постановлений земского и городского съездов в Москве, но общегородской Совет студенческих старост высказался против резолюции и объявил, что теперь не время для студенческих выступлений, необходимо «приобретать знания и идти на помощь Отечеству в борьбе с упорным врагом» (ЦГИАУК 1: 12–12 зв.).

20–21 октября 1915 г. состоялся Киевский областной съезд Партии народной свободы, на котором была принята резолюция об оценке текущего момента. В ней образование Прогрессивного блока признавалось целесообразным, а его требования – соответствовавшими программе партии, вследствие чего указывалось на необходимость

оказывать их продвижению всяческую поддержку. Вместе с тем всю ответственность за прекращение диалога с общественностью областной съезд возложил на правительство: «Отвергнув резолюции Городского и Земского съездов, власть стала на открытый путь борьбы со страной» (ЦГИАУК 1: 6).

В декабре 1915 г. с целью политического информирования общественности Киев посетил член Главного комитета ВСГ, депутат ГД видный кадет А.И. Шингарев. В день прибытия, 20 декабря, он был приглашен в Киевское общественное собрание, где познакомил небольшое количество собравшихся с целями и задачами Прогрессивного блока ГД. Он, в частности, отметил, что общественное недовольство и организованность уже настолько велики, что архаические формы правления будут уступать требованиям Прогрессивного блока, которые, по его словам, являются полностью адекватными в сложившейся ситуации. Желая заручиться поддержкой киевской общественности, он указал, что не следует преувеличивать значение центральных органов управления организацией, поскольку усилением своего влияния Прогрессивный блок всецело обязан работе своих ячеек, поэтому для развития успеха общественного движения необходима деятельная работа на местах. 21 декабря 1915 г. Шингарев посетил Киевский областной военно-промышленный комитет, где в присутствии полного состава его членов и некоторых приглашенных лиц состоялась беседа на тему значения военно-промышленных комитетов и Всероссийских Земского и Городского союзов. В ходе обмена мнениями, отвечая на вопрос члена указанного комитета Г.Е. Афанасьева о том, «будет ли, наконец, уничтожена опека над общественностью», Шингарев отметил, что убежден в победе Прогрессивного блока «при всех обстоятельствах, то есть окончится ли война победоносно для России или завершится поражением» (ЦГАГОУ: 70–72).

В феврале 1916 г. помощник начальника Киевского губернского жандармского управления указывал, что ради популяризации идеи расширения прав самоуправления земские и городские союзы не жалели средств для широкой постановки различных видов помощи военным и пострадавшим гражданским. Располагая большими казенными и земскими средствами, они устраивали пункты питания и лазареты, которые были обеспечены лучше казенных учреждений. Возвращавшиеся на места раненые, отпускники или военные части распространяли среди населения рассказы об образцовой заботе земских учреждений (ЦГИАУК 2: 62 об., 63). Как следствие, деятельность ВЗС по обеспечению армии и пострадавших от войны имела большой общественный резонанс. Характеризуя отношение населения к проводимым земством мероприятиям, начальник

Киевского губернского жандармского управления отмечал, что горожане и интеллигенция видели в земстве важный общественный институт, «ядро образования будущей сельской общественности». В то же время крестьяне, за счет обложения которых и проводились в значительной мере указанные мероприятия, смотрели на них как на барщину, негативно воспринимая руководство земских управ. Почетом в крестьянской среде пользовался лишь «третий земский элемент», который в своей деятельности непосредственно соприкасался с крестьянами (ЦГИАУК 2: 62, 63 об.).

Также союзы, используя свой авторитет и влияние, старались уклониться от контроля администрации. Например, когда Особое совещание по продовольственному делу постановило передать права по проверке продуктов у населения земствам, то на местах возник вопрос: нужно ли обращаться при этом за содействием к полиции, а если да, то в чем должна заключаться ее роль? При этом земские служащие Звенигородского земства Киевской губернии решили, что полиция должна подчиняться земским уполномоченным и исполнять их прямые указания в любом вопросе, а в случае недоразумений «церемониться с ними нечего» (ЦГИАУК 2: 63, 63 об.).

В последний год существования старого строя союзы были необычайно активны и в организации непосредственной помощи армии, и в мобилизации ресурсов страны для военных нужд, и в ее политической жизни. В марте 1916 г. прошли съезды ВЗС и ВСГ, которые выступили с требованиями организации страны в целях достижения победы и формирования правительства народного доверия (ВЗС) и ответственного министерства (ВСГ). В декабре 1916 г. вопреки запретам и мерам противодействия со стороны власти состоялись съезды, которые приняли наиболее радикальные постановления (Дякин 1967: 259). В постановлении ВЗС говорилось о гибельном курсе действующего правительства и необходимости создания правительства, ответственного перед народом и народным представительством. В резолюции ВСГ в свою очередь говорилось о режиме, губящем и позорящем Россию, о безответственных преступниках, готовящих стране поражение, позор и рабство. В качестве выхода из сложившегося положения, ведущего страну к катастрофе, предлагались реорганизация власти, создание ответственного министерства (Шевырин 2003: 97–105).

В преддверии Февральской революции 1917 г. органы местного самоуправления все меньше зависели от центральной власти, вследствие чего в отдельных местностях сложилась ситуация, близкая к революционной. Так, в доносе, написанном отдельными землевладельцами Уманского уезда Киевской губернии на имя начальника Киевского охранного отделения, говорилось: «Наш бедный уезд,

Богом забытый и начальством оставленный, живет теперь какой-то кошмарной жизнью и под шумок готовится к революции, которую непременно ждет после войны» (ЦГИАУК 3: 29). При этом ответственность за такое положение дел возлагалась на председателя местной земской управы барона Ю.Ф. Мейендорфа, который «образовал в земской управе целое революционное гнездо», подобрав служащих из политически неблагонадежных деятелей, в том числе и из осужденных ранее за политические преступления (ЦГИАУК 3: 29 об.).

В январе 1917 г. на деятельность Прогрессивного блока и союзов отреагировали консервативные силы города Киева и Киевской губернии. Они направили на имя Николая II записку, с которой монарх ознакомился и поставил резолюцию: «Записка достойная внимания». В ней излагались коллективные соображения указанных кругов по поводу положения страны и о мерах, которые следует предпринять для внутреннего успокоения. Характеризируя ситуацию в Юго-Западном крае, монархически настроенная общественность указывала на деструктивную деятельность «еврейско-кадетских интеллигентских кругов», которые под руководством Прогрессивного блока и «сорганизованной антигосударственной лиги земцев» в течение продолжительного времени занималась дискредитацией существующего государственного строя. В записке было указано на недопустимость выдвижения представителями парламентского большинства политических требований о смене отдельных представителей власти и системы управления в стране в военное время. Помимо того, была дана развернутая критика деятельности ВЗС и ВГС в Юго-Западном крае. По мнению авторов записки, эти организации, распоряжаясь казенными деньгами, «стали почти хозяевами края», оказавшись «в роли диктаторов уездов и целых губерний». Кроме того, по их мнению, союзы стали способом для уклонения от службы на фронте и были переполнены поляками и евреями. Далее с использованием конкретных примеров шли обвинения союзов в причастности к продовольственному кризису, инфляционным процессам, бесхозяйственности, а также в искусственном целенаправленном создании атмосферы всеобщего недовольства. Консервативные круги Киева рекомендовали Николаю II без промедления изменить характер взаимоотношений правительства с общеземскими и общегородскими учреждениями, чтобы работа, проводившаяся за государственный счет, происходила от имени правительства и под его непосредственным контролем (Семенников 1927: 285–290).

Февральская революция 1917 г. стала важной вехой в истории ВЗС и ВГС. Целые отделы и комиссии освобождались от прежней государственной опеки и наделялись широкими полномочиями

государственного характера. В органы новой власти переходили работать деятели союзов. Так, Временное правительство возглавил председатель ВЗС князь Г. Львов (Шевырин 2003: 120–121), а видными деятелями Украинской революции стали руководители и работники ВСГ Юго-Западного фронта Ф.Р. Штейнгель, А.Г. Вязлов, Д.И. Дорошенко, А.В. Никовский, Н.Ф. Биляшевский, И.И. Красковский, В.Н. Леонтович, Ф.П. Матушевский, В.В. Уляницкий (Дорошенко 1969: 60), а также заместитель уполномоченного ВЗС Западного фронта С.В. Петлюра (Верстюк 2004: 118).

Таким образом, комитеты Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов на Юго-Западном фронте имели большую эффективность при организации помощи фронту и тылу. В политическом же отношении создавалась парадоксальная ситуация: обеспечение армии и само существование самодержавия зависели от организаций, большинство членов которых не были заинтересованы в сохранении правящего режима. После осложнений на фронте летом 1915 г. союзы постепенно перешли от сотрудничества к конфронтации с властью и в конечном итоге стали одной из сил, которая поспособствовала падению самодержавия и сформировала новое правительство.

ЛИТЕРАТУРА

Брусилов 1983 - Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1983. Ч. 1. 256 с.

Верстюк 2004 - Верстюк В.Ф. Симон Петлюра: політичний портрет (до 125-річчя від дня народження) // Український історичний журнал. 2004. № 3. С. 112–126.

Гайда 2002 - Гайда Ф.А. Прогрессивный блок в оценке русской либеральной оппозиции (1915–1917) // Последняя война императорской России / Под ред. О.Р. Айрапетова. М.: Три квадрата, 2002. С. 92–114.

Донік 2014 - Донік О.М. Всеросійський земський союз в Україні: структура, напрями та результати діяльності // Український історичний журнал. 2014. № 3. С. 22–37.

Дорошенко 1969 - Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє-минуле (1914–1920). Мюнхен: Українське видавництво, 1969. 543 с.

Дякин 1967 - Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны, 1914–1917. Л.: Наука, 1967. 374 с.

Кузьміна 2013 - Кузьміна І.В. Діяльність Комітету Південно-Західного фронту Всеросійського Союзу міст під час головування Федора Штейнгеля (1915–1917 рр.) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. 2013. Вип. 22. С. 329–348.

Куликов 2008 - *Куликов С.В.* Благотворительность и политика: новые источники по истории отношений земского и городского союзов с царским правительством в 1915–1916 гг. // Благотворительность в истории России: новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 17–67.

Литвин 2014 - *Литвин В.М.* Перша світова війна 1914–1918 рр. і Україна. Київ: Наукова думка, 2014. 452 с.

Мацузато и др. 2001 - *Мацузато К., Ярцев А.А., Абрамов В.Ф. и др.* Земский феномен: политологический подход. Sapporo: Slavic Research Center Hokkaido University, 2001. 189 с.

Семенников 1927 - *Семенников В.П.* Монархия перед крушением. 1914–1917: Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 309 с.

Трутовский 1915 - *Трутовский В.* Современное земство. Пг.: Изд-во П.И. Певина, 1915. 288 с.

Туманова 2014 - *Туманова А.С.* Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М.: РОСПЭН, 2014. 336 с.

ЦГАГОУ - Центральный государственный архив гражданских объединений Украины. Ф. 57. Оп. 1. Д. 130. Копии циркуляров, донесений, сообщений, телеграмм, обзорных справок и других документов Департамента полиции, Киевского губернского жандармского управления, прокурора Киевского губернского жандармского управления, прокурора Киевского окружного суда о деятельности комитетов и групп РСДРП, о революционном и общественном движении и настроении населения Киевской губернии. 10 января 1915 г. – 2 января 1916 г.

ЦГИАУК 1 - Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (далее – ЦГИАУК). Ф. 274. Оп. 4. Д. 456. Доклады министру внутренних дел, записки начальника Киевского губернского жандармского управления, рапорты и донесения помощников начальника Киевского губернского жандармского управления о революционном движении и политическом настроении населения Киевской губернии. Сведения о деятельности РСДРП. 25 августа 1915 г. – 12 мая 1916 г.

ЦГИАУК 2 - ЦГИАУК. Ф. 274. Оп. 4. Д. 548. Донесения и рапорты помощников начальника Киевского губернского жандармского управления, уездных исправников и приставов, полицейских участков г. Киева о политическом настроении населения г. Киева и Киевской губернии. 12 января 1916 г. – 12 января 1917 г.

ЦГИАУК 3 - ЦГИАУК. Ф. 275. Оп. 2. Д. 21. Протокол партийного суда РСДРП над Мухиным, обвиняемом в провокации и растрате партийных денег. 5 июня 1907 г. – 1917 г.

ЦГИАУК 4 - ЦГИАУК. Ф. 301. Оп. 2. Д. 429. Циркуляры Департамента полиции и переписка с начальником Подольского губернского жандармского управления о розыске и наблюдении за лицами, принадлежащими к нелегальным

партиям и организациям, подозреваемыми в шпионстве и другими. 2 января 1914 г. – 31 декабря 1914 г.

ЦГИАУК 5 - ЦГИАУК. Ф. 351. Оп. 1. Д. 4. Сводка деятельности революционных партий с 15 января по 15 апреля. 15 января 1914 г. – 15 апреля 1914 г.

ЦГИАУК 6 - ЦГИАУК. Ф. 442. Оп. 864. Д. 69. Переписка с волынским губернатором о принятии мер к недопущению празднования 50-летнего юбилея земскими учреждениям Волынской губернии. 18 февраля 1914 г. – 19 февраля 1914 г.

ЦГИАУК 7 - ЦГИАУК. Ф. 707. Оп. 229. Д. 234. С секретной перепиской по округу. 11 июля 1909 г. – 11 апреля 1914 г.

ЦГИАУК 8 - ЦГИАУК. Ф. 1680. Оп. 1. Д. 227. Списки периодических изданий, выходивших в г. Харькове в 1912 и 1913 годах и секретная переписка с Главным управлением по делам печати и другими учреждениями о помещенных в Харьковских периодических изданиях статьях 10 февраля 1911 г. – 27 ноября 1915 г.

Шевырин 2003 - Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917): Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2003. 152 с.

Щербін 2011 - Щербін Л.В. Українське питання в діяльності Конституційно-демократичної партії Росії (1905–1918 рр.). Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2011. 247 с.

Яхонтов 1926 - Яхонтов А.Н. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 г.) // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. XVIII. С. 5–136.

REFERENCES

Brusilov, A.A. (1983) *Moi vospominaniya* [My memoirs]. Vol. 1. Moscow: Voenizdat.

Verstuyk, V.F. (2004) Symon Petlyura: politychnyy portret (do 125-richchya vid dnya narodzhennya) [Simon Petliura: Political Portrait (to the 125th anniversary of his birth)]. *Ukrayins'kyi istorychnyy zhurnal*. 3. pp. 112–126.

Gayda, F.A. (2002) Progressivnyy blok v otsenke russkoy liberal'noy oppozitsii (1915–1917) [Progressive Bloc in the evaluation of the Russian liberal opposition (1915–1917)]. In: Ayrapetov O.R. (ed.) *Poslednyaya voyna imperatorskoy Rossii* [The Last War of the Imperial Russia]. Moscow: Tri kvadrata. pp. 92–114.

Donik, O.M. (2014) Vserosiys'kyi zems'kyi soyuz v Ukrayini: struktura, napryamy ta rezul'taty diyal'nosti [The All-Russian Zemsky Union in Ukraine: structure, trends and results of activity]. *Ukrayins'kyi istorychnyy zhurnal*. 3. pp. 22–37.

Doroshenko, D. (1969) *Moyi spomyny pro nedavnye-mynule (1914–1920)* [My Memories of the Recent Past (1914–1920)]. Munich: Ukrainian Publ.

Dyakin, V.S. (1967) *Russkaya burzhuaziya i tsarizm v gody Pervoy Mirovoy voyny, 1914–1917* [The Russian Bourgeoisie and the Tsarism in WWI, 1914–1917]. Leningrad: Nauka.

Kuzmina, I.V. (2013) Diyal'nist' Komitetu Pivdenno-Zakhidnoho frontu Vserosiys'koho Soyuzu mist pid chas holovuvannya Fedora Shteynhelya (1915–1917 rr.) [The Activity of the South-Western Front Committee of the All-Russian Union during the presidency of Fedor Steingel (1915–1917)]. *Problemy istoriyi Ukrayiny: fakty, sudzhennya, poshuky*. 22. pp. 329–348.

Kulikov, S.V. (2008) Blagotvoritel'nost' i politika: novye istochniki po istorii otnosheniy zemskogo i gorodskogo soyuzov s tsarskim pravitel'stvom v 1915–1916 gg. [Charity and Politics: New sources on the history of relations between rural and urban associations with the Tsarist government in 1915–1916]. In: bulgakova, L. (ed.) *Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii: novye dokumenty i issledovaniya* [Charity in the History of Russia: New Documents and Studies]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 17–67.

Lytvyn, V.M. (2014) *Persha svitova vyna 1914–1918 rr. i Ukrayina* [World War I in 1914–1918 and Ukraine]. Kyiv: Naukova dumka.

Matsuzato, K., Yartsev, A.A., Abramov, V.F. et al. (2001) *Zemskiy fenomen: politologicheskii podkhod* [Zemsky Phenomenon: Political Science Approach]. Sapporo: Slavic Research Center Hokkaido University.

Semennikov, V.P. (1927) *Monarkhiya pered krusheniem. 1914–1917: Bumagi Nikolaya II i drugie dokumenty* [Monarchy Before the Crash. 1914–1917: Nicholas' II of Russia Papers and Other Documents]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.

Trutovskiy, V. (1915) *Sovremennoe zemstvo* [Modern Zemstvo]. Petrograd: P.I. Pevin.

Tumanova, A.S. (2014) Obshchestvennye organizatsii Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 – fevral' 1917 g.) [Russian Public Organizations During WWI (1914 – February 1917)]. Moscow: ROSSPEN.

Central State Archives of Public Organizations of Ukraine. Fund 57. List 1. File 130.

Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv (TsGIAUK). Fund 274. List 4. File 456.

Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv (TsGIAUK). Fund 274. List 4. File 548.

Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv (TsGIAUK). Fund 275. List 2. File 21.

Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv (TsGIAUK). Fund 301. List 2. File 429.

Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv (TsGIAUK). Fund 351. List 1. File 4.

Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv (TsGIAUK). Fund 442. List 864. File 69.

Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv (TsGIAUK). Fund 707. List 229. File 234.

Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv (TsGIAUK). Fund 1680. List 1. File 227.

Shevyryn, V.M. (2003) *Vlast' i obshchestvennyye organizatsii v Rossii (1914–1917): Analiticheskiy obzor* [The Authorities and Public Organizations in Russia (1914–1917): An Analytical Review]. Moscow: INION RAN.

Shcherbin, L.V. (2011) *Ukrayins'ke pytannya v diyal'nosti Konstytutsiyno-demokratychnoyi partiyi Rosiyi (1905–1918 rr.)* [The Ukrainian problem in the Activity of the Constitutional-Democratic Party of Russia (1905–1918 years.)]. Ivano-Frankivsk: Lileya-NV.

Yakhontov, A.N. (1926) *Tyazhelye dni (Sekretnye zasedaniya Soveta ministrov 16 iyulya – 2 sentyabrya 1915 g.)* [Heavy days (The secret sessions of the Council of Ministers during July 16 – September 2, 1915)]. In: *Arkhiv russkoy revolyutsii* [The Archives of Russian Revolution]. Vol. 18. pp. 5-136.

Магась Вячеслав Олегович – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель кафедры общественных наук Житомирского военного института им. С.П. Королева (Украина).

Magas Vyacheslav – Zhytomyr Military Institute after S.P.Korolev (Ukraine).

E-mail: vomagas@gmail.com

УДК 94 (477.87) "1914/1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/44/15

КУЛЬТУРНЕ ЖИТТЯ НА ЗАКАРПАТТІ НАПЕРЕДОДНІ ТА В РОКИ ПЕРШОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ

Н.М. Світлик

Ужгородський національний університет

Україна, 88000, м. Ужгород, пл. Народна, 3

E-mail: nelyasvitlyk@mail.ru

Авторське резюме

Перша світова війна стала глибокою цивілізаційною кризою, яка принесла з собою руйнацію старого імперіалістичного мислення і утворення нових національних держав. Для поневолених народів війна стала здебільшого непередбаченою історичною нагодою заявити про свої національні домагання. Роль України в часи війни, що стала для народу братовбивчою, була, безсумнівно, значною. І мова не лише про геополітичний фактор, а й про численні людські та матеріальні втрати. Не залишались осторонь воєнних дій і Закарпаття, культурне становище якого в роки війни і характеризує даний нарис. Специфічне політичне і культурне становище Закарпаття напередодні воєнних дій вплинуло на його подальшу долю в процесі післявоєнного поділу світу.

Карпатські русини залишалися підневільним селянським народом, без жодних власних інституцій, окрім церкви. Майже всі дослідники історії Закарпаття однастайні в тому, що на початок Першої світової війни ще не склалися відповідні соціальні, етнополітичні, культурні та духовно-психологічні передумови для суспільної консолідації карпатських українців. Відсутність названих передумов зумовлювалася передусім причинами об'єктивного характеру. Карпатоукраїнці не мали державницької традиції, належного рівня соціальної стратифікації суспільства, впливових громадських організацій. Чи не єдиним об'єднуючим чинником була уніатська (греко-католицька) церква, проте її роль в культурній консолідації українців краю з різних причин, не завжди від неї залежних, була далеко не однозначною, а то й деструктивною. З початком війни угорська влада посилила мадяризаційні заходи в краї. Зокрема, було скасовано кириличний шрифт і замінено його на латинський, відмінено григоріанський календар, та заборонено всі слов'янські свята, місцева інтелігенція переслідувалась. Таким чином Перша світова війна загострила і так важке соціально-економічне і культурне становище Закарпаття, принесла з собою значні людські втрати.

Ключові слова: карпатоукраїнці, русини, мадяризація, греко-католицька церква, Австро-Угорщина, інтелігенція, москвофільство..

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ЗАКАРПАТЬЯ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н.М. Свитлык

Ужгородский национальный университет
Украина, 88000, г. Ужгород, пл. Народная, 3
E-mail: nelyasvitlyk@mail.ru

Авторское резюме

Первая мировая война стала глубоким цивилизационным кризисом, который принес с собой разрушение старого империалистического мышления и образование новых национальных государств. Для поработанных народов война стала непредсказуемой исторической возможностью заявить о своих национальных домогательствах. Роль Украины во время войны, ставшей для народа братоубийственной, была, несомненно, значительной. И речь не только о геополитическом факторе, но и о многочисленных человеческих и материальных потерях. Не оставалось в стороне военных действий и Закарпатье, культурное положение которого в годы войны и характеризует данный очерк. Специфическое политическое и культурное положение Закарпатья накануне военных действий повлияло на его дальнейшую судьбу в процессе послевоенного раздела мира. Карпатские русины оставались подневольным крестьянским народом, без собственных институтов, кроме церкви. Почти все исследователи истории Закарпатья единодушны в том, что к началу Первой мировой войны еще не сложились соответствующие социальные, этнополитические, культурные и духовно-психологические предпосылки для общественной консолидации карпатских украинцев. Отсутствие названных предпосылок обусловлено прежде всего причинами объективного характера. Карпатоукраинцы не имели государственной традиции, надлежащего уровня социальной стратификации общества, влиятельных общественных организаций. Едва ли не единственным объединяющим фактором была униатская (греко-католическая) церковь, однако ее роль в культурной консолидации украинского края по разным причинам, не всегда от нее зависевшим, была далеко не однозначной, а то и деструктивной. С началом войны венгерская власть усилила мадяризационные действия в крае. В частности, были отменены кириллический шрифт (заменен на латинский) и юлианский календарь, запрещены все славянские праздники, местная интеллигенция преследовалась.

Таким образом, Первая мировая война обострила и без того тяжелое социально-экономическое и культурное положение Закарпатья, принесла с собой значительные человеческие потери.

Ключевые слова: карпатоукраинцы, русины, мадяризация, греко-католическая церковь, Австро-Венгрия, интеллигенция, москвофильство.

THE CULTURAL LIFE OF TRANSCARPATHIA ON THE EVE AND DURING WWI

N.M. Svitlyk

Uzhgorod National University.
3 Narodna Square, Uzhgorod, 88000, Ukraine
E-mail: nelyasvitlyk@mail.ru

Abstract

WWI caused a crisis in civilization, which brought with it the destruction of the old imperialist mentality and formation of new national states. For the oppressed peoples the war was an unexpected historical opportunity to express their national aspirations. Ukraine's role during the war, which became fratricidal, was without doubt, significant. And it is not only the geopolitical factor but also with regard to the numerous human and material losses. Transcarpathia was not left outside the hostilities and this essay characterizes its cultural situation during the war. The specific political and cultural situations of Transcarpathia on the eve of the military activities influenced its future in the post-war division of the world.

Carpathian Rusins were a dependent peasant people without their own institutions other than the church. Almost all researchers of Transcarpathian history unanimously agree that at the beginning of WWI there had not yet been established the relevant social, ethno-political, cultural, spiritual and psychological conditions for the social consolidation of Carpathian Ukrainians. The absence of these prerequisites were first of all predetermined by objective reasons. Carpathian Ukrainians did not have a state tradition, an adequate level of social stratification of society, influential community organizations. Perhaps the only unifying factor was the Uniate Greek Catholic Church but its role in the cultural consolidation of Ukrainian lands, for various reasons, was ambiguous or even destructive. At the beginning of the war the Hungarian authorities increased its measure of Magyarization of the region. In particular, the Cyrillic script was abolished and replaced by the Latin, the Julian Calendar was changed and all Slavic

holidays were banned and local intellectuals persecuted. Thus WWI had aggravated the already difficult socio-economic and cultural situation in Transcarpathia and brought about a significant loss of life.

Keywords: Carpathian Ukrainians, Rusins, Magyarization, Greek Catholic Church, Austro-Hungary, Intellectuals, Moscopphilism

«Матір'ю катастроф ХХ століття» небезпідставно називають Першу світову війну, що являла собою глибоку цивілізаційну кризу. Війна стала не тільки закономірним наслідком загострення суперечностей між європейськими державами, а й проявом їхньої внутрішньої кризи, у сфері міжнаціо-нальних відносин зокрема. Як пише англійський дослідник Норман Дейвіс у книзі «Європа: історія»: «Великі історичні катастрофи стають наслідком фатального поєднання загальних і конкретних причин. Без "конкретних" причин глобальні не призвели б до воєнного лиха 1914...» (Дейвіс 2000).

Для поневолених народів Перша світова війна стала здебільшого непередбаченою історичною нагодою заявити про свої національні домагання. Більше того, війна поставила етнополітичні проблеми в розряд пріоритетних у міжнародній політиці. Роль України в часи війни, що стала для народу братовбивчою, була, безсумнівно, значною. І мова не лише про геополітичний фактор, а й про численні людські та матеріальні втрати. За роки війни в складі російських армій перебувало приблизно 4,5 млн наддніпрянців, а в Австро-Угорській – понад 300 тис. галичан, буковинців, закарпатців. Нажаль, значна частина українців, а в їхньому числі і закарпатці, так і залишилися в статусі національних меншин, увійшовши внаслідок розпаду Австро-Угорської імперії та повоєнного поділу світу до складу населення інших держав.

Темі воєнного лихоліття 1914–1918 рр. у європейських країнах присвячено тисячі наукових праць, у яких, однак, мало місця відведено подіям в Україні, а ще менше безпосередньо на Закарпатті. В останні роки науковці досить часто звертаються до даної проблематики, однак на сьогодні не вдається цілком висвітлити всі її аспекти. Це в першу чергу стосується і тематики даного нариса. Специфічне політичне і культурне становище Закарпаття напередодні воєнних дій, вплинуло на його подальшу долю в процесі післявоєнного поділу світу. Виходячи з історичного факту, що закарпатські землі ще в ХІІ ст. були приєднані до Угорського королівства, європейські держави продовжували вважати Закарпаття інтегральною частиною Угорщини. Натомість Російська імперія, на випадок успішної для неї війни, виношувала плани об'єднання під царською короною всіх східнослов'янських народів, включаючи з карпатоукраїнцями.

Ситуація ускладнювалась тим, що карпатські українці вступили у ХХ ст. без усталеної самоідентифікації. Більше того, як зазначав І. Лисяк-Рудницький, Карпатська Україна – один із тих відсталих регіонів Європи, населення яких ще й у нашому сторіччі (йдеться про ХХ ст.) тривалий час не мало викристалізованої національної свідомості (Левенець та ін. 2008: 175). Інший відомий дослідник О. Бочковський говорив про закарпатських русинів як про таких, що «історією і громадськістю забуті чи свідомо нехтувані, над якими офіційна політика проходить байдуже» (Бочковський 1932: 8).

Байдужістю до долі закарпатців була позначена і політика офіційного Відня, який повністю віддав їх на відкуп Будапешту. Останній не тільки не зважав на необхідний соціо-культурний розвиток населення краю, а й взагалі відмовлявся визнавати будь-які права за місцевим населенням. Сутність етнополітичної доктрини угорської влади досить чітко була висловлена в заяві одного з провідних державних діячів Угорщини початку ХХ ст. А. Аппоні: «...Якщо мадяри є панами-господарями, то інші раси мусять бути слугами, і поки ці відносини існують, є абсурдом говорити про рівність» (Шандор 1992: 184).

Становище Закарпаття у Першій світовій війні ускладнювалося ще й ти фактом, що не тільки закарпатське, а й взагалі українське питання загалом не викликало політичної зацікавленості у країн Антанти. У 1915 р. англійський історик А. Тойнбі писав: «Багато зневажених національностей здобули визнання впродовж війни, але приклад українців є найбільш вражаючим. Нація тридцяти мільйонів, а ми ніколи не чули її назву» (Скоблик 1998: 29). Відносно ж карпатських українців, то не тільки Захід не знав про них, а й значна частина українського населення по інший бік Карпат. Так, до прикладу, дослідник історії українських січових стрільців С. Ріпецький писав, що українці інших областей дуже мало знали про цю забуту частину України (Ріпецький 1995: 81).

Карпатські русини залишалися підневільним селянським народом, без жодних власних інституцій, окрім церкви. Представники останньої хоч і намагалися підтримувати культурний розвиток краю, створюючи окремі товариства, як от «Общество святого Василия Великого», акціонерне товариство «Унію» тощо, однак культурний та етнонаціональний прогрес ту майже не спостерігався. Майже всі дослідники історії Закарпаття одностайні в тому, що на початок Першої світової війни ще не склалися відповідні соціальні, етнополітичні, культурні та духовно-психологічні передумови для суспільної консолідації карпатських українців (Левенець та ін 2008: 177). Відсутність названих передумов зумовлювалася передусім причинами об'єктивного характеру. Карпатоукраїнці не мали державницької традиції, належного

рівня соціальної стратифікації суспільства, впливових громадських організацій.

Чи не єдиним об'єднуючим чинником була уніатська (греко-католицька) церква, проте її роль в культурній консолідації українців краю з різних причин, не завжди від неї залежних, була далеко не однозначною, а то й деструктивною. Відомий історик І. Лисяк-Рудницький так коментував ситуацію в краї: «Греко-католицька церква, як єдина національна установа закарпатців і їх офіційна репрезентація, стала поволі слухняним знаряддям денаціоналізаторської політики Будапешта» (Лисяк-Рудницький 1993: 719). Багато дослідників зазначають, що впродовж XIX ст. «...з угро-руського духовенства постало нове мадярське панство, яке мало свої культурні й економічні інтереси цілком противні інтересам простої русинської людности» (Пекар 1997: 122).

Виходячи з цього, карпатські українці фактично не мали своєї національної еліти, яка б спрямувала рух за національне самовизначення свого народу. Не була вироблена літературна мова – ті, хто не піддавався мадяризації, розмовляли підкарпатським діалектом. Все це різко контрастувало з тим, що відбувалося в житті інших слов'янських народів, українців Наддніпрянщини і Галичини в тому числі. До того ж населення Закарпаття було занадто строкатим. На невеликій за обсягом території поруч з русинами проживали угорці, словаки, євреї, румуни, німці, цигани та інші народності. За даними угорської статистики, на початок 1914 р. населення Закарпаття налічувало понад 848 тис. осіб, з них етнічних українців було лише близько 406 тис. (Левенець 2008: 178).

Перша світова війна порушила звичний неспішний ритм існування далекої від політичної та будь-якої іншої помітної активності провінції. Тисячі русинів, мобілізованих до армії, не лише змінили звичний спосіб життя. Змін зазнала їхня свідомість. Як писав Еріх Цьолнер в своїй «Історії Австрії»: «...на початку війни в Австрії, як і в інших країнах, серед представників різних прошарків населення панував бадьорий бойовий дух, відомий як "дух 1914 року". До армії масово зголошувалися добровольці, які не вміли реально оцінити ситуацію, однак їм не бракувало патріотизму та віри в швидку перемогу» (Цьолнер 2001).

2 серпня 1914 р. у Львові створено Головну Українську Раду (ГУР) на чолі з К. Левицьким, яка 3 серпня звернулася до населення з маніфестом виступити на боротьбу проти царської імперії. Подібну політичну відозву до буковинських українців видав Союз українських парламентарних і сеймових депутатів із Буковини. На Закарпатті таких закликів не було в силу його політичної неактивності. Значно

меншим був і патріотичний запал щодо вступу до військ. Ситуацію в краї збурювала і позиція Російської імперії, яка з перших же днів війни продемонструвала прагнення здобути симпатії українців – підданих Австро-Угорської імперії. Вже в серпні 1914 р. з'явилася «Відозва до слов'ян», в якій містився заклик зустрічати російських воїнів як визволителів.

Судячи з реакції австро-угорського військового командування, поширення «Відозви» серед солдат було сприйнято як серйозна загроза ворожого впливу на свідомість як вояків, так і цивільного населення. Безпосередньою відповіддю Австро-Угорщини на російську відозву можна вважати наказ Вищого військового командування про заборону поширення «Відозви», яка закликає до зради імперії та «старого доброго імператора».

Перша світова війна, хоч і не принесла з собою на Закарпаття значних руйнацій, не могла не вплинути на соціально-економічне становище населення краю, яке і без того було вкрай важким. Про економічний занепад дізнаємося з архівних матеріалів. Детально описав воєнні роки історик-краєзнавець 70-х рр. XIX – початку XX ст. Т. Легоцький, який залишив нам рукопис щоденника – праці «Наша світова війна», що наразі зберігається в Державному архіві Закарпатської області (ДАЗОа). У праці збережені дані широкого аспекту як економічного та і культурного становища Закарпаття в роки Першої світової війни.

Культурне життя краю з початком війни стало ще занедбанішим. До вже існуючих заборон додалися нові, як от, наприклад, з'явилися цілі списки забороненої в краї літератури. Зазначимо, що до числа забороненої літератури потрапляли й ті видання, які, по суті, не мали призначення виступати, як вище названа «Відозва», у якості пропагандистської зброї у протистоянні Антанти і Троїстого (Четвертного) союзу, але в умовах війни набули саме такого статусу. Йдеться, наприклад, про надруковані на території Російської імперії молитовники, іншу релігійну літературу тощо. З початком війни угорська влада посилила асиміляційний тиск на карпатських українців, небезпідставно вважаючи їх проросійськи налаштованими. Преса Угорщини висловлювала побоювання, що серед «рутенського населення Верхніх провінцій (Felvidek – так називали офіційні органи Закарпаття) обманутого москвофільською інтелігенцією, може знайтися чимало агентів царизму, колишніх людей Росії» (Нариси історії Закарпаття 1993: 365–366).

Із Закарпаття від органів місцевої влади до Будапешта систематично надходили повідомлення про прояви симпатій до наступаючої в Карпатах російської армії, як і до російських військовополонених. Ще у перші дні війни надзупан Ужанської жупи граф Стараї повідомляв

міністра внутрішніх справ Угорщини: «В руських селах помітний рух. Скрізь виявляються симпатії до росіян, сподіваються на їх прихід, одверто виявляють з цього приводу радість» (Качій 1965: 42). Дані зауваження не могли не вплинути на політику угорських властей щодо русинського населення. Особливо відчутними зміни були в сфері культури. Вже в 1914 р. вийшло урядове розпорядження, згідно з яким навчання руській мові в руських церковних школах обмежувалося 3–5 класами. В державних школах руська мова взагалі була заборонена, як і у навчальних релігійних закладах. Навіть без офіційної заборони руська мова була в скрутному становищі. До прикладу в мукачівській державній семінарії, що відкрилась у вересні 1914 р., з 21 учня, зарахованого на перший курс, русинів було лише три. У наступному навчальному році серед 26 прийнятих першокурсників був лише один українець (Пагирич 1994: 78).

Найбільш популярне періодичне видання «Неделя» стало виходити мадярським правописом. Однак до кінця 1914 р. і принаймні на початку 1915 р. вона видавалася кирилицею. Газета закликала русинів показати приклад палкого патріотизму і підтримувати «свою країну». Дане видання також мало стати слухняним органом мадяризації місцевого населення, яке незважаючи на всі зусилля влади ще повністю не втратило своєї української ідентичності, і «...коли більшість підкарпатської інтелігенції й справді була мадяризована, то народні маси від цього вбереглися... Угорщина й далі залишалася до індустріальною, нерозвиненою країною, не здатною створити відповідні передумови, потрібні для зміни мислення і національних почуттів цілого народу» (Магочій 1994: 46).

У 1915 р., коли російська армія заволоділа значною частиною Карпат, угорський уряд прийняв рішення відмовитись від використання в школах і церквах Закарпаття кирилиці, оскільки, як вважала влада, вона зберігає традиції слов'янської культури серед русинів. Дане рішення викликало опір серед релігійної та світської інтелігенції краю, тому уряду не відразу вдалося здійснити задумане. Та все ж таки влітку 1916 р. було прийнято закон № 169, який ліквідовував кирилицю, тобто забороняв її вивчення у церковних і світських школах. Замість кирилиці запроваджувалася латинська абетка у поєднанні з мадярською фонетикою. Аргументи А. Волошина, члена комісії з переробки граматики, про те, що мадярська фонетика не відповідає руській мові, були відкинуті.

За новою граматикою почали видавати підручники, релігійну літературу, періодику. У культурно-духовній сфері заборонялося все, що, на думку влади, могло мати політичний підтекст, особливо щодо проявів антивоєнних настроїв чи москвофільства. Заборонялося

церковні обряди називати руськими, з церковних календарів вилучалися слов'янські свята, заборонили навіть юліанський календар і ввели григоріанський. Мадяризація продовжувалася також по лінії перейменування топографічних назв місцевостей і населених пунктів, українських прізвищ та імен. Було заборонено видання єдиного на той час русинського часопису «Наука». З офіційного вжитку вилучався навіть термін «рутен», яким самі ж угорці споконвіку називали закарпатських русинів. Натомість офіційно почали вживати назву «греко-католицькі угорці» (Левенець та ін. 2008: 183).

У асиміляції русинів угорська влада активно і цілеспрямовано використовувала греко-католицьку церкву, постійно втручаючись в церковні справи. Державні чини повністю перебрали на себе контроль над церковним життям на Закарпатті. Ще напередодні війни на Закарпатті була створена окрема мадярська єпархія. Метою її створення було «перемішати українське й румунське населення з мадярським... щоб прискорити мадярщення меншин» (Пекар 1997: 100). Проте Будапешт цим не задовольнився і на початку війни почав вимагати, щоб русинські приходи були приєднані до мадярських.

Фактом є й те, що змадяризована греко-католицька церква під тиском державних структур угорської влади, зайняла вірнопідданську позицію щодо Угорщини. До речі, саме її ієрархи, насамперед група греко-католицьких священиків Березького комітату, на початку 1915 р. звернулися до угорського уряду з петицією, в якій просили ліквідувати назву «русин», запровадивши замість неї назву «мадяр» або ж «католик східного обряду» (Левенець та ін. 2008: 184). Красномовний приклад такої старанно декларованої про угорської орієнтації знаходимо в документі, що зберігається в ДАЗО під назвою «Меморандум греко-католицького священика с. Білки про врегулювання національних і релігійних питань на Закарпатті» (ДАЗОб). Автор документу Олодарь Романець, прагнучи очистити угорських русинів від підозр у москвофільстві, покладає провину за ворожі впливи не лише на великоросів, а й таких самих підданих дуалістичної імперії – галицьких русинів. (ДАЗОб: 8). Цей документ зайвий раз підкреслює ступінь відокремленості Угорщини та потужності її асиміляторської політики.

Греко-католицька церква не заперечувала проти усунення кирилиці, першою почала пропагувати латину. Ще у 1915 р., прагнучи ліквідувати кирилицю за допомогою священицтва, міністр освіти насамперед звернувся саме до ієрархів греко-католицьких єпархій з вимогою, щоб церква переходила на григоріанський календар, відмовилася від кирилиці й користувалася лише латиною мадярської транскрипції. Як тільки у Будапешті було схвалено план цих транс-

формацій та рекомендовано запровадити їх у русинських школах, пряхівський єпископ Стефан Новак заборонив використовувати у церковних школах написані кирилицею підручники. Одночасно єпархія почала видавати профінансований державою тижневик «Nase oteczestvo», основним завданням якого була пропаганда латини й демонстрація відданості греко-католицької церкви Угорщині.

Захоплено вітала заборону кирилиці угорська преса. У присвячених цьому питанню публікаціях журналісти говорили про занепад кириличного письма, схвалювали дії пряхівського єпископа й дорікали тим, хто не поспішав з переходом на латину. Одна з будапештських газет 10 жовтня 1915 р. писала: «Впровадивши мадярські букви, можна би з руського простака зробити людину, бо до цих пір він лише вегетує життям скотини» (Пап 2003: 603).

З тими, хто чинив опір асиміляції, угорська влада жорстоко розправлялася, особливо в перший період війни, коли події на фронті складалися не на користь Австро-Угорщини. Будь-які прояви москвофільства чи навіть підозра в ньому жорстоко каралися. Після повернення австро-угорської армії на тимчасово зайняті російськими військами території розпочиналися пошуки тих, хто співчував чи, тим паче, допомагав росіянам. Лише в жовтні 1914 р. були заарештовані понад 800 жителів ряду сіл. Багатьох засудили до 20–25 років ув'язнення. Покарання і страти були масовими. Звинувачених у «державній зраді» селян і міщан розстрілювали за вироками воєнних польових судів чи взагалі без будь-якого суду.

Попри високий ступінь асимільованості та демонстративний угорський патріотизм греко-католицької церкви, священники також не користувалися довірою з боку влади. У перший рік війни було арештовано понад 30 священнослужителів. А загалом упродовж воєнних років, як повідомляє сучасник тих подій, о. Іриней Кондратович, духовенство знаходилося під пильним поліцейським наглядом, при цьому у двох закарпатських єпархіях було заарештовано понад 100 духовних осіб, половина з яких були інтерновані до інших регіонів держави (Кондратович 1924: 100).

Отже, фактично в роки війни склалася ситуація, коли, як писав один із дослідників історії Закарпаття І. Поп, бути русином стало не тільки неprestижно, а й небезпечно, бо за атмосфери шовіністичної істерії і офіційної русофобії власті у кожному національно свідомому русині бачили потенційного російського шпигуна. Репресії змушували закарпатців відмовлятися від національно-етнічної ідентичності, православної віри, називати себе мадярами греко-католицького обряду (Поп 1996: 7). До того ж необхідно мати на увазі, що можливість протидіяти асиміляторським акціям уряду була практично знівельована

умовами воєнного стану. Не завжди виправданим було і покладання цілковитої провини в мадяризації шкіл і ліквідації кирилиці лише на духовенство, як то наголошується, зокрема, в радянській історіографії. Безумовно, духовенство, як уже зазначалося, було причетним до денаціоналізації українців Закарпаття, проте не більше, ніж в руслі загальнодержавної політики. Так, за дотриманням священнослужителями нового григоріанського календаря слідувала жандармерія. То ж у дні свят за старим календарем священики не лише не проводили богослужінь, а зі страху перед можливими ексцесами зачиняли церкви. Мукачівську єпархію, яка противилася закону про скасування кирилиці у 1916 р. було зобов'язано негайно переписати всі церковні книги угорською транслітерацією. І тільки влітку 1918 р., за нового уряду в Будапешті єпархія відкликала латинську церковну літературу. А дещо пізніше уже фактично приречена влада видала указ, яким визнавала права русинської мови у всіх школах.

З поразками російської армії і, відповідно, придушення москвофільства у суспільному та культурному житті Закарпаття посилювались позиції угорфілів. У всій тогочасній про угорській пресі провідною темою стає пропаганда єдності інтересів угорців і русинів. «Русини є такою самою складовою частиною мадярства, як і чистокровний мадярський нарід, і між ними обома є тільки та різниця, що один з них говорить по-мадярськи, а певна частина другого говорить по-руськи. Національних устремлінь русини не мають і ніколи не мали», – писала у січні 1918 р. ужгородська газета «Görög katholikus Szemle» (Греко-католицький огляд) (Шандор 1992: 180). При цьому зауважимо, що на відміну від українців Галичини, які у воєнних успіхах імперії Габсбургів бачили можливість національного самовизначення, в громадській думці закарпатців таких думок ще не було. Нечисленні поборники української ідеї, які не емігрували за океан, майже до кінця війни так і не мали ані своїх друкованих органів, ані громадських організацій.

А тим часом, в імперії, яка терпіла поразки у війні, зростала «шпигуноманія» та «пошук ворога». Як свідчать численні документи, за наказами з Міністерства внутрішніх справ Угорщини на місцях складалися списки осіб, запідозрених у шпигунстві. На тіл суцільної настороженості особливо підозрілими видавалися військовополонені, які поверталися з Росії. Міністр внутрішніх справ неодноразово давав розпорядження місцевим окружним начальникам спостерігати за їхньою поведінкою та діяльністю, конфісковувати привезену ними літературу. Свідченням цих подій є циркуляри, що один за одним з'являлися упродовж 1918 р. і практично до завершення війни (Белаусов 1957).

Негативно впливала на культурний розвиток карпатських українців майже відсутність у них дієвих зв'язків не тільки з національно-виз-

вольним рухом у Наддніпрянській Україні, а й навіть з сусідньою Галичиною. Як зазначав у свій час М. Драгоманов, Угорська Русь духовно відрізана навіть від Галичини більше, ніж Австралія від Європи. Якщо наприкінці XIX на початку XX ст. галицькі громадські діячі нехай і не організовано, а здебільшого спонтанно, за власною ініціативою вдавалися до поширення національної ідеї серед українців Закарпаття, то в роки війни така діяльність фактично припинилася (Світлик 2010: 235). Більше того, створена у 1915 р. у Відні Загальна українська рада не брала фактично до уваги інтереси українців Закарпаття, принаймні в її програмній декларації немає жодної згадки про цей край. Пізніше деякі представники інтелігенції Закарпаття намагалися налагодити контакти з відомими діячами галицького руху, однак їхня співпраця не увінчалася успіхом.

За умов тривалої етнічної та соціально-культурної невизначеності долі русинів ініціативу перебрала на себе офіційна влада та проугорськи налаштовані течії закарпатсько-української громади. Склалася ситуація коли, наприклад, в 1916 р. журнал «Ukrania» писав: «Рішуче й раз назавжди проголошуємо, що в Угорщині українці ніколи не були, ані тепер їх нема. Той народ, що живе в північно-східних жупах і який ми називаємо рутенами, протягом століття злився з мадярами, а його інтелігенція вже цілком мадярська і то не лише мовно, а й національним почуттям» (Ванат 1979: 42). Того ж 1916 р. інше угорське видання так писало про закарпатських українців: «Є у нашій вітчизні одна народність, що нараховує близько 300 000 душ, яка в теперішніх воєнних обставинах заслуговує на нашу увагу: се русини. Народністю себе вони вже не зовуть, лише мадярами. Політичних аспірацій не мають ні в українському, ні в російському напрямі» (Волошин 1923: 84). Ці слова були досить влучними враховуючи, що Будапешту дійсно вдалося політично, економічно й адміністративно ізолювати Закарпаття від Галичини і Буковини, а також значною мірою паралізувати культурні взаємини між ними.

В часописі «Ukrania», яка «поставила собі метою вияснити перед мадярським громадянством українські справи і пропагувати спільність обох націй» (Дорошенко 1992: 48), висловлювали свої погляди відомі угорські політики, урядовці, наукові діячі, літератори. У програмі часопису було ознайомлення читачів з історією, етнографією, культурним та господарським життям України й висвітлення мадярсько-українських взаємин в історичній, економічній, культурно-науковій царинах. Однак, українське населення Закарпаття виступало тут з «мадярського боку», а під Україною розумілися тільки «...ті області, які обіймає українське населення по другім боці північно-східних Карпат: у Галичині, на Буковині та в південній частині російського низу»

(Дорошенко 1992: 48–49). Закарпаття до уваги взагалі не бралось.

Таким чином Перша світова війна загострила і так важке соціально-економічне і культурне становище Закарпаття, принесла з собою значні людські втрати. Згідно з урядовою статистикою 1920 р., у Першій світовій війні загинуло понад 30 тис. вихідців із Закарпаття. Проте невідоме число загинув у боях, померлих від ран та у таборах полонених у межах краю. Поки що не маємо спеціальних досліджень. Про значні втрати свідчать кладовища на місці баталій та лікувальних установ. Найбільші фронтові госпіталі для австро-угорських і німецьких солдатів функціонували біля Хуста, Ужгорода, Мукачеве, села Тересва (Тячівський район). Там помирили від ран, захворювань, епідемій. Окрім цього Перша світова війна прямо чи опосередковано загострила національну проблему. Спричинивши розпад поліетнічних імперій, вона обумовила становлення нових геополітичних реалій у світі, за яких національно-визвольні рухи стали переростати в національно-демократичні революції. Про свою незалежність заявили Українська Народна Республіка, Польща, Чехословаччина, Західно-Українська Народна Республіка. Не було серед них лише українського Закарпаття.

Власних зусиль для національного самовизначення у закарпатських українців забракло, допомоги ззовні вони не отримали, «не вписавшись» у концепцію «контрольованого розпаду Австро-Угорщини», якою її бачили США і країни Антанти. Не було підтримки щодо національних прагнень русинів із боку більшовицької Росії, яка більше переймалася проблемами власного виживання, одночасно виношуючи плани експорту соціалістичної революції у світовому масштабі. Проблема соборності українських земель не була пріоритетною і в діяльності Центральної Ради, принаймні на перших порах її діяльності. Вирішення проблеми політико-правового статусу Закарпаття перебрала на себе заокеанська русинська еміграція, яка прийняла рішення про входження Закарпаття на правах автономії до складу майбутньої Чехословацької республіки. У кінцевому підсумку, доля Закарпаття, як і інших українських земель, була вирішена у колі чужих геополітичних інтересів, які на десятиліття роз'єднали українські землі у складі нових державних утворень.

ЛІТЕРАТУРА

Белаусов 1957 - *Белаусов В.І., Ваш І.М. та ін.* Шляхом Жовтня. Збірник документів. Т. (1917–1923 рр.). Ужгород, 1957. 555 с.

Бочковський 1932 - *Бочковський О.* Боротьба народів за національне визволення. Подєбради, 1932.

- Ванат 1979 - *Ванат І.* Нариси новітньої історії українців Східної Словаччини. Кн. 1: 1918–1938. Братислава-Пряшів, 1979.
- Волошин 1923 - *Волошин А.* Спомини. Ужгород, 1923.
- ДАЗОа - Державний архів Закарпатської області. Ф. 1550. Наша світова війна. Оп. 2. Спр. 36–39. 891 арк.
- ДАЗОб - Державний архів Закарпатської області. Ф. 4. Меморандум греко-католицького священика с. Білки про врегулювання національних і релігійних питань на Закарпатті. Оп. 1. Спр. 738. 12 арк.
- Дейвіс 2000 - *Дейвіс Н.* Європа: історія. Київ, 2000.
- Дорошенко 1992 - *Дорошенко Д.* Угорська Україна. Ужгород, 1992.
- Качій 1965 - *Качій Ю.* Зв'язки населення Закарпаття з російськими військами в роки першої світової війни // Архіви України. 1965. № 6.
- Кондратович 1924 - *Кондратович І.* Історія Подкарпатської Руси для народу. Ужгород: Книгопечатня акційного товариства «Унію», 1924. 114 с.
- Левенець 2008 - *Левенець Ю., Панчук М., Войналович В. та ін.* Закарпаття в етнополітичному вимірі. К.: ІПІЕНД імені І.Ф. Кураса НАН України, 2008. 682 с.
- Лисяк-Рудницький 1993 - *Лисяк-Рудницький І.* Закарпаття // Енциклопедія українознавства / За редакцією В. Кубійовича. Т II: Словникова частина. Репринт. Львів, 1993.
- Магочій 1994 - *Магочій П.-Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород, 1994. 296 с.
- Нариси історії Закарпаття 1993 - Нариси історії Закарпаття. За редакц. І. Гранчака. Т. 1: 3 найдавніших часів до 1918 року. Ужгород, 1993. 436 с.
- Пагири 1994 - *Пагири В.* Відлуння Карпат. Сторінки історії. Ужгород, 1994.
- Пап 2003 - *Пап С.* Історія Закарпаття: У 4 т. Івано-Франківськ, 2003. Т. 3.
- Пекар 1997 - *Пекар А.* Нариси історії церкви Закарпаття. Рим-Львів, 1997. Т. I–II.
- Поп 1996 - *Поп І.* Homo Totalitaricus? Історія Закарпаття: критичні роздуми // Карпатський край. 1996. № 5–7.
- Ріпецький 1995 - *Ріпецький С.* Українське січове стрілецтво. Львів, 1995. 285 с.
- Світлик 2010 - *Світлик Н.* Культурні контакти між західноукраїнськими землями середини XIX – початку XX століття // Питання історії України. Збірник наукових праць. Чернівці, 2010. Т. 13. С. 231–237.
- Скоблик 1998 - *Скоблик В.* Два підходи до української проблеми у контексті міжцивілізаційних взаємин // Науковий вісник УжДУ. Сер. Історія. 1998. Вип. 2.
- Шандор 1992 - *Шандор В.* Закарпаття, історично-правовий нарис від IX ст. до 1920 р. Карпатський Союз, Інк., Нью-Йорк, 1992. 292 с.
- Хроніка 2011 - *Хроніка Закарпаття (1867–2010).* Ужгород: Видавництво УжНУ «Говерла», 2011. 312 с.
- Цьолнер 2001 - *Цьолнер Е.* Історія Австрії. Львів, 2001.

REFERENCES

- Belausov, V.I., Vash, I.M. et al. (1957) *Shlyakhom Zhovtnya*. Zbirnik dokumentiv [By the way of the October. Collection of documents]. Uzhhorod: Karpati.
- Bochkovskyi, O. (1932) *Borot'ba narodiv za natsional'ne vizvolennya* [The Struggle of Peoples for National Liberation]. Podiebrady: [s.n.].
- Vanat, I. (1979) *Narisi novitn'oi istorii ukraintsvi Skhidnoi Slovaichchini* [Essays on Contemporary History of Ukrainians in Eastern Slovakia]. Book 1. Bratislava-Priashiv: Slovakian Pedagogical Publ.
- Voloshyn, A. (1923) *Spomini* [Memoirs]. Uzhhorod: Knizhki "Rusina".
- State Archives of Transcarpathian region (DAZOa). Fund 1550. *Nasha svitova viyna* [Our World War]. List 2. File 36–39.
- State Archives of Transcarpathian region (DAZOб). Fund 4. Memorandum greko-katolits'kogo svyashchenika s. Bilki pro vregulyuvannya natsional'nikh i religiy'nykh pitan' na Zakarpatti [Memorandum of Greek Catholic priest of the village Bilki on the settlement of ethnic and religious issues in Transcarpathia]. List 1. File 738.
- Davies, N. (2000) *Evropa: istoriya* [Europe: A History]. Translated from English by P. Tarashchuk. Kiiv: Osnovi.
- Doroshenko, D. (1992) *Ugors'ka Ukraïna* [Hungarian Ukraine]. Uzhgorod.
- Kachiy, Yu. (1965) *Zv'yazki naselennya Zakarpattya z rosiys'kimi viys'kami v roki pershoi svitovoi viyni* [Links population of Transcarpathia Russian troops during the First World War]. *Arkhivi Ukraïni*. 6.
- Kondratovich, I. (1924) *Istoriya Podkarpatskoy Rusi dlya naroda* [The history of Rus Podkarpatskoy for people]. Uzhgorod: Knigopechatnya aktsiynogo tovaristva "Unio", 1924.
- Levenets', Yu., Panchuk, M., Voinalovych, V. et al. (2008) *Zakarpattya v etnopolitichnomu vimiri* [Transcarpathian ethno-political dimension]. Kiev: IPIEND imeni I.F. Kurasa NAN Ukraïni, 2008.
- Lisyak-Rudnits'kiy, I. (1993) *Zakarpattya* [Transcarpathia]. *Entsiklopediya ukraïnoznavstva*. Vol. II: Slovníkova chastina. Reprint. L'viv.
- Magochiy, P.-R. (1994) *Formuvannya natsional'noi samosvidomosti: Pidkarpats'ka Rus' (1848–1948)* [Formation of National Identity: Subcarpathian Rus (1848–1948)]. Uzhgorod, 1994.
- Granchak, I. (ed.) (1993) *Narisi istorii Zakarpattya* [Essays on the history of Transcarpathia]. Vol. 1: Z naydavnishikh chasiv do 1918 roku. Uzhgorod.
- Pagiry, V. (1994) *Vidlunnya Karpat*. Storinki istorii [Echoes of the Carpathians. History]. Uzhgorod.
- Pap, S. (2003) *Istoriya Zakarpattya* [History of Transcarpathia]. In 4 vol. Ivano-Frankivs'k, 2003. Vol. 3.
- Pekar, A. (1997) *Narysy istorii tserkvy Zakarpattia* [Sketches of Church History Transcarpathia]. Rome-L'viv. Vol. I - II.

Pop, I. (1996) Homo Totalitaricus? Istoriya Zakarpattya: kritichni rozdumi [Homo Totalitaricus? History Transcarpathia: critical thinking]. *Karpats'kiy kray*. 1996. 5–7.

Ripets'kiy, S. (1995) *Ukraińs'ke sichove strilets'tvo* [Ukrainian Cossack riflemen]. L'viv.

Svitlik, N. (2010) Kul'turni kontakti mizh zakhidnoukraїńskimi zemlyami seredini XIX–pochatku XX stolittya [Cultural contacts between Western lands mid XIX - early XX century]. *Pitannya istorii Ukraїni*. Zbirnik naukovikh prats'. Chernivtsi.

Skoblik, V. (1998) Dva pidkhodi do ukraińs'koї problemi u konteksti mizh tsiviliza-tsiynikh vzaemin [Two approaches to Ukrainian issues in the context of relations between civilization]. *Naukoviy visnik UzhDU*. Ser. Istoriya. 1998. Vol. 2.

Shandor, V. (1992) *Zakarpattya, istorichno-pravoviy naris vid IX st. do 1920 r.* [Transcarpathia, historical and legal essay from IX. to 1920]. New York.: Karpats'kiy Soyuz, Ink.

Tokar, M. (ed.) (2011) *Khronika Zakarpattya (1867-2010)* [Chronicle Transcarpathia (1867-2010)]. Uzhgorod: Vidavnitstvo UzhNU "Goverla", 2011. 312 s.

Ts'olner, E. (2001) *Istoriya Avstriї* [History of Austria]. L'viv.

Свитлык Неля Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета (Украина).

Світлик Неля Михайлівна – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України Державного вищого навчального закладу «Ужгородський національний університет» (Ужгород, Україна).

Svitlyk Nelia – Uzhgorod National University (Ukraine).

E-mail: nelyasvitlyk@mail.ru

УДК 94(477)"1914/1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/44/16

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ВЕЛИКА ВІЙНА 1914–1918 рр. І УКРАЇНА» (КН. 1. КИЇВ, 2014; КН. 2. КИЇВ, 2015).

А.Ю. Бахтурина

Российский государственный гуманитарный университет

Россия, 125993, Москва, Миусская площадь, д. 6

E-mail: b-a-t13@yandex.ru

Авторское резюме

В рецензии рассматривается содержание работы украинских историков, ее основные моменты. Авторы анализируют позиции Центральных держав и государств Антанты по вопросу о возможности создания независимого украинского государства после Первой мировой войны и делают вывод, что создание независимой Украины не входило в их планы. Показана ситуация в Галиции в годы войны, но исследователи не приходят к единому мнению о роли русской администрации в 1914-1915 гг. Они приводят данные об организации помощи мирному населению и одновременно пишут о трудностях жизни в условиях «российской оккупации». Рассматривается деятельность украинских общественных организаций, их борьба за создание украинского государства. Авторы отмечают, что в годы войны шло формирование национальной идентичности украинцев, но указывают, что этот процесс был сложным, имел различия в отдельных регионах. Не все население стремилось идентифицировать себя в качестве украинцев.

Ключевые слова: Первая мировая война, Украина, Галиция, национальная идентичность.

REVIEW OF THE BOOK "THE GREAT WAR OF 1914-1918 AND THE UKRAINE" (Vol. 1. KIEV, 2014; Vol. 2. KIEV, 2015)

A.Y. Bakhturina

Russian State University for the Humanities

6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia

E-mail: b-a-t13@mail.ru

Abstract

The contents of this work of Ukrainian authors and its basic tenures are reviewed. The authors analyze the position of the Central Powers and the Entente States regarding the question of the possibility of forming an independent Ukrainian state after WWI. They come to the conclusion that the formation of an independent Ukraine did not enter into their plans. They look into the situation in Galicia during the war but the authors do not come to an unanimous opinion about the role of the Russian administration in 1914-1915. They present facts about the organization of help for the population and at the same time write about the hardships of life under the conditions of the «Russian occupation». The activity of Ukrainian social organizations, their struggle in the formation of a Ukrainian state are reviewed. The authors note that during the war years there was a formation of a national identification of Ukrainian but also show that the process was complicated and was varied in different regions. Not all of the population aimed to identify itself as Ukrainian.

Keywords: WWI, The Ukraine, Galicia, National Identification.

Столетие со дня начала Первой мировой войны стало серьезным стимулом для профессионального сообщества историков, изучающих историю России начала XX в. В советской историографии Первая мировая десятилетиями находилась «в тени» революции 1917 г. и рассматривалась в основном в контексте поиска причин возникновения и становления коммунистического режима. Данное обстоятельство оказало существенное влияние на развитие историографии как российской, так и стран ближнего зарубежья. Научное сообщество в начале XXI ст. уделяет огромное внимание как изучению феномена Первой мировой войны, ее влиянию на последующее развитие мировой истории, так и введению в оборот новых источников (Первая мировая война 2014; Россия 2014; Россия в стратегии 2014а; Россия

в стратегии 2014b). С этой точки зрения работа украинских историков универсальна: первый том содержит исследовательские материалы, второй - тематические подборки документов.

История Первой мировой привлекает внимание исследователей не только как история военных действий, но и как период, события которого оказали колоссальное влияние на общественно-политическое развитие мира в XX в., и именно в этом контексте авторы коллективного исследования анализируют историю Украины в 1914-1918 гг.

Они рассматривают украинскую историографию Первой мировой войны, военные действия, международные отношения и национальную политику Российской империи в контексте украинских проблем, политику российских властей в Восточной Галиции в 1914-1915 и 1916 гг., деятельность украинских национальных общественных организаций, создание и деятельность Украинской Центральной Рады, Гетманства П. Скоропадского и Западно-Украинской Народной Республики, социально-экономические проблемы и повседневную жизнь украинского населения, а также политические проблемы Украины на завершающем этапе войны в 1917-1918 гг.

К сожалению, в рамках одной рецензии невозможно дать полную характеристику этого фундаментального труда, поэтому необходимо остановиться на наиболее интересных проблемах, затронутых авторами.

Одним из грандиозных по своему значению последствий Первой мировой стало создание новых независимых государств и распад крупнейших империй - Австро-Венгерской, Османской и Российской. Этот распад был, безусловно, весьма длительным, но именно Первая мировая война ускорила процессы национальной самоидентификации и создания новых независимых государств. В контексте названной проблемы особую значимость приобретает вопрос о роли внешних и внутренних факторов, влиявших на формирование национальной государственности. Противоборствующие стороны еще в начале войны решали вопрос о послевоенном переустройстве мира и новых государственных границах в Европе. В современной историографии значительное внимание уделяется роли Центральных держав и Антанты в формировании национальных государств. Украинские историки также обратили пристальное внимание на то, какую роль планы послевоенного переустройства мира сыграли в создании украинской государственности.

В.Ф. Солдатенко в очерке «"Украинская тема" в политике держав австро-немецкого блока и Антанты» отмечает, что накануне войны Германия обращала пристальное внимание на национальные движения на территории Российской империи, лидеры которых могли быть

привлечены на сторону Центральных держав. При этом Солдатенко подчеркивает, что до начала войны российское украинство не рассматривалось Центральными державами как значительная политическая сила в сравнении с поляками. Но после начала войны в Германии отношение к этой проблеме меняется, и появляется мысль о поддержке «украинской государственной традиции в интересах немецкой военной стратегии» (Велика війна 2014: 81). Обоснование данной позиции содержалось в меморандуме немецкого консула в Варшаве барона фон Рехенберга, составленном для начальника имперской канцелярии. В документе рассматривались история украинских земель в XVII–XVIII вв., демократические общественные движения XIX в. и «антиукраинская национальная политика царизма» (Велика війна 2014: 81). Также Рехенберг считал, что создание независимой Украины могло бы ливидировать «российскую угрозу для Центральных держав» (Велика війна 2014: 81). Обращает внимание и то, что в контексте проблемы создания независимой Украины Рехенберг особое значение придавал Галиции, которая должна была стать центром распространения идей украинской независимости. Обсуждение проблемы украинской государственности требовало ответа на вопрос о возможной государственной территории будущего национального государства. Следует отметить, что аналогичные проблемы решались участниками мирового конфликта на протяжении всей войны применительно и к другим национальным государствам, возникновение которых связывалось с окончанием войны и будущим переделом мира (Лауринавичюс 2015). В этом смысле постановка Центральными державами вопроса о будущей украинской государственной территории не была чем-то уникальным. Но В.Ф. Солдатенко вводит в научный оборот целый ряд интересных данных, показывающих, как шло обсуждение этой проблемы. Он отмечает, что уже в 1914 г., пусть на бумаге, но началось оформление украинской территории и определение статуса Украины. Автор подчеркивает, что австрийской дипломатии предстояло определить, станет ли Украина самостоятельным государством, или проблема будет решена иначе (Велика війна 2014: 83). Исследователь отмечает, что в 1914 г. существовали различные варианты ее решения, и вопрос о независимости Украины в годы Первой мировой войны был весьма спорным. Также в Вене шли переговоры с лидерами украинского национального движения, обсуждались границы будущей Украины, куда предполагалось включить территории Киевской, Волынской и Подольской губерний.

Дискуссии о будущей украинской государственности в годы Первой мировой шли при активном участии украинских общественных деятелей. В.Ф. Солдатенко отмечает роль Союза освобождения

Украины (СВУ) в обсуждении этих вопросов, его попытки влиять на австрийские и немецкие власти. Важным рубежом в решении вопроса о будущем Украины со стороны Центральных держав стало решение немецкого кайзера и австрийского императора в 1916 г. о создании независимой Польши и предоставлении автономии Галиции. Это не устраивало лидеров украинского национального движения, и западноукраинские деятели считали это решением о колонизации (Велика війна 2014:100).

Также автор очерка подробно рассматривает позиции государств Антанты, их отношение к проблеме создания независимой Украины. На основании анализа работ британских ученых и политиков: Д. Ллойд Джорджа, Р. Сетона-Уотсона, А. Тойнби, их взглядов на положение Украины в составе Российской империи Солдатенко отмечает, что в 1916 г. внутри британского истеблишмента существовала идея о разделении России на отдельные государственно-политические образования, объединенные федеративной связью, что должно было создать эффективный барьер против доминирования России в Европе. В то же время активность проявляли украинские национальные организации, в частности Украинский народный союз, представители которого обращались к американским политикам и получали поддержку. Автор утверждает, что в 1915-1916 гг. в США активную поддержку получала идея создания украинского автономного образования в составе Дунайской монархии, которую продвигали представители западноукраинской эмиграции в Америке.

Анализируя различные взгляды и позиции, В.Ф. Солдатенко приходит к выводу, что Центральные державы в годы Первой мировой войны рассматривали Украину как «важный фактор ослабления, а то и развала» Российской империи, а государства Антанты, формально провозгласившие опору на «малые нации», «не собирались всерьез принимать к сведению «украинский вопрос» (Велика війна 2014:103-108).

Таким образом, он подчеркивает, что идея украинской независимости представляла собой разменную карту в политике Центральных держав и Антанты. Для тех и других украинская независимость становилась фактором ослабления Австро-Венгрии или России, а роль украинского государства в послевоенной перспективе сводилась к функциям буферной зоны (Велика війна 2014: 82-83).

Следующая важная проблема, которая поднимается в исследовании, - влияние Первой мировой войны на формирование национального самосознания. Вопросу национальной самоидентификации украинцев посвящены различные разделы исследования. Последовательно проводится мысль о росте национального самосознания украинцев

в условиях войны через анализ позиций лидеров украинского движения, деятельность украинских общественных организаций, в том числе Союза освобождения Украины (СВУ). Также подчеркивается, что война способствовала стиранию границ между западными и восточными украинцами и консолидировала нацию. Одновременно А. Рэнт, рассматривая формирование государств на территориях Восточной и Западной Украины и создание Украинской Рады в 1917 г., отмечает, что «вместе с Центральной Радой пришла массовая украинизация», которую не удалось распространить на целый ряд территорий. Не было «очевидного преимущества украинского национального движения» в районах Чернигова, Полтавы, Кременчуга (Велика війна 2014: 655). Авторы указывают, что причина заключалась в смешанном составе населения, преобладании русских на отдельных территориях.

Отсюда вытекает следующая важная проблема данной работы: вопрос о территории и населении Украины в 1914-1918 гг. Исследователи не выделяют его как самостоятельную проблему, но эта тема так или иначе обращает на себя внимание читателей. Рассматривая положение населения, политику в отношении беженцев, авторы оказываются перед необходимостью определить этнические и политические границы украинского этноса. Это один из интереснейших вопросов данной работы: каким образом выделить историю Украины из истории Российской империи и Австро-Венгрии? Авторы формально исходят из границ современной Украины и используют такие понятия, как «украинские земли» и «украинские губернии Российской империи». В этой связи хотелось бы отметить, что период Первой мировой войны - время, когда формирование украинской политической территории, по замечанию Кабузана, только начиналось, а завершилось уже в границах УССР конце 30-40-х гг. XX в. после включения в состав Украины большей части Восточной Галиции, Закарпатья и Восточной Буковины (Кабузан 2006: 4). В предлагаемой работе также указывается на то, что в годы Первой мировой шел процесс определения украинских границ, приводятся мнения современников о «фантастичности» планов «Украина до Дона» (Велика війна 2014: 82).

Подробнейшим образом рассмотрен вопрос о формировании независимых украинских государств в конце войны, а также роль Германии в поддержке Центральной Рады, деятельность П. Скоропадского (Велика війна 2014: 678-689), история Западно-Украинской Народной Республики. Авторы делают интересный вывод о том, что важной проблемой при формировании независимых украинских государств стало создание независимой Польши. О.С. Рублев отмечает, что основным противником возрождения украинской государственности в Галиции стала не агонизирующая монархия Габсбургов, а

восстановленная Польша, получившая поддержку США и государств Антанты. (Велика війна 2014: 694-695).

Важное место в коллективном исследовании уделяется Галиции. Этой теме посвящено несколько очерков. Одним из наиболее проблемных и противоречивых является вопрос о положении гражданского населения Восточной Галиции. С одной стороны, отмечается, что «от репрессий российской оккупационной администрации» (Велика війна 2014: 12) особо пострадали этнические украинцы. С другой - говорится о том, что борьба австрийских властей с «москвофилами» затронула и этнических украинцев, которые подвергались арестам (Велика війна 2014: 344). В.М. Волковинский в очерке «Военный фактор в событиях 1914-1918 гг.» рассматривает военные действия на Западном и Юго-Западном фронтах, отмечая, что в Восточной Галиции население воспринимало приход российских войск так, «как во все времена и во всех странах встречали люди приход оккупантов» (Велика війна 2014: 146), а уход русских из Галиции сопровождался разорением мирного населения. Этот вывод расходится с позициями других авторов. Так, В.Б. Любченко в очерке «Российская оккупационная администрация в Галичине и Буковине» отмечает, что в Галиции действовал ряд благотворительных организаций для помощи пострадавшему от войны гражданскому населению, а средства, поступавшие из различных источников, насчитывали несколько миллионов рублей. Правда, цитируя работу И. Петровича «Галичина во время российской оккупации. Август 1914 - июнь 1915 г.», опубликованную в 1915 г., Любченко отмечает, что помощь оказывалась преимущественно русофилам и членам их семей (Велика війна 2014: 250). Противоречивость позиций авторов исследования, пожалуй, как ни что другое отражает стремление к созданию объективной картины и показывает, что спор о содержании, последствиях политики российских властей в Восточной Галиции и Буковине в годы Первой мировой войны продолжается, требует введения в научный оборот статистических сведений из различных источников, анализа их достоверности.

Второй том представляет собой сборник документов, где отбор материалов нацелен на то, чтобы показать «украинский контекст Первой мировой войны». Помимо документов, опубликованы фотографии и карты стратегических операций. В первом разделе сборника представлены официальные документы, сгруппированные в форме тематических подборок: международные отношения накануне войны, военные действия на украинских землях, деятельность спецслужб и российской администрации в Восточной Галиции и Буковине, обострение украинского вопроса накануне и в годы войны, а также социально-экономические аспекты войны и история повседневности.

В настоящее время особое значение приобретает изучение «человека на войне». Нынешнее поколение учёных исследует «войну солдат», «войну жертв», что во многом обусловлено попытками осмыслить трагическую историю XX в. в целом, проследить взаимосвязь между Первой мировой войной и возникновением тоталитарных режимов. Наибольших успехов международная историография добилась в изучении фронтового опыта в целом и насилия в частности, воздействия войны на организацию тыла и коммуникативные практики и особенно коллективную память Великой войны (Курцев 1999; Белова 2014; Сенявская 1997; Сенявская 1999). И с этой точки зрения работа украинских историков находится в русле важнейших мировых тенденций изучения Первой мировой. Вторая часть сборника, составленная В. Шевченко и О. Кириенко, посвящена теме «человек и война». Составители представили подборку дневниковых записей и воспоминаний рядовых свидетелей войны, а также опубликовали письма, показывающие положение населения и его отношение к войне.

Темы, обозначенные составителями сборника, нашли отражение в таких материалах, как дипломатическая переписка, стратегические и оперативные документы армейского командования, делопроизводственные документы общественных организаций, частная переписка офицеров, солдат, гражданских лиц, проживавших в непосредственной близости от театра военных действий и в тылу.

Следует отметить, что аналогичные попытки публикации документов Первой мировой войны предпринимались и раньше как российскими, так и украинскими исследователями. В 2003 г. был опубликован составленный В.К. Шацилло сборник «Первая мировая война 1914-1918. Факты. Документы» (Шацилло 2003), а в 2009 г. украинская исследовательница Л.М. Жванко опубликовала сборник «Біженство Першої світової війни в Україні. Документи і матеріали (1914-1918 рр.)» (Жванко 2009). Таким образом, интерес к тематическим публикациям документов по истории Первой мировой войны очевиден, и новая работа украинских исследователей во многом дополняет предшествующие. Наиболее важным является то, что материалы сборника вводят в научный оборот документы из фондов Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины), Центрального государственного исторического архива Украины (ЦГИАК Украины).

Подводя итог, необходимо отметить, что коллективный труд представляет собой цикл интересных очерков, вводятся в научный оборот новые фактические данные из архивов Украины. Среди основных тем исследования - вопросы создания украинской государственно-

сти и национальная самоидентификация украинцев под влиянием военных событий.

Выше отмечалась определенная противоречивость авторских позиций, что в целом закономерно для масштабного коллективного исследования и направлено на формирование максимально объективной точки зрения на события Первой мировой. В этой связи хотелось бы обратить внимание на то, что основной бесспорный вывод, который делают авторы, сводится к тому, что Первая мировая война стала переломной эпохой в истории (Велика війна 2014: 708), требующей дальнейшего исследования. И появление данной работы является важнейшим шагом на пути изучения истории Первой мировой войны в ее самых разнообразных аспектах.

ЛІТЕРАТУРА

Белова 2014 - Белова И. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914-1925 гг. М., 2014.

Велика війна 2014 - Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. У 2 кн. Кн. 1: Історичні нариси / Упорядн. О. Реєнт; Ред. кол.: В.А. Смолій (голова), Г.В. Боряк, В.С. Великочий, В.Ф. Верстюк, О.І. Гуржій, О.В. Добржанський, І.А. Коляда, М.В. Кугутяк, С.В. Кульчицький, О.Є. Лисенко (заст. відп. ред.), В.М. Литвин, О.С. Онищенко, Р.Я. Пиріг, О.П. Реєнт (відп. ред.), О.С. Рубльов, В.Ф. Солдатенко, Ю.І. Терещенко, О.А. Удод, В.В. Шевченко (відп. секр.). НАН України. Інститут історії України. Київ: ТОВ «Видавництво “КЛІО”», 2014. 784 с.

Велика війна 2015 - Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. У 2 кн. Кн. 2: Мовою документів і свідчень / Ред. кол.: В.А. Смолій (голова), Г.В. Боряк, В.С. Великочий, В.Ф. Верстюк, О.І. Гуржій, О.В. Добржанський, І. А. Коляда, М.В. Кугутяк, С.В. Кульчицький, О.Є. Лисенко (заст. відп. ред.), В.М. Литвин, О.С. Онищенко, Р.Я. Пиріг, О.П. Реєнт (відп. ред.), О.С. Рубльов, В.Ф. Солдатенко, Ю.І. Терещенко, О. А. Удод, В.В. Шевченко, О.Ю. Кирієнко (відп. секр.). НАН України. Інститут історії України. Київ: ТОВ «Видавництво “КЛІО”», 2015. 800 с.

Жванко 2009 - Жванко Л.М. Біженство Першої світової війни в Україні: Документи і матеріали (1914 - 1918 рр.) Харків, 2010.

Россия 2014 - Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров М., 2014.

Россия в стратегии 2014a - Россия в стратегии Первой мировой войны. В 2-х книгах. Рук. проекта И.Н.Новикова. Кн. 1. Россия в стратегии Антанты / Под ред. А.Ю.Павлова. СПб., 2014.

Россия в стратегии 2014b - Россия в стратегии Первой мировой войны. Кн. 2. Россия в стратегии Центральных держав / Под ред. И.Н.Новиковой, Н.А. Власовой. СПб., 2014.

Кабузан 2006 - *Кабузан В.М.* Украинцы в мире. Динамика численности и расселения 20-е годы XVIII века - 1989 год. М., 2006.

Курцев 1999 - *Курцев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны в России (1914-1917) // Вопросы истории. 1999. № 8.

Лауринавичюс 2015 - *Лауринавичюс Ч.* О литовской политике во время Первой мировой войны: территориально-геополитический аспект // *Empires and Nationalisms in the Great War: Interactions in East-Central Europe. Acta Historica Universitatis Klaipedensis.* XXXI. 2015.

Первая мировая война 2014 - Первая мировая война, Версальская система и современность. Сб. статей / Ов. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов, А.А. Малыгина. СПб., 2014.

Сенявская 1997 - *Сенявская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997.

Сенявская 1999 - *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

Шацилло 2003 - *Шацилло В.К.* Первая мировая война. 1914-1918. Факты. Документы. М., 2003.

REFERENCES

Belova, I. (2014) *Vynuzhdennye migranty: bezhentsy i voennoplennyye Pervoy mirovoy voyny v Rossii. 1914-1925 gg.* [Forced migrants: refugees and prisoners of war of the First World War in Russia. 1914-1925 gg.]. Moscow.

Smoliy, V. (ed.) (2014) *Velika viyna 1914–1918 rr. i Ukraïna.* U 2 kn. Kn. 1: Istorichni narisi [The Great War of 1914-1918 and Ukraine. In 2 books. Book. 1: Historical Essays]. Kiïv: Vidavnitstvo “KLIO”.

Smoliy, V. (ed.) (2015) *Velika viyna 1914–1918 rr. i Ukraïna.* U 2 kn. Kn. 2: Movoyu dokumentiv i svidchen' [The Great War of 1914-1918 and Ukraine. In 2 books. Book. 2: The language of the documents and evidence]. Kiïv: Vidavnitstvo “KLIO”.

Zhvanko, L. (2009) *Bizhenstvo Pershoï svitovoï viyni v Ukraïni.* Dokumenti i materialy (1914–1918 rr.) [World War Refugee status in Ukraine. Documents and Materials (1914-1918 gg.)]. Harkiv.

Petrov Yu. (ed.) (2014) *Rossiya v gody Pervoy mirovoy voyny: ekonomicheskoe polozhenie, sotsial'nye protsessy, politicheskii krizis* [Russia during the First World War: the economic situation, social processes, the political crisis]. Moscow.

Pavlov, A. (ed.) (2014) *Rossiya v strategii Pervoy mirovoy voyny.* V 2-kh knigakh. Kn. 1. Rossiya v strategii Antanty [Russia in the First World War strategy. In 2 books. Hands. I.N. Novikova project. Vol. 1. Russia in the Entente strategy]. St. Petersburg.

Novikova I. (ed.) *Rossiya v strategii Pervoy mirovoy voyny*. Kn. 2. Rossiya v strategii Tsentral'nykh derzhav [Russia in the First World War strategy. Vol. 2. Russia in the policies of the Central Powers]. St. Petersburg

Kabuzan, V. (2006) *Ukraintsy v mire*. Dinamika chislennosti i rasseleniya 20-e gody XVIII veka - 1989 god [The Ukrainians in the world. Changes in the number of resettlement and the 20 years of XVIII century - 1989]. Moscow.

Kurtsev, A. (1999) *Bezhtentsy Pervoy mirovoy voyny v Rossii (1914-1917)* [The refugees of the First World War in Russia (1914-1917)]. *Voprosy istorii*. 8.

Laurinavichyus, Ch. (2015) *O litovskoy politike vo vremena Pervoy mirovoy voyny: territorial'no-geopoliticheskiy aspekt* [About Lithuanian politics during the First World War: territorial and geopolitical aspect The First World War, the Versailles system and the present]. In: *Empires and Nationalisms in the Great War: Interactions in East-Central Europe/ Acta Historica Universitatis Klaipedensis*. XXXI.

Novikova, I. (ed.) (2014) *Pervaya mirovaya voyna, Versal'skaya sistema i sovremennost'* [The First World War, the Versailles system and the present]. St. Petersburg.

Senyavskaya, E. (1997) *Chelovek na voyne*. Istoriko-psikhologicheskie ocherki [The man in the war. Historical and psychological essays]. Moscow.

Senyavskaya E.S. *Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii* [The psychology of war in the twentieth century: the historical experience of Russia]. Moscow.

Shatsillo, V. (2003) *Pervaya mirovaya voyna. 1914-1918. Fakty. Dokumenty* [World War I. 1914-1918. Data. Documentation]. Moscow.

Бахтурина Александра Юрьевна - доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Bakhturina Aleksandra - Russian State University for the Humanities (Russia).

E-mail: b-a-t13@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

Основан в 2005 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2016, № 2 (44)

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинев, Молдавия)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

- 256 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>
Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»: <http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 28.06.2016. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «PT Sans».
Тираж 400 экз.
Заказ 99.

Отпечатано в типографии АО «Реклама».
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.



В 2016 году международный исторический журнал
«Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

ГАЛИЦИЙСКИЕ ПОЛЯ

Брала русская бригада
Галицийские поля,
И достались мне в награду
Два дубовых костыля.

Возвращусь в село родное,
Поселюсь на стороне.
И ветер воет, ноги ноют,
Будто вновь они при мне.

А на свете дружно жили
Трое смелых на селе.
И остались в Перемышле
Двое гнить в сырой земле.

Проживу на белом свете
Всем не нужный и ничей.
А кто же, братцы, мне ответит
За гибель трех друзей?

* Русская солдатская песня времен Первой мировой войны, автор неизвестен. Предположительно появилась после Галицийской битвы (август-сентябрь 1914 г.).